МИР ЖИВОТНЫХ

В первой книге «Мир животных» (автор задумал написать пять таких книг) рассказывается о семи отрядах класса млекопитающих: о клоачных, куда помещают ехидн и утконосов, обитающих только в Австралии (ехидны также на Новой Гвинее и Тасмании); об австралийских и южноамериканских сумчатых; насекомоядных, к которым относятся и встречающиеся только на Мадагаскаре танреки и обитающие только на Кубе и Гаити щелезубы, и всем известные кроты и землеройки; о шестокрылах, два вида этих жи-

вотных обитает в Южной Азии; хищных, представители этого отряда наиболее широко известны; непарнокопытных, к которым относятся лошадиные, тапиры и носороги, и, наконец о парнокопытных: оленях, антилопах, быках, козлах и баранах. Второй выпуск посвящен остальным двенадцати отрядам класса млекопитающих: рукокрылым (летучие мыши и крыланы), приматам (полуобезьяны, обезьяны и человек), неполнозубым (ленивцы, муравьеды, броненосцы), панголинам (ящеры), зайцеобразным (пищухи, зайцы, кролики), грызунам, китообразным, ластоногим, трубкозубым, даманам, сиренам и хоботным (слонам).

МИР

ИГОРЬ АКИМУШКИН

ЖИВОТНЫХ

Рассказы о зверях крылатых, бронированных, ластоногих, трубкозубых, зайцеобразных, китообразных и человекообразных...

Художники
А. БЛОХ,
Б. ЖУТОВСКИЙ

59
А39

СОДЕРЖАНИЕ

ДАМАНЫ

ХОБОТНЫЕ

СИРЕНЫ, ИЛИ МОРСКИЕ КОРОВЫ

КИТООБРАЗНЫЕ

ЛАСТОНОГИЕ

РУКОКРЫЛЫЕ

ПРИМАТЫ

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА

Коперник в 1543 году развенчал Землю, доказав, что она не пуп вселенной.

Нечто подобное случилось и в биологии.

Трон человека как венца творения, на который он вознес себя не без помощи религии и частично науки, ныне зашатался. Дарвин доказал, что человек не создан богом для особых целей и особым путем, а просто произошел от обезьяны и потому представляет собой эволюционную случайность.

В человеке, в его подсознательных процессах, которые влияют и на психику, и даже, как уверяют, на социальную жизнь и творчество, много еще древнего, животного. В этом смысле человек — кентавр: животное в эволюционном и биологическом плане и человек — в социальном и культурном.

Наконец, совсем уже недавно обнаружили в поведении животных немало человеческого, точнее — предчеловеческого.

Впрочем, этого и следовало ожидать. Раз человек произошел от обезьяны, он, естественно, сохранил многие черты не только физического, но и психического сходства с животным миром, куда уходят глубокие корни его эволюции. С другой стороны, и мир животных, в котором еще недавно видели лишь беспощадную борьбу «всех против всех», в свете последних исследований предстает, так сказать, более «гуманным».

Старое понятие о «морали джунглей», о волчьих законах в обычном, традиционном понимании, которые будто бы господствуют в мире зверей, ныне решительно пересматриваются. Эти дикие драки и грызня за самок, добычу или территорию, конечно, случаются, и нередко. Но, как теперь все больше и больше выясняется, они скорее исключение, чем правило. Многие животные эту борьбу ведут с соблюдением определенных правил, ограничивающих увечья и смертельные ранения. Слабый, почувствовав силу сильного, или убегает, или просит о пощаде особым криком или позой, которая у каждого вида животных своя. Молодой волк, выражая покорность, поджимает хвост и подставляет горло, в которое в этом случае сильный волк никогда не вцепится. Вороны и чайки в такого рода ситуациях подставляют незащищенный затылок, крысы и мыши — живот. «Белый флаг» капитуляции у скунса — отчаянный визг.

Самцы многих животных вообще никогда не дерутся. Дуэль, которая должна решить спор из-за самки, территории или первенства в стае, заменена у них своеобразными ритуальными движениями. Они напоминают нередко фигуры странного танца. Некоторые зоологи такого рода борьбу соперников называют блефом. Блефующие самцы не дерутся, а, так сказать, куражатся друг перед другом. Голуби пыжатся, выпячивая грудь. У кого вид более внушительный, тот и победитель. Носатые обезьяны в позиции тет-а-тет стараются перекричать друг друга, раздувая и без того несуразно большие вислые носы. Гориллы разыгрывают целые представления с биением себя в грудь, с ревом и прыжками.

Тупайи незваного гостя своей породы встречают пронзительным визгом и писком. Самцы пауков могли бы в драке и кусаться, но это для обоих смертельно опасно. Поэтому некоторые из них «бодаются», как бараны, уперев друг в друга лбы. Бой антилоп бейз — тоже безвредный ритуал: они лишь фехтуют рогами.

Другое неожиданное открытие последних лет — иерархия, или ранги животных. И раньше знали о том, что в стаях есть вожаки. Но, оказывается, у многих животных это соподчинение проведено сверху донизу последовательно и без исключений. И не только среди самцов, но и между самками, и нередко детенышами и молодыми животными.

Польза от такой организации стай или семейств велика: она исключает лишнее кровопролитие и грызню. Один раз выясняют, кто выше рангом (у каждого вида для этого свои правила),

а потом уже без драк уступают сильному то место, которое эволюция и борьба за существование отвели ему в природе.

Только на своей территории, или ревире, слабый может оказать энергичное сопротивление сильному, и тот, если зашел в чужие владения, особенно и не сопротивляется законным притязаниям владельца.

Факт, известный уже давно, что у каждой стаи, каждой семьи и даже живущего в одиночку животного есть своя охотничья территория, последние исследования подтвердили и уточнили.

Ритуал, выраженный в разных позах и движениях, который обычно называют языком животных, с его тройной, по мнению Конрада Лоренца, функцией — сигнальной, контрольной (сдерживание агрессии) и связующей, — кроме лучшего понимания жизни и поведения животных, оказал зоологии еще одну ценную услугу. Он помогает в сомнительных случаях уточнить классификацию животных, особенно «внутри малых таксонов, то есть между видами, входящими в одно семейство, подсемейство, род».

Например, лам и альпак, американских родичей верблюдов, прежде считали одомашненными потомками диких гуанако и викуней. Но теперь обнаружили, что ритуал ухаживания и угрозы у них разный. Разный настолько, что это бесспорно говорит: у лам и альпак были свои особые, ныне вымершие дикие предки, ритуальное поведение которых они унаследовали.

Изучение поведения животных и другие новые методы (подсчет хромосом, сравнение антител крови и реакции отторжения чужеродных белков, более углубленные исследования эмбриологии и сравнительной анатомии) помогли систематике, древнейшей из зоологических наук, внести значительные коррективы в классификацию животного царства, которая казалась до сих пор так хорошо и надежно разработанной.

В результате человека вместе со всеми приматами переместили с высших ветвей эволюционного древа на низшие (разумеется, в пределах класса млекопитающих). А корова, баран и все полорогие оказались на верху этого древа! Прочие копытные — чуть ниже.

Девятнадцать отрядов в классе млекопитающих. Так вот, с высшего места, девятнадцатого, человека понизили до шестого — сразу за летучими мышами и почти на уровне насекомоядных, древнейших и самых примитивных из несумчатых и неклоачных зверей. Таким образом, новейшая систематика в ближайшие к нам родичи (помимо уже старого — обезьян) записала новых — ежей, кротов, выхухолей, землероек.

Причины? Только развитием мозга мы выше и совершеннее всех, в чисто биологическом плане, разумеется, не социальном. Другие же наши морфологические и физиологические особенности остались на уровне не очень-то совершенных (с эволюционной точки зрения) зверей.

О многих фактах, побудивших ученых совершить такие обидные для нас перестановки, говорить не будем. Это сложный вопрос. Но вот некоторые примеры.

Взять копыта. Как удобнее и безопаснее ходить по земле: на голой подошве или в роговых, от природы данных «башмаках»? Пищеварение, желудок, почки, сердце — почти вся морфологическая и физиологическая система (снова подчеркиваю, кроме высшей нервной деятельности!) у нас примитивнее и менее адаптирована к условиям мира, в котором обитают животные. Мы, возможно, вымерли бы, не выдержав борьбы за существование, если бы не наш мозг! С его помощью человек разумом и трудом создал многое, чего не дано ему было от природы, создал несравнимо более совершенную, чем организация животных стай, социальную среду и цивилизацию, оградив себя от природных невзгод. Эволюция человека шла главным образом в направлении совершенствования мозга и руки, производящей и работающей все более сложными орудиями

труда, и социальных взаимоотношений. Здесь достигнуты такие успехи, что ныне человечество находится на качественно ином уровне, чем весь животный мир.

В новейшей классификации принята система когорт — объединения близких по происхождению отрядов и надотрядов, — которая учитывает конструктивные достижения эволюции и степень их морфологической сложности. (Слово «когорта» выбрано, пожалуй, неудачно: оно ассоциируется с подразделением римских войск, которое нечто среднее между современным батальоном и полком. Уж лучше бы «легион», «армия».)

Первозвери (клоачные), подкласс которых включает лишь один отряд, и отряд сумчатых, представляющий в единственном числе инфракласс сумчатых (подкласс низших зверей), на когорты не разбиты.

Прочие 17 отрядов инфракласса плацентарных, несумчатых (подкласса высших зверей) разделены так:

Когорта когтистых:

насекомоядные (землеройки, ежи, кроты, выхухоли и др.),
шерстокрылы (кагуаны),
рукокрылые (летучие мыши и крыланы),
приматы (полуобезьяны, обезьяны, человек),
неполнозубые (муравьеды, ленивцы, броненосцы),
панголины (ящеры).

Когорта грызунообразных:

зайцеобразные (пищухи, зайцы, кролики и др.),
грызуны (белки, суслики, бобры, дикобразы, мыши, тушканчики и др.).

Когорта немых, или китообразных:

китообразные (киты, дельфины).

Когорта хищно-копытных:

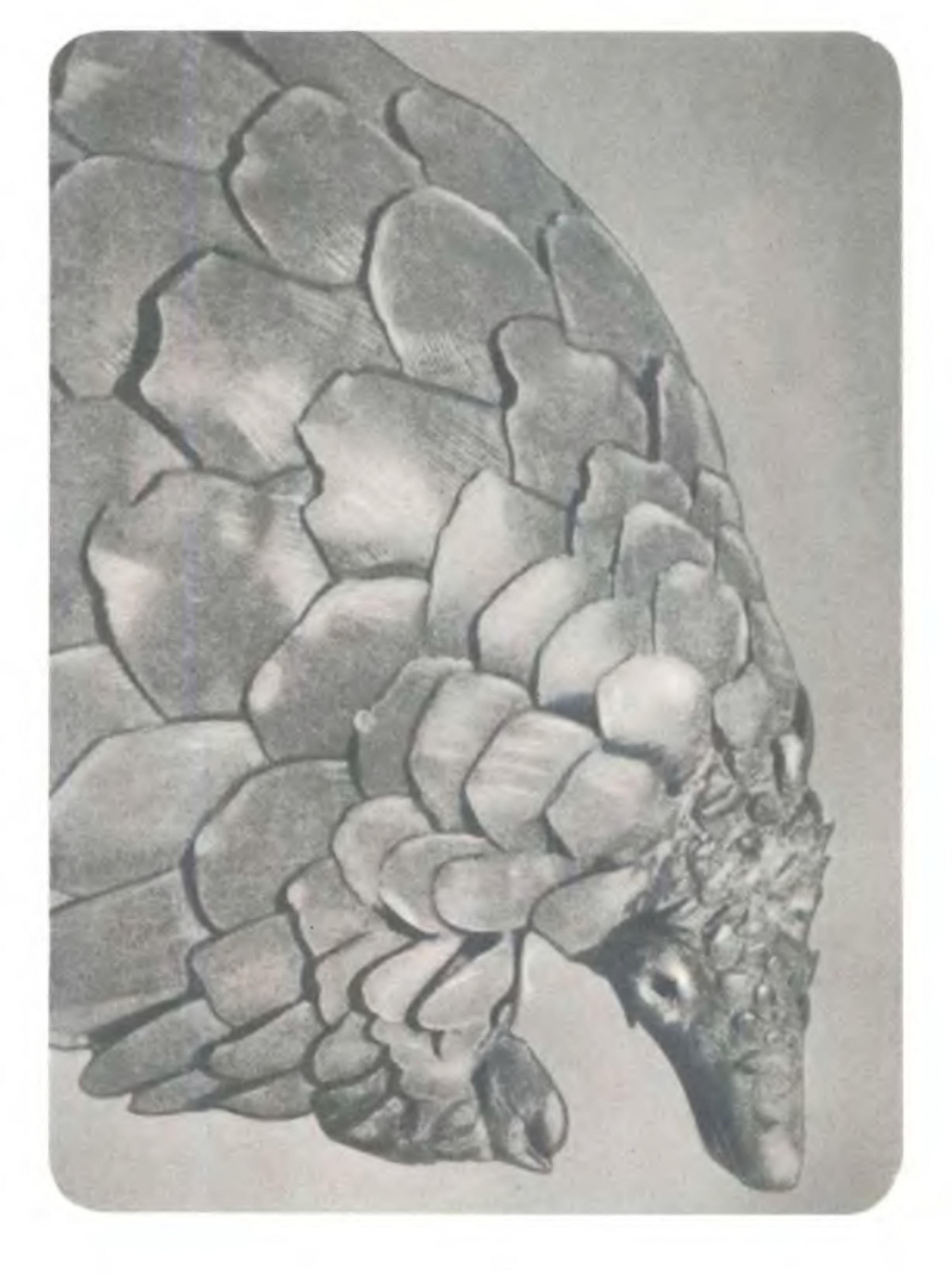
хищные (волки, кошки, медведи, куницы, еноты, виверры и др.),
ластоногие (моржи, тюлени),
трубкозубы,
даманы,
хоботные (слоны),
сирены (дюгони, ламантины, манаты),
непарнокопытные (носороги, тапиры, лошади, ослы, зебры),
парнокопытные (свиньи, бегемоты, верблюды, олени, жирафы, быки, антилопы, козы, бараны).

В таком порядке и следовало бы по принятым ныне правилам расположить в книге о зверях все отряды. Но я все-таки предпочел оставить за приматами их традиционное, привычное для читателей место в последних главах книги и сначала рассказать обо всех наземных зверях, потом — о завоевателях иных стихий (водной и воздушной).

В заключение хочу выразить особую благодарность **Олегу Александровичу Кузнецову** (главы о зайцеобразных и грызунах написаны нами совместно) и **Сергею Константиновичу Клумову** за постоянную и квалифицированную помощь, а также искреннюю свою признательность всем зоологам, исследования которых или советы помогли написать эту книгу: **Н. П. Наумову, С. И. Огневу, В. Е. Соколову, А. П. Кузякину, А. Н. Формозову, А. Г. Томилину, П. П. Смолину, А. А. Гурееву, П. П. Стрелкову, В. Г. Гептнеру, М. Ф. Нестурху, Н. Н. Ладыгиной-Котс, Е. Е. Сыроечковскому, В. Е. Флинту, В. Н. Скалону, И. И. Барабаш-Никифорову, А. А. Насимовичу, И. М. Громову, К. К. Чапскому, Ю. Д. Чугунову, С. В. Маракову, В. В. Дежкину, В. И. Осмоловской, Е. В. Карасевой;**
из иностранных авторов: **Б. Гржимеку, Н. Тинбергену, К. Лоренцу, И. Крумбигелю, Э. Уолкеру, Д. Моррису, Г. Бауэру, Э. Мор, Г. Шаллеру, Б. и Т. Харрисонам, С. Керригер, А. Картландту, Д. Ван Ловик Гудолл** и многим другим, здесь не упомянутым.

ЗВЕРИ В ЧЕШУЙЧАТОЙ БРОНЕ

В отряде панголинов, или ящеров, — одно семейство и один род очень странных на вид животных: они одеты роговой чешуей. Только конец и бока морды, горло, брюхо, внутренняя поверхность конечностей не покрыты чешуями. Прежде панголинов объединяли в один отряд с неполнозубыми. Теперь полагают, что некоторое подобие панголинов и неполнозубых чисто внешнее, конвергентное, возникло под влиянием сходного образа жизни и питания.

Во рту у панголинов совсем нет зубов, но есть роговые зазубренные пластины в желудке (в пилорической части у выхода в кишечник), которые перетирают муравьев и термитов. Поскольку панголины челюстями не жуют, нет у них на черепе и костяных гребней, на которых крепятся жевательные мышцы. Мечевидный отросток грудины очень длинный и у некоторых панголинов вытянут далеко назад (в стенке брюшной полости) вплоть до уровня почек. На нем крепятся мышцы, выбрасывающие язык и втягивающие его обратно в рот: в особое влагалище, задний конец которого заходит в грудную полость. Язык шнуровидный, липкий, длинный, у крупных панголинов до 40 сантиметров. Большие слюнные железы (они разрослись вплоть до плечевой области) обильно смачивают его клейким секретом, к которому прилипают насекомые.

Ушных раковин у африканских панголинов нет совсем, у азиатских — лишь небольшой кожный валик вокруг наружного ушного отверстия, который у китайского панголина образует некоторое подобие ушной раковины.

40—50 миллионов лет назад панголины водились и в Европе (их кости найдены в Южной Германии и Испании). Один вымерший в ледниковое время на острове Ява панголин был до двух с половиной метров длиной. Возможно, панголины развились,

эволюционируя, из общей с неполнозубыми ветви животного царства, а возможно, произошли независимо и прямо от древних насекомоядных зверей.

БЕЗЗУБЫЕ И НЕМЫЕ

Верят в Африке, если сжечь живого панголина в загоне для скота, то скоту будет обеспечено и здоровье, и долголетие, и плодовитость. Чешуя панголина — талисман, надежно страхующий от львиных когтей и зубов. Кольцо из нее — лучшее средство от дурного глаза. Чешуя, истолченная в порошок, спасает будто от сильного кровотечения, особенно из носа. Потому цена одной чешуи кгвары на рынках Иоганнесбурга — два с половиной шиллинга.

Чешуя, когти, шкура, волосы — все ценится в местной медицине и чародействе. И даже в военном деле: из панцирей панголинов шили в Индонезии, а местами и поныне шьют чешуйчатые доспехи. Стрелы, говорят, их не пробивают.

И нелепая вера в магическую силу панголина, и необычная утилизация его брони несут гибель редкостным зверям: еще недавно их тысячами убивали на одних лишь Зондских островах. В 1925 году вывезли оттуда около пяти тонн драгоценной чешуи, перебив не менее 10 тысяч панголинов. А сколько роговых панцирей пошло на местные нужды!

И все-таки живы панголины! Точно выходцы из давно минувшей эры динозавров, лазают по деревьям, цепляясь длинным чешуйчатым хвостом за ветки. Только два панголина, оба африканские,— степной (кгвара) и гигантский (кокороко) — живут на земле (первый лазает и по деревьям). А всего панголинов семь видов: четыре африканских и три южноазиатских.

Африканские дарят миру обычно лишь одного потомка в год, азиатские — одного-трех. У древесных панголинов снизу на конце хвоста голая (без чешуй) осязательная «подушечка», у наземных конец хвоста сверху и снизу сплошь порос чешуями. Длиннохвостый панголин своего рода рекордсмен в мире зверей, у него в хвосте 46—47 позвонков. Первый тяжеловес среди панголинов кокороко, или гигантский ящер: до 27 килограммов, а длина его вместе с хвостом до 180 сантиметров. Другие — от 70 сантиметров (белобрюхий) до полутора метров (малайский панголин).

Длиннохвостый панголин кормится днем, спит ночью, все прочие — наоборот (малайский тоже иногда бродит днем). Степной, гигантский и индийский панголины спят в норах, которые нередко уходят на три метра в глубь земли и там расширяются, образуя камеру до двух метров в окружности. Спальни других панголинов — дупла деревьев.

Увидев его в зоопарке, нередко говорят: «Крокодил». Но панголин не крокодил, не рептилия. Нам, людям, он ближе по роду-племени, чем крокодилу, хотя и закован в роговую броню. Так путешествует панголин по земле...

Из четырех видов африканских панголинов три (длиннохвостый, белобрюхий и гигантский) живут в тропических лесах Западной Африки — от Сенегала или Сьерра-Леоне до Северной Анголы и восточных границ Конго. А степной панголин — в саваннах Восточной и Южной Африки. Индийский панголин — в Индии и на Цейлоне, китайский, или ушастый, — в Южном Китае, Непале и на Тайване, а малайский — в Индокитае, Индонезии (на Сулавеси его нет) и на Филиппинских островах.

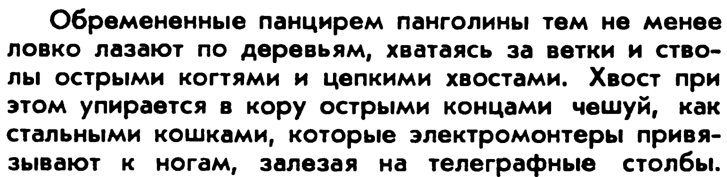
Одно из названий зверя — панголин — происходит от малайского слова «пенголин», что означает способность сворачиваться в шар. Панголины умеют так прочно свернуться, прикрыв лапами и головой небронированное брюхо, что некрупный хищник не в силах их развернуть. Даже человек с трудом справляется с этой задачей. Но удачное ее выполнение приносит неприятности: как только панголин поймет, что его развернули, он сейчас же обильно и метко прыскает своей едкой мочой.

«Еще неясно, каким образом смешивается при этом моча с выделениями анальных желез» (У. Рам).

Броня похожа на чешуйчатый доспех: ее пластины лежат одна на другой, как чешуйки на еловой шишке. Раньше думали, что это «слипшиеся» волосы. Но, внимательно исследовав чешуи панголинов, убедились, что они скорее напоминают ноготь, чем колтун из слипшихся волос. Если панголин потеряет хоть одну из них, на ее месте скоро вырастет новая.

Обремененные панцирем панголины тем не менее ловко лазают по деревьям, хватаясь за ветки и стволы острыми когтями и цепкими хвостами. Хвост при этом упирается в кору острыми концами чешуй, как стальными кошками, которые электромонтеры привязывают к ногам, залезая на телеграфные столбы.

По земле бегают не резво, но быстрее черепахи. Белобрюхий в секунду одолевает лишь метр, это значит, что часовая его скорость — 3,6 километра. Степной панголин (зверь наземный, не древесный) за то же время обгонит белобрюхого лишь на километр. Мешают ходить длинные когти на передних лапах, на задних они короткие. Поэтому панголины, согнув пальцы передних лап, поджимают когти и ковыляют по земле, опираясь на верхнюю поверхность ступней. Нередко они ходят, подобно кенгуру (конечно, не так быстро), лишь на задних ногах, балансируя в воздухе длинным хвостом.

Но вот в деле, которым панголины занимаются по ночам, эти когти незаменимы. Крушат прочные термитники и муравейники и в каждую дырочку, пробитую саблевидными когтями, суют панголины узкую морду. А дальше все закоулки вылизывают липким и длинным языком. Как только муравьи или термиты облепят язык, панголин тут же втянет его в рот. Быстро глотает добычу — жевать некогда и нечем: зубов нет — и тянется за новой порцией. Муравьи и термиты атакуют, конечно, не только язык панголина, лезут в морду, в глаза, уши и под чешуи. Но глаза зверь прикрывает толстыми веками, уши и ноздри смыкают особые мускулистые складки, а с чешуи панголин сбрасывает муравьев, резко ею потрясая. Для обороны от коллективных насекомых предусмотрено все. Поэтому панголины отваживаются нападать даже на страшных бродячих муравьев из племени эцитонов, от которых бежит все живое и которые однажды съели живьем леопарда.

Кроме муравьев, термитов, их яиц и личинок некоторых других насекомых, панголины ничего не едят. Поэтому их так трудно содержать в зоопарках.

Рассказывают, что иногда панголины залезают в гнезда к муравьям, чтобы почиститься. Усядется зверь среди кучи взбешенных насекомых и растопырит свои чешуи. Муравьи набьются под них, кусают, а он терпит. Посидит так немного, потом, прижав чешуи, давит муравьев. Такие же «муравьиные ванны» принимают и многие птицы. Муравьиная кислота, по-видимому, помогает птицам и панголинам избавиться от паразитов. Эту странную дезинсектикацию называют «энтингом».

Любят панголины купаться под дождем и душем (в зоопарках) и пьют немало: лакают воду языком,

...А так по деревьям! Африканский белобрюхий панголин совершает высотное восхождение.

вернее, даже не лакают, а просто, смочив язык, обсасывают его. Но проделывают это очень быстро, так что мелькающие туда-сюда, в рот и в воду, движения языка похожи на лакание.

«Адамс нашел маленькую лужицу воды в углублении норы панголина, из чего заключил, что панголин преднамеренно заготовил этот резервуар, чтобы, когда опасно или плохая погода, не выходить «за дверь» своего дома, а пить в норе. Однако он не сказал, как была обработана почва резервуара, чтобы удержалась в нем вода, и каким образом наполнен он был водой. Возможно, необходимо иное объяснение происхождения лужицы в норе. Впрочем, панголин не единственный из зверей, кто, возможно, преднамеренно запасает воду в норе. Так, в каждой

системе подземных ходов водяной крысы есть более или менее отвесно уходящие вниз «шахты», которые, например, в болотистых низинах у берегов Эльбы доходят до подпочвенных вод и там кончаются. В этих «колодцах» водяная крыса всегда может найти хотя бы капли воды. Также известно, что и крот роет собирающие воду отнорки» (Эрна Мор).

Живут панголины в одиночестве, реже парами. Обычно самки и самцы встречаются и поселяются в одной норе только в дни размножения. Детеныши появляются поздней осенью и зимой, с броней еще мягкой, но через несколько дней она твердеет. Забираются к матери на хвост и, крепко вцепившись, разъезжают по земле и по деревьям. У индийского и наземных панголинов основание хвоста — «седло», на котором у других видов сидят детеныши-наездники, слишком широко, и малышу трудно его обхватить. По-видимому, самки этих панголинов (а иногда с ними и самцы), пока дети не подрастут, прячутся в норах, свернувшись и прижав малыша к груди, по бокам которой, под мышками, у панголинихи два соска.

Странно, что у всех панголинов новорожденные детеныши ростом почти одинаковы (20—30 сантиметров) и весят чуть больше полфунта.

Панголины — животные немые. Все звуки, которые они издают, — сопение и треск трущихся друг о друга чешуй.

НЕПОЛНОЗУБЫЕ

В отряде неполнозубых — три семейства (броненосцы, ленивцы и муравьеды), 14 родов и 21 вид древних зверей, родина которых Центральная и Южная Америка. «Неполнозубые» — название неточное, и сохранили его по традиции: так в XVIII веке назвал Жорж Кювье группу животных, в которую включил, кроме некоторых современных и вымерших неполнозубых, также утконосов, ехидн, панголинов и трубкозубов. Среди ныне живущих неполнозубых только у муравьедов нет зубов. У ленивцев их от 17 до 30, а у некоторых броненосцев (у гигантского) больше, чем у любого сухопутного зверя: до ста! Однако зубы примитивны и однообразны, без корней, эмали и растут всю жизнь. Резцов нет, а зубы, похожие на клыки, только у двупалых ленивцев.

Когти на передних лапах очень массивные, длинные. Шейных позвонков у ленивцев не семь, как обычно у млекопитающих, а от шести до девяти. У грудных и поясничных позвонков дополнительные сочленения. Мозг невелик и примитивен, особенно большие полушария, на которых мало извилин. Обоняние хорошее у всех, но зрение и слух у муравьедов не первого сорта.

У муравьедов и ленивцев обычно лишь по одному детенышу, но самки «мягких» броненосцев рожают до двенадцати однояйцовых близнецов. Эта редкая способность — находка для генетиков и психологов, которые, наблюдая в разных условиях за идентичными близнецами-броненосцами, пытаются понять, насколько врожденные свойства определяют поведение и характер живого существа.

Температура тела неполнозубых понижена, когда холодно, и повышается в тепле: у ленивцев на 11 градусов (от 24 до 33), у трехпоясных броненосцев — на 13.

ХРОНИКА НЕВЕРОЯТНЫХ СОБЫТИЙ

Год 1789-й. Около Буэнос-Айреса в прибрежных отложениях реки Луяна нашли кости огромного зверя ростом со слона. Маркиз Лорето, вице-король колонии, с первыми же кораблями, которые отплывали в Испанию, послал их королю Карлосу IV.

Год 1796-й. Хосе Гаррига опубликовал описание скелета загадочного гиганта, изучив его кости в королевском музее в Мадриде. Ученый мир был потрясен. Французский дипломат Меанвиль попросил у испанского ученого для Парижского музея пять гравюр с изображением скелета. Молодой Жорж Кювье по этим рисункам установил, что на берегах Луяна найдены кости гигантского ленивца, которого он назвал мегатерием.

Жил мегатерий не на деревьях, а на земле. Ходил на задних ногах, изредка лишь опираясь передними. Вытянувшись во весь рост, поднимал голову на пять метров. Ел листья. Объев те, до которых мог дотянуться, подкапывал корни дерева когтями, раскачивал, валил на землю и поедал зелень, оставшуюся на вершине.

Великий Гёте написал о невероятном монстре великолепное эссе, «в котором некоторые исследователи хотят видеть зачатки эволюционной теории». А король Испании Карлос IV немедленно приказал чиновникам своих трансатлантических колоний привезти ему мегатерия живым или мертвым. Над сумасбродной прихотью короля натуралисты немало потешались: в научном мире единодушно решили, что мегатерии вымерли миллионы лет назад. Однако дальнейшие события показали, что Карлос IV был ближе к истине, чем Жорж Кювье и его коллеги.

Год 1881-й. Странная палеонтологическая находка в Фонтасуэлас: почти полный человеческий скелет... под щитом от панциря глиптодона — гигантского броненосца, который прятался в своем четырехметровом панцире, как в переносном блиндаже. Позднее нашли еще несколько подобных панцирей, а под ними остатки древних очагов и скелетов. По-видимому, предкам индейцев щиты глиптодонов служили укрытием от непогоды или надгробиями. Один обугленный скелет глиптодона откопали в глубокой яме. Все четыре ноги зажаренного, по-видимому, живьем зверя были не тронуты, но средняя часть почти целиком съедена. Очевидно, поймав «живой танк» в замаскированную ловушку, индейцы не смогли его вытащить и развели в яме костер, чтобы вволю попировать, когда он потухнет, а зверь изжарится.

Год 1898-й. Профессору музея в Буэнос-Айресе Флорентино Амехино привезли из Южной Патагонии горсть костяных бляшек величиной с боб. Их вырезали из куска кожи толщиной около двух сантиметров. Кожа была покрыта этими бляшками, как мостовая булыжником, и редкими рыже-серыми волосами. Гигантские ленивцы, в том числе и мегатерий, носили на своей шкуре подобную броню. Амехино решил, что горсть косточек, доставленная ему, снята со шкуры милодона, родича мегатерия, который ростом был, однако, не со слона, а с быка.

В этом же году Амехино написал заметку о «живом представителе древних ископаемых неполнозубых Аргентины».

Год 1899-й. Шведский ученый Эйнар Лённберг опубликовал исследование сенсационных находок в пещере Эберхарта. Капитан в отставке Эберхарт вблизи своей фермы на крайнем юге Патагонии, на берегу фиорда Последняя Надежда, нашел огромный, величиной с кафедральный собор, грот. В глубине пещеры лежал человеческий скелет, обработанные каменные орудия и какая-то странная, свернутая в трубку шкура. Эберхарт принес ее на ферму и повесил во дворе. Тут шкуру увидел знаменитый шведский путешественник Отто Норденшельд. Его поразила необыкновенная прочность шкуры, в которую сверху вросли костяные бляшки. Разрезать ее ножом было невозможно, только топором или острой пилой с трудом удалось оторвать от нее

У «проворного простака» физиономия почти человеческая. «Проворству» его, впрочем, и улитка не позавидует. Видите три длинных когтя-крюка на передних лапах? Это трехпалый ленивец. Было описано с полдюжины трехпалых ленивцев, современная наука признает лишь пять или даже три из них, прочие — вариететы.

куски. Отто Норденшельд исследовал загадочную пещеру и нашел в ней огромный роговой коготь.

На Огненную Землю устремились экспедиции. Первыми приехали шведы во главе с Эрландом Норденшельдом, кузеном Отто Норденшельда. На месте, где Эберхарт нашел свернутую трубкой бронированную шкуру, раскопали много костей, мелкорубленое сено и помет какого-то большого животного.

Год 1899-й. Аргентинская экспедиция под руководством геолога Рудольфа Хаутхала установила, что в пещере Эберхарта за двумя сложенными из камней стенами жили гигантские ленивцы. В первой стене был узенький проход, через который едва удалось протиснуться в большой подземный зал. Метров через пятьдесят пещеру перегораживала вторая, очень толстая, как крепостной вал, стена. В ней проходов не было. Когда ученые через нее перелезли, то нашли в центре нового зала небольшой холмик, несомненно «кухонные» отбросы. Под толстым слоем пыли и камней — разбитые раковины моллюсков, обгорелые кости гуанако и оленей. Все это было перемешано с нарубленным сеном и навозом очень крупного травоядного животного. Рядом лежали черепа милодонов, проломленные ударами больших камней.

Единственное логичное заключение, к которому пришли исследователи, сопоставив все факты, таково: «Обитавшим в пещере людям задняя часть грота служила хлевом для домашних животных, остальная часть пещеры жильем».

Первые поселенцы Патагонии ловили гигантских ленивцев еще детенышами и за толстой стеной в пещере растили и кормили рубленым сеном. Возможно, в подземелье, как в крааль, загоняли взрослых милодонов.

Когда все это было? Полагают, 7—12 тысяч лет назад, уже после того, как в Европе и Сибири вымерли все мамонты.

«ПРОВОРНЫЙ ПРОСТАК»

Говорят, что Жорж Кювье так хорошо изучил соотношение органов животных, что по одной лишь кости, по одному зубу мог сказать, как вымерший зверь выглядел, где жил, чем питался и какой у него был нрав — хищный или миролюбивый.

Станем и мы на время зоологическими детективами и попробуем определить повадки и образ жизни зверя, о котором известно гораздо больше, чем было достаточно знать Кювье.

Итак, требуется доказать, где живет, как живет, что ест и кто ОН, если дано:

1. Зубы без эмали. Резцов нет. Цвет зубов темно-коричневый, почти черный.

2. Губы твердые, ороговевшие.

3. Желудок большой, многокамерный, с мускулистыми «жующими» отделами, выстлан изнутри твердой тканью.

4. На задних лапах три, на передних два или три длинных (до 7,5 сантиметра), изогнутых крюками когтя.

5. Шерсть жесткая, серо-бурая с зеленоватым оттенком (от множества микроскопических водорослей, поселившихся среди волос). Много здесь и других поселенцев: жуки, клещи, яйца и личинки трех видов бабочек-огневок, которые, по-видимому, питаются микроскопической зеленью, живущей в волосах.

6. Ворс шерсти направлен не сверху вниз (от спины к брюху), как у всех нормальных зверей, а снизу вверх, так что «макушка», из которой, как из эпицентра, расходятся волосы, и волосяной «пробор» располагаются не на хребте, а на брюхе.

7. Положение печени тоже необычное: сдвинута к спине, лежит между хребтом и желудком и нигде не касается стенок живота.

8. На мышцах конечностей — «чудесная сеть»: густое переплетение мелких кровеносных сосудов.

9. Ушки крохотные, морда...

Впрочем, достаточно и того, что уже знаем.

Начнем экспертизу с зубов. Их мало — о чем это говорит? Нет эмали на зубах у китов, неполнозубых, трубкозубов. Здесь мы, кажется, можем сделать некоторый выбор. Так как зверь наш явно сухопутный, то, отбросив китов и исходя из «уравнения с двумя известными» — нет эмали, нет резцов, — выбираем неполнозубых и трубкозубов, у которых обе эти недостачи, так сказать, в наличии.

Зубы почти черные... Темные зубы у грызунов и землероек-бурозубок (у этих лишь концы зубов), но, увы, причина здесь в темном цвете эмали, а у нашего «неизвестного» эмали нет совсем.

Однако у толстотелых обезьян из рода колобус зубы чернеют от чрезмерного потребления всякого рода древесной листвы.

Может быть, и наш зверь стал чернозубым по той же причине. Запомнив это, перейдем ко второму пункту (твердые, ороговевшие губы), который, по-видимому, подтверждает наш предварительный вывод — «он» ест много листвы. Потому губы и ороговели, чтобы срывать ее, раз нет резцов.

Пункт третий вполне с этим согласуется: желудок, совершенно очевидно, приспособлен для переваривания и перетирания «силоса».

Пункт четвертый: когти — ну прямо крюки, на которых подвешивают туши в мясных лавках. Висеть на них можно отлично, но вот ходить с такими роговыми «кошками» на лапах едва ли возможно.

К самым странным заключениям приводит, однако, исследование шерсти: ворс направлен снизу вверх. У всех зверей в обратном направлении: от спины к брюху, за немногими исключениями, например на предплечьях обезьян. Такое положение ворса лучше защищает от ливней: вода, стекая по естественному уклону волос сверху вниз, под шерсть особенно не проникает.

Вывод может быть только один: большую часть жизни «он» проводит... вверх ногами! Но ни ходить, ни ползать ногами вверх практически невозможно.

Если... если только не передвигать их по какой-нибудь опоре вверху, за которую цепляются когти-крюки... Например, за древесный сук?

На ветках растут листья. Вспомним, что зубы, губы, желудок доказывают: «он» их ест. Зеленый оттенок шерсти — маскировка в зелени. Водоросли, жуки, клещи и бабочки, с комфортом поселившиеся на живом звере! «Он», значит, малоподвижен, ветрам и палящему зною недоступен — исключительный домосед. А дом его в тени листвы и в климате теплом и сыром: иначе все водоросли засохли и погибли бы.

Пункт седьмой с этими выводами согласуется отлично: оттого и печень сдвинута к спине под желудок, чтобы своей тяжестью (орган весьма массивный) не давить на него, на сердце и легкие, когда зверь висит спиной вниз. Тогда и печень внизу, под всеми органами, и те, освободившись от лишней нагрузки, функционируют без помех.

Итак, к чему мы пришли: «он» малоподвижен, висит вниз спиной, уцепившись когтями за сук, в море сочной листвы, которую, очевидно, рвет ороговевшими губами и прямым ходом отправляет в объемистый желудок. «Он», судя по зубам, из племени трубкозубов либо неполнозубых.

Путеводной нитью теперь послужит «чудесная сеть». Анатомы нашли ее у китов, тюленей, лемуров-лори, некоторых грызунов и неполнозубых — броненосцев, муравьедов и ленивцев. Но броненосцы одеты в костяную броню, у муравьедов шкура не перевернута вверх ворсом, и ни те, ни другие вверх ногами по сучьям не лазают.

Значит, ленивец!

Он «ленив» непостижимо: купаясь в океане листвы, тянет к ней голову вяло, медленно, плавно. Жует, едва ворочая челюстями. Чуть передвигая когти вдоль сука, ползет со скоростью улитки. Все его эволюции — какая-то пародия на движение, если оно вообще происходит, потому что большую часть суток он висит на ветке, точно куль из мышц и костей, упакованных в серо-бурую шкуру. (Впрочем, мышц у ленивца удивительно мало — четверть от веса животного. У других зверей — обычно не меньше половины.) Неторопливо крутит этот «куль» запрокинутой вниз головой, которую ухитряется повернуть на

270 градусов, точно шея у него на шарнирах. Или небрежно, тягуче, словно у него в жилах не кровь, а клей, помахивая лапой (со скоростью маятника старинных часов), почесывается.

Какая-то безысходная грусть во всех его движениях, бездумная покорность судьбе на карикатурно человеческой физиономии с курносым носом и без ушей внушили великому натуралисту Бюффону невеселые раздумья и странные рассуждения о том, что, возможно, ленивец наказан богом за какие-то неведомые нам прегрешения и потому жизнь для него — одно мученье.

«Медлительность ленивцев — прямое издевательство над словом «движение», какая-то сверхъестественная механика, мучительная для нервов замедленность. Протоплазма амебы двигается скорее, чем ленивец спасается от голодного удава» (Арчи Карр).

Все в ленивце замедлено и снаружи и внутри: кровообращение вялое, и дышит он не спеша — раз в три, а то и в восемь секунд. Пища через желудок и кишечник проходит рекордно долго. Корова, например, освобождает себя от непереваренной пищи раз тридцать в день, лошадь — десять, а слон через каждые два часа. Но ленивец, который «ленив» во всем, и здесь оригинальничает: удаляет из кишечника непереваренный балласт лишь раз, в лучшем случае три раза в месяц, а то и через сорок семь дней (мировой рекорд замедленной дефекации!).

Даже жуки-навозники приспособились к этому его «капризу» и, так как голод не позволяет им долго ждать, приходят за своей пищей прямо в прямую кишку ленивца.

У ленивца и мочевой пузырь огромных размеров. Растягиваясь, он расширяется вплоть до диафрагмы и поэтому вмещает больше литра жидкости (сам-то ведь ленивец совсем невелик — немногим больше кошки). Он опоражнивает мочевой пузырь раз в несколько дней.

Всеми этими делами зверьки занимаются почему-то не в ветвях, а внизу, не ленясь спускаться на землю, чтобы оставить там основательную кучу помета (впрочем, раз в месяц сделать это, конечно, не очень утомительно).

Приходится ленивцам бывать на земле и по другим делам: если вся листва, почки, цветы и бутоны съедены, а лиан или веток, по которым можно было бы переползти, как по канатам, на соседнее дерево, нет. Но на земле это чудо замедленного действия совершенно беспомощно. Распростершись всем брюхом, оно цепляется когтями за неровности почвы и подтягивает себя вперед. Ползет со скоростью 20 сан-

тиметров в секунду. Впрочем, и в листве темп его передвижения не энергичнее.

Но что удивительно, плавают ленивцы отлично! Хотя, казалось бы, зачем им это уменье? В воде и показатели резвости у них самые высокие, больше, чем на суше и на деревьях: четыре километра в час!

Естественно, ленивцы любят спать. 15 часов в сутки спят, повиснув спиной вниз, уронив голову на грудь и уцепившись всеми четырьмя лапами за сук над собой или втиснувшись в развилку. Но и тогда одной когтистой лапой все-таки держатся за ближайшую ветку.

Зрение у ленивцев незоркое, хотя и редкого для зверей качества: они наслаждаются цветными картинами, в то время как для большинства млекопитающих, по-видимому, вся природа вокруг лишь театр теней, сплошь серо-черно-белая (правда, в последнее время некоторые эксперименты этого не подтвердили).

Слух нечуткий, и нюх хуже, чем у братьев муравьедов и броненосцев. Все чувства, которые работают на оборону, ненадежны. А единственное оружие — когти. Но ранят ими ленивцы довольно болезненно.

Однако и у гарпии («орла» тропических лесов), которая достигла высшего мастерства в охоте на ленивцев и обезьян, когти острые и сила большая. Ягуар и оцелот тоже весьма когтисты, а для удава ленивец — добыча прямо-таки удобная и вполне доступная: хотя сама в рот и не лезет, но и удрать особенно не спешит. Как случилось, что всех «проворных простаков» давно не съели?

Загадка? Есть отгадка. Неподвижность порой спасает лучше быстроходности. Это не парадокс, а экологическая реальность. Ленивцы наглядно ее демонстрируют. Замаскированные двумя видами водорослей-симбионтов в тон листвы, тихими, бесшумными, вялыми движениями они не привлекают понапрасну врагов к своей персоне.

А чтобы насытиться в полную меру, ленивцам совсем не нужно утруждать свои ноги, как, скажем, волку. Они буквально утопают в океане листвы и плодов, которые растут, куда ни повернись, у самого рта. За водой тоже далеко ходить не приходится: ее полно в сочных листьях и фруктах. Так что ленивцы почти не пьют, утоляя жажду соками зелени и лишь изредка слизывая с листьев капли росы или дождя.

И ко всему этому они очень живучи: их не губят ранения, смертельные для других зверей, всякие отравления переносят так же легко, как еж, а вынутое из груди ленивца сердце долго бьется, не умирая, как у лягушки.

Самки рожают, вися на суках, одного детеныша. В зоопарках видели, как другие ленивцы в клетке,

вплотную подобравшись по веткам к роженице, повисали рядом с ней, очевидно, чтобы не дать новорожденному упасть вниз. Но дитя не беспомощно: крупное (почти фунт), глаза открыты с первой минуты, и, родившись, «ленивый» младенец сразу ползет по брюху матери ближе к груди, к соскам. Там у сосков и висит, не слезая, недели четыре. Мать все это время, словно неживая, почти неподвижна. Через месяц малютку уже интересует природа. Выпустив шерсть матери, он цепляется когтями за ближайшие ветки, учится висеть и карабкаться по ним без ее помощи. Пробует жевать листву.

Отец-ленивец малышом не интересуется, самке ни таскать его, ни защищать не помогает. Да и она не очень-то внимательна и нежна: нередко так безответственно лезет сквозь гущу ветвей, что детенышу грозят серьезные неприятности: встречные ветки бьют его и царапают. И он вынужден, если стал постарше, прибегать к ловким и, казалось бы, невозможным для ленивца маневрам: когда очередной встречный сук грозит спихнуть его с материнской груди, он, быстро отцепившись от нее, окольным путем обходит, вернее, обползает, препятствие и, зайдя наперерез медленно «струящейся» вверх матери, снова устраивается на ее груди (резвость у молодых ленивцев на класс выше, чем у взрослых).

«Проворных простаков» («перико лихеро», как зовут их в Центральной Америке) два рода и пять видов: двупалые с двумя когтями на передних лапах и трехпалые — с тремя когтями. У трехпалых девять шейных позвонков, у двупалых — семь (унау) или шесть (ленивец Гофмана).

У трехпалых «лицо» плоское, морда «курносая» (рыло вперед не вытянуто), руки чуть длиннее ног, подошвы волосатые, хвост длиной около 7 сантиметров, на спине своеобразный рисунок из золотисто-желтых волос, оттененных причудливой формы черными пятнами, вес 4—5 килограммов. У двупалых «лицо» широконосое, морда чуть вытянутая, ноги длиннее рук, подошвы голые, ороговевшие, хвоста нет, или он чуть приметен, спина без пятнистого рисунка, вес около 9 килограммов.

Подобно коала, который ограничивает себя диетой из листьев эвкалиптов, трехпалые ленивцы едят в основном лишь листья и цветы цекропии, по-местному «юмбахуба» — дерева из семейства тутовых, и потому живут обычно там, где растут цекропии: на окраинах леса и у рек. Из-за этой их гастрономической (почти непреодолимой) склонности содержать трехпалых ленивцев в зоопарках трудно.

Самый обычный трехпалый ленивец аи назван так за своеобразный двухсложный крик (тропические равнинные леса от Гондураса на юг до Северной Аргентины). У гривистого, или капуцинного, трехпалого ленивца удлиненные волосы на голове и плечах, расчесанные на пробор (Гвиана, Боливия и Северная Бразилия). Воротничковый ленивец — с черной полосой на затылке и плечах (Северо-Западная Бразилия и Перу).

Двупалых два вида: унау (от Никарагуа до Центральной Бразилии и Западной Боливии, по другим данным: Венесуэла, Гвиана и Северная Бразилия) и ленивец Гофмана (от Никарагуа до Северной или Центральной Бразилии).

Двупалых ленивцев два вида. Они крупнее трехпалых, с двумя когтями на передних лапах, на земле еще более беспомощны, чем трехпалые, которые передвигаются «ползком на полусогнутых ногах, словно разбитые ревматизмом глубокие старики». В зоопарках обычно живут только двупалые ленивцы.

ЗВЕРИ В ЛАТНЫХ ДОСПЕХАХ

Латы изобрели не рыцари: за миллиард лет до того, как по пыльным дорогам Европы стали разъезжать закованные в железо воины, природа одела уже многих своих детей в прочную броню. Правда, не стальную, а известковую, кремниевую, костяную, роговую и даже... «сахарную». Ведь хитин, из которого построены панцири крабов, пауков и насекомых, — это полисахарид, вещество, состоящее из множества молекул простейшего сахара, вроде глюкозы (но с азотом!). Около 90 процентов всех видов животных одеты в более или менее прочную броню.

Нет ни одной большой зоологической группы, в которой не было бы своих броненосцев. Только птицы (им ведь летать надо!) никогда не носили доспехов. Все другие — от амеб до млекопитающих — имеют своих рыцарей.

Оружейное искусство достигло высшего мастерства в XIV веке, когда все изящно и тонко отделанное железо, которое рыцарь надевал на себя, — все эти наплечники, наколенники, налокотники, рукавицы, шлемы, кирасы, забрала — весило нередко... 60 килограммов! И все железки были так тонко пригнаны друг к другу, что закованный в стальной футляр воин не только в них ходил и в седле сидел, но и мечом махал. Правда, если падал с коня, то без чужой помощи на него снова сесть не мог.

Но взгляните на рака: броня его — копия рыцарской. Такие же хитроумные и отлично пригнанные друг к другу щитки. И даже кираса на груди! А как давно все это было изобретено!

Если мы от раков и крабов станем подниматься вверх по родословному древу животного царства, то где-то на более высоких его «ветвях» встретим странных зверей в костяной броне.

Мы пришли к ним, минуя многоножек, пауков, насекомых, рыб и рептилий, которые почти все закованы в более или менее

прочную броню — чешуйчатую или сплошь «латную», как у жука или черепахи. Воины тоже сначала одевались в кожаные рубахи с нашитыми на них металлическими бляхами. Потом изобрели сплетенные из стальных колец кольчуги (с начала XII века все рыцари носили их) и, наконец, латы, которые весили уже пуда два. Но когда в XIV веке на полях сражений загремели первые ружья, латы все утяжеляли и утяжеляли, пока они не стали весить 40, 60, а иногда и 80 килограммов (ведь под латы еще и кольчуги надевали!). Рыцари стали неповоротливы, как черепахи, и предпочитали, несмотря на грозные указы королей, возить свои доспехи... в обозе. Сначала латы снимали, преследуя разбитого врага, потом совсем от них отказывались (сохранив ненадолго лишь защищавшую грудь кирасу и шлем).

Так и млекопитающие, животные наиболее современные, полагаются больше на быстроту своих ног, ловкость и хитрость. Броня у них не в моде. Лишь у 21 вида броненосцев и 7 видов панголинов — роговой или костяной панцирь на коже.

Все броненосцы, или по-испански армадилло, обитают в Америке, главным образом Южной, лишь один вид — на юге Северной. Едят они насекомых, червей, улиток, змей, ягоды, коренья и падаль. Самый крупный броненосец, гигантский, длиной до полутора метров и весит почти 60 килограммов, самый крошечный, малый пичисиего, лишь 15 сантиметров и весит 90 граммов. Броня у броненосцев напоминает кольчатые латы. Прикрывают они спину, бока, лапы, голову спереди и хвост сверху, на животе растут лишь волосы. Родятся броненосцы с роговой броней, но через несколько недель костяные бляшки твердеют под ней и, сливаясь, образуют так называемый кожно-костяной панцирь, подобный черепашьему.

Не все броненосцы, подобно ежу, могут сворачиваться в шар, пряча внутри него легкоранимое брюхо, а только два вида, именуемые «апара», «матако» или «болито». У апара три поясных кольца, и, свернувшись, он напоминает пушечное ядро с единственным отверстием, по которому враг мог бы забраться в его нутро, но и оно заткнуто головой с прочным лобовым щитом, выставленным наружу. Чтобы развернуть это «ядро», даже ягуар должен изрядно потрудиться.

Прочие броненосцы спасаются тем, что быстро, прямо-таки молниеносно, зарываются в землю. Даже гигантские армадилло, не доверяя особенно прочности своих доспехов, заметив врага, сразу прячутся в «окопы». Один из них так отчаянно работал когтистыми лапами, что за минуту пробил асфальтовую дорогу и ушел под землю.

Все в броненосце приспособлено для рытья: короткие, сильные ноги с длинными когтями, мощная мускулатура и сухожилия плечевого пояса, короткие широкие ребра и окостеневшая грудная клетка без хрящевых соединений между ребрами и грудиной. Многие грудные и крестцовые позвонки тоже срослись, образовав отличный упор для роющей мускулатуры. И эта «чудесная сеть» на ногах — густое переплетение ветвящихся кровеносных сосудов! В минуты напряженной работы они быстро насыщают мышцы кислородом.

Впрочем, потребность в этом животворном газе у броненосцев поразительно низкая. При самых интенсивных усилиях, роя в весьма ускоренном темпе землю, броненосец способен на шесть минут задержать дыхание, чтобы фонтанирующая из-под когтей пыль и земля не набилась в горло и легкие. Бронхи и трахеи у броненосцев весьма вместительны и служат дополнительным резервуаром для кислорода.

Эта достойная удивления «терпимость» к кислородному голоданию помогает броненосцам не только в конкуренции с кротами, но и когда приходится переплывать широкие реки. Все броненосцы отлично плавают, кроме, возможно, голохвостых и

трехпоясных. Это умение помогло некоторым из них расселиться далеко за пределы первоначального обитания.

Когда тату — девятипоясные броненосцы — появились в Мексике, никто не помнит. Но в 1870 году они уже перешли северную границу страны и изрыли берега Рио-Гранде в Техасе. Через полвека добрались до Луизианы и перепахали там своими норами все поля с земляными орехами. Сейчас девятипоясные броненосцы живут и в других штатах на юге США. Путешествуют они обычно по ночам, соблюдая правило «тише едешь — дальше будешь». Неширокие ручьи переходят под водой по дну, задержав дыхание. Большие потоки переплывают, набрав в легкие побольше воздуха. Надувшись, броненосец скатывается в воду и шлепает лапами по воде, пока не переберется на тот берег.

«МЯГКИЕ» БРОНЕНОСЦЫ

Итак, тату — девятипоясные броненосцы. Рождаются они, как ни странно, всегда однополыми близнецами, а число близнецов кратно четырем — обычно четыре, редко восемь, но иногда и двенадцать. Происходит это потому, что оплодотворенное (обычно в июле) яйцо дробится, клетки расходятся и образуют несколько эмбрионов с идентичной наследственностью. После трех с половиной месяцев покоя «законсервированные» на время зародыши растут еще четыре месяца. Поэтому близнецы тату появляются на свет в феврале — марте. Сосут мать два месяца (у нее пара сосков на груди, как у других броненосцев, и еще пара в паху). Еще через полгода юные тату вполне созрели для продолжения рода.

Селятся девятипоясные броненосцы в лесистых местах, у болотистых берегов рек и ручьев. Норы длиной метров до семи роют у подножия деревьев и кустов. В глубине — нетесная спальня. На ее полу постель из листьев и травы. Броненосцы ее часто меняют, особенно в дождливую погоду. Свежие листья сгребают, пятясь задом, и задним щитом брони заталкивают в нору.

В жаркие дни вылезают из нее лишь по ночам, но в прохладные выходят погреться и днем. Расставшись с норой, тату тут же переходит к делу: то быстрым шагом, то рысцой, ворча и сопя, все нюхает, тут и там копает, сует нос в каждый гнилой пень, в каждую ямку и кучу листьев — ищет червей, насекомых, лягушек. А попадется небольшая змея, и ее съест. Нюх у тату превосходный: червя чует в двадцати сантиметрах под землей.

Не только в Северной Америке живут девятипоясные армадилло, но и в Центральной и Южной, кроме крайнего юга континента и высоких гор на западе.

«Девятипоясным» назвали тату за девять поперечных узких колец брони, которые разделяют два больших основных щита — грудной и крестцовый. У более крупного броненосца Каплера из Гвианы и Восточного Эквадора поясных колец семь-восемь, а у семипоясного (Бразилия, Северная Аргентина) — шесть-восемь, но обычно семь. У лохматого тату (горы Эквадора и Перу), панцирь которого густо порос буро-серой щетиной, так что и брони за ней не видно, одиннадцать поясных колец. Всего же «мягких» броненосцев (род дазипус) шесть видов. Панцири у них тонкие, легкие и сгибаются без труда.

Трехпоясный, или копытный, броненосец. Он же — апара, матако, болито... У бразильского болито по пять когтей на передних лапах, у ла-платского — по четыре. В остальном они очень похожи.

Два самца, встретившись, иногда затевают драку. Но даже острыми когтями броню не пробьешь, поэтому бойцы стараются перевернуть друг друга на бок, поддевая мордами края панциря. Как только кому-нибудь это удастся, он сейчас же ложится на бок рядом с поверженным и быстро царапает когтями его незащищенное брюхо, стараясь «выпотрошить» неприятеля.

АПАРА И ТАТУ ГИГАНТЕ

Трехпоясный броненосец (он же апара и болито) ростом меньше тату, ушки у него короткие, поясных колец два-четыре, но обычно три. Панцирь тяжелый и толстый, по бокам с кожей не срастается, а свисает вниз, защищая брюхо и ноги, подобно латным доспехам рыцарских боевых коней. Апара, свернувшись шаром, прячет ноги и голову между телом и краями брони. Тогда лобный щит затыкает единственное отверстие, которое ведет внутрь шара.

Трехпоясных броненосцев два вида: ла-платский (Боливия, юго-запад Бразилии, Парагвай, северная Аргентина) и бразильский, обитающий севернее

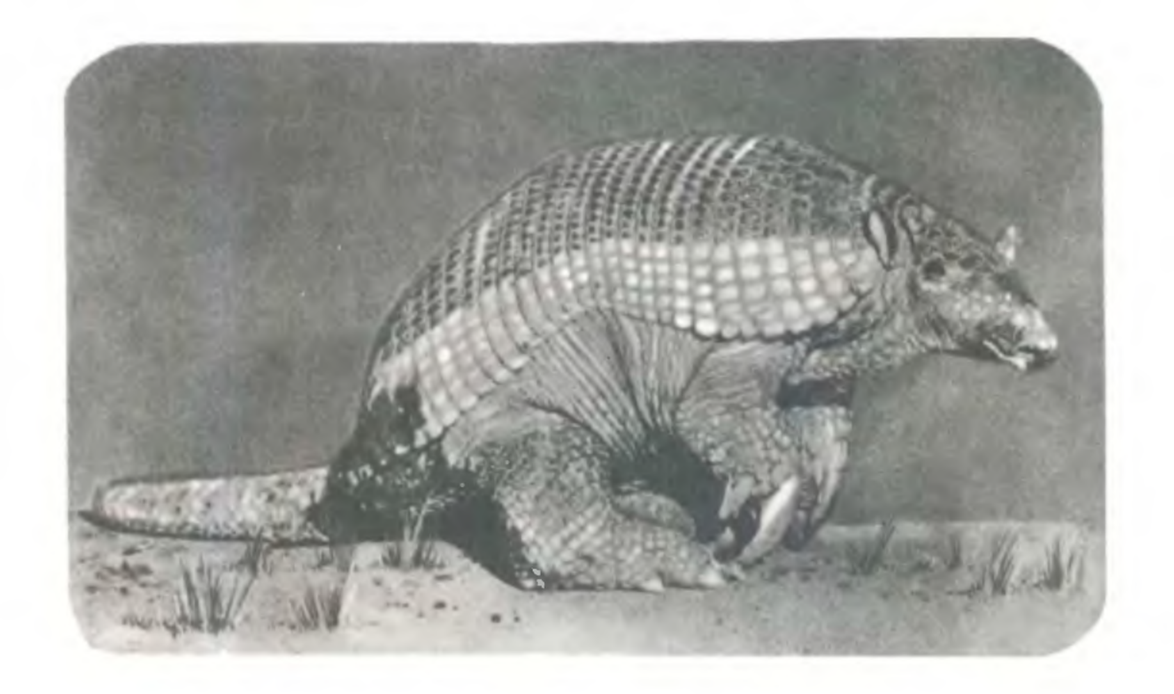
В семействе броненосцев двадцать видов, но лишь два из них — болито или трехпоясные броненосцы — могут свернуться в плотный шар, спрятав в его бронированной «оболочке» незащищенное брюхо, ноги и голову. Шар невелик — сантиметров 10—15 в диаметре, но собаки и некрупные кошки не в силах развернуть его.

и восточнее (до Гвианы). Называют их и «копытными» броненосцами, так как средние три пальца на задних ногах у них срослись, и получился большой общий коготь, похожий на копыто.

В Бразилии, Гвиане и на севере Аргентины, особенно в местах, поросших негустым лесом и кустами, многие твердые, как камень, термитники взломаны, подкопаны. Дыры такие, что в иные и человек свободно пролезет! И стволы деревьев разодраны чудовищными когтями. Изрыта бывает и земля, в которой толстые корни порваны, как непрочные прутья.

Самого деятеля, рвущего когтями постройки «белых муравьев», увидеть за работой или на прогулке трудно. Он осторожен и днем своего подземелья не покидает. А кто увидит, будет поражен и ростом, и мощью когтей, и незаурядной подвижностью громоздкого зверя.

. Это татууку, тату гиганте, гигантский броненосец, крушит термитники и древесину стволов. На «слоновьих» ногах, опираясь на когти передних лап и на все ступни задних или прыгая лишь на паре задних ног и волоча за собой толстый, окостеневший сверху хвост, в бурой броне с белой оторочкой по краям, рыщет он по ночам в густых лесах и там, где деревьев и кустов совсем немного. Росту в нем (точнее, длины от носа до конца хвоста) — метра полтора, но бывает и больше, а вес — все шестьдесят кило-

Сто зубов во рту у тату гиганте! Только дельфины побили этот своеобразный рекорд, больше никто из зверей. И ни у кого нет таких огромных когтей, как у гигантского броненосца: длина когтя на третьем пальце передней лапы 203 миллиметра. Весит гигантский броненосец около 64 килограммов: в отряде неполнозубых он самый крупный зверь.

граммов. Пробив в термитнике дыру, армадилло-великан сует в нее узкую морду и выбрасывает изо рта длинный липкий язык. В общем, метод добычи насекомых такой же, как у панголина. Ест тату гиганте и червей, пауков, змей и падаль.

Он трехкратный чемпион: среди своего племени первый тяжеловес, среди сухопутных зверей рекордсмен по числу зубов (минимум 65, в среднем 78, максимум до 100) и по величине когтей: длина самого большого когтя, на третьем пальце передней лапы, 203 миллиметра.

Там, где тату гиганте встречается с человеком, последний уничтожает первого. И не потому, что мясо у броненосца вкусное, напротив, его не едят (но костяная «труба», снятая с хвоста татууку, годится в хозяйстве как... рупор).

— Вред от него большой! — говорят местные земледельцы: перекапывает поля тату гиганте своими ямами и поедает посевы.

Но претензии хозяйственного человека к тату гиганте несправедливы: от него, уничтожающего вредных насекомых и змей, больше пользы, чем вреда, а культурные растения на полях он и вовсе не ест, так как довольствуется пищей скоромной.

Большой голохвостый броненосец близкий родич тату гиганте и немного уступает ему ростом. Хвост у него не сплошь бронированный, как у других армадилло: редко разбросаны по нему тонкие мелкие чешуи.

Четыре вида голохвостых броненосцев в Южной Америке и один в Центральной. Не все так велики, как самый большой из них, но все отличные землекопы. Спасаясь, голохвостые броненосцы непостижимо быстро зарываются либо ныряют в воду, чтобы, надолго задержав дыхание, отлежаться на дне ручья. А бывает, пройдут по дну и выйдут на сушу у другого берега.

ЩЕТИНИСТЫЕ И КРОТОВЫЕ АРМАДИЛЛО

Щетинистые броненосцы, или пелудо, еще довольно многочисленны в аргентинских пампасах. В зоопарках они обычные гости, но в тесных клетках сильно жиреют. На воле очень подвижны, активны, особенно по ночам. У пелудо такие же длинные, «ослиные» уши, как у девятипоясного броненосца, но хвост короче, и ростом они меньше.

Лучший землекоп среди броненосцев — пелудо — «щетинистый» (его панцирь покрыт более или менее густо жесткими волосами).

Пелудо разных видов (всего их пять — из трех родов) водятся во множестве на сухих равнинах Аргентины, Бразилии, Уругвая. Местами и поля и степи буквально перепаханы их норами. Поэтому и земледельцы, и пастухи-гаучо (лошади ломают ноги, оступившись в норе) не любят пелудо и уничтожают всеми способами: травят собаками, бьют палками, ловят в бочки, зарытые в землю и прикрытые сверху травой. Мясо едят, а панцирь идет на разные поделки.

Долго в одной норе пелудо не живут, а покидая ее по ночам (нередко и днем), роют к утру новые подземелья.

Чтобы вырыть небольшую ямку, пелудо когти не утруждает, а, вонзив в землю голову, сам боком-

боком кружится вокруг центра, которым служит его нос. После нескольких таких кругов в земле образуется воронка. А чуткий нос все время не выпускает из «поля обоняния» вкусного червя или жирную личинку, и зубы рядом — готовы схватить добычу, как только над ней расступится земля.

Змей едят, расправляясь с ними по-своему: поджав ноги и прикрыв себя броней, до самой земли, прыгнут на змею и стараются, царапая острыми краями панциря, перепилить ее, что почти всегда удается.

Кротовый броненосец, или пичисиего Бурмейстера, — зверек редкостный, возможно уже вымерший. Открыт он был больше ста лет назад, но о его образе жизни мы почти ничего не знаем.

Карликовый щетинистый армадилло, или пичи, тоже своего рода уникум: когда в Патагонии станет очень холодно, залезает поглубже в нору и спит всю зиму, как наш еж или барсук.

В некоторых зоопарках щетинистые броненосцы жили по пятнадцать лет. Содержать их несложно, и нрав у них покладистый. Пускают их в вольеры к обезьянам, чтобы те поиграли в бронированные живые игрушки, которые трудно поломать и разбить. Обезьяны таскают броненосцев за хвосты, лезут с ними на решетки и роняют нередко вниз, а то усядутся на зверя и ката-

Малый кротовый броненосец, или розовый пичисиего, обитает южнее пичисиего Бурмейстера, в сухих равнинах Западной Аргентины. Подобно кроту, он почти не покидает подземелий. Его тонкий розоватый панцирь, украшенный редкими белыми щетинками, прирастает к телу не по всей спине, как у других броненосцев, а лишь узкой полосой вдоль по хребту.

ются по клетке. До блеска, бывает, отполируют панцири «коней» лихие наездники. А броненосцам все нипочем — только отдуваются сердито, но, похоже, и сами любят такие забавы.

«Уже больше ста лет прошло, как Бурмейстер описал этот вид, однако до сих пор наши знания ограничиваются лишь признаками строения его тела» (Вальбург Меллер).

Маленький зверек, которого мы так плохо знаем, пичисиего Бурмейстера, обречен на вымирание наступающей на пампасы Боливии и Северной Аргентины цивилизацией. Плуги и собаки — злейшие его враги, и, похоже, все пичисиего исчезнут без следа раньше, чем наука успеет узнать о них еще кое-что, кроме того, как устроены они внутри и снаружи.

Малый кротовый броненосец, или розовый пичисиего, изучен лучше. Обитает он в поросших кактусами и колючими кустами жарких, сухих и песчаных равнинах Западной Аргентины, южнее тех районов, где еще сохранились открытые Бурмейстером более крупные кротовые броненосцы.

Этот стограммовый зверек вполне уместится на ладони. Ушей (ушных раковин) у него нет, губы ороговели, негибкие, ноздри обращены отверстиями вниз, розовый тонкий панцирь только сверху на спине и морде. Бока и брюхо без брони, но «тыл» прикрыт особо для него предназначенным щитом, который от спинного панциря опускается круто вниз, под прямым углом, надежно защищая крохотный задик зверька. Из-за этого щита пичисиего не может поднять хвост вверх и, передвигаясь, вынужден волочить его по земле. Но зато лучшей тыловой обороны и желать не надо, да и дверь у норы получается неплохая. Забравшись в нее, пичисиего затыкает бронированным задом вход, словно пробкой бутылку.

Копаясь в горячем песке, жар которого рука едва выдерживает, армадилло-крот роет его быстро и своим особым приемом: напрягая палкой твердый и недлинный хвост, упирает его в землю — получается подпорка для приподнятого зада. В таком положении удобно бросать назад песок, который рыхлят и роют широкие передние лапы. Всадник, заметив у ног коня пичисиего, соскочив с седла, не успевает схватить зверька: пока человек слезает с лошади, тот уже закопался.

ТРИ МУРАВЬЕДА

Три муравьеда. Большой, средний и малый, или по-местному соответственно — юруми, тамандуа и мико дорадо.

Для юруми прерии, поля и окраины дикого леса больше по душе, чем глубины сельвы. У тамандуа такие же экологические привычки, но он живет на деревьях, а большой муравьед — на земле.

Мико дорадо («золотая крошка», «сверканье ночи», «цветочек бальзы», «хвала богу», «шелковый муравьед» — фольклорная романтика прозвищ и имен!), этот мико золотистый верен сельве и редко покидает вершины леса. Он чуть больше белки, с голой «подошвой» на конце цепкого хвоста, чтобы удобнее хвататься за ветки. Не спеша, но с уверенной сноровкой лазает ночью по деревьям и острыми когтями разоряет гнезда муравьев, термитов, диких пчел и ос.

От врагов не ищет спасения в бегстве. Стойко (и буквально и переносно) отражает неприятеля: держась за сук хвостом и когтями задних ног, вытягивается вверх, молитвенно вскинув к небу передние лапы с готовыми к удару когтями.

Размеры и вес муравьедов: большого — около двух метров, 18—36 килограммов, среднего — чуть больше метра, 3—5 килограммов, малого — 33—40 сантиметров, 500 граммов.

Зубы... Нет зубов: ни во рту, ни в желудке.

Желудок — мускулистый, с твердой выстилкой, как у кур. В нем «зубы», подобранные на дороге галька и песок, помогают перетирать, мять и давить проглоченных насекомых и ягоды.

Большой муравьед, или юруми, что на языке индейцев гуарани означает «малый рот». Рот у него действительно крохотный, но зато язык длиннее, чем у любого сухопутного зверя, — полуметровый! И когти не маленькие: на передних ногах до 10 сантиметров. Поэтому, чтобы когти не мешали при ходьбе, юруми поджимает их назад и опирается о землю тыльной стороной пальцев.

Язык. Длинный и тонкий, как шнур, липкий и работает с поразительной быстротой, вытаскивая насекомых из разных закоулков в пнях и муравейниках. Большой муравьед выбрасывает и втягивает в узкую щель рта свой язык 160 раз в минуту! Длина этого языка 61 сантиметр (рекорд для обитателей суши!).

Обратную дорогу — изо рта — муравьям преграждают острые, ороговевшие шипы на нёбе и складки на щеках — «скребок». Он непреодолим: из 30 тысяч муравьев, проглоченных за ночь, на волю не возвращается ни один.

Оборона. Юруми бьет передней лапой, и его трехдюймовые когти способны выпотрошить собаку одним ударом. Даже ягуар и пума не спешат без особой нужды конфликтовать с большим муравьедом: сила в его двухпудовом теле не по росту велика.

Тамандуа, защищаясь, садится и раскидывает передние лапы в стороны. Кто эту угрозу не оценит, того метко поразят острые когти. Чтобы силу их удвоить, тамандуа падает на спину и отбивается всеми четырьмя лапами. При этом какие-то железы распространяют вокруг дурной дух. «Кагуаре» — «лесным вонючкой» — прозвали индейцы тамандуа.

Малый и средний спят днем в дуплах и развилках ветвей. Большой — в небольших ямах, которые юруми роет у корней деревьев каждый раз на новом месте. Он кочевник: в безлюдных местах бро-

«Жилетный», или чепрачный, тамандуа — не особый вид и не подвид, а цветовая фаза; в одном помете родятся и кремовые и бурые тамандуа, подрастая, одни из них сохраняют до старости однотонную детскую шерсть, другие с возрастом приобретают двухцветную окраску: ржаво-палевую, оттененную бурым «жилетом».

Мамаша-тамандуа со своим малышом. Большому муравьеду вершины деревьев недоступны, но средний муравьед, тамандуа, — ловкий древолаз и по земле путешествует редко. Он вдвое меньше большого муравьеда, и когти на его передних лапах вдвое короче.

дит нередко и днем всюду, куда заведут его вынюхивающий нос и косолапые ноги. Ходит на подошвах задних и на тыльной стороне согнутых назад пальцев передних лап, чтобы когти не цеплялись за неровности земли. Иногда нос и ноги приводят его к реке, и тогда, не задумываясь, пускается юруми вплавь к муравьиным городам, которые чудятся ему на том берегу. Утомившись бродить и есть, спит в своей яме на боку, спрятав голову меж передними ногами и укрывшись великолепным хвостом (волосяное опахало на нем — в 40 сантиметров длиной, а под волосами чешуи). Окраска так хорошо маскирует спящего муравьеда, что и в двух шагах его трудно заметить, хотя яма-постель неглубока: зверь ее заполняет собой вровень с краями.

Самка юруми рожает стоя. Затем ложится на бок, облизывает дитя и кормит молоком. Детеныш своими силами взбирается к маме на спину. Носит она его долго, хотя уже через месяц наездник и сам умеет неплохо галопировать. Через два года он забывает об инфантильных привычках и навсегда расстается с матерью. Шерсть его окрашена так

Малый, или карликовый, муравьед ростом с белку. У него шелковистая рыже-серая, часто золотистая шерстка, подошвы лап и кончик носа красные, а хвост, как и у тамандуа, цепкий.

хитро, что когда дитя-юруми сидит на спине у юруми-матери, то сливается с ее цветовым рисунком, как бы продолжая и заканчивая его. Заметить малого зверя на большом нелегко.

Самцы больших и малых муравьедов с детьми и самками не живут, но у средних не так. Мать и отец по очереди кормят подросшего малыша волчьим способом: отрыжкой из перемолотых в желудке насекомых. По очереди носят его на себе, а когда он еще слишком мал, устраивают из листьев гнездо в дупле.

Ареалы муравьедов: Центральная и Южная Америка, от Южной Мексики (тамандуа и мико дорадо) и Коста-Рики (большой муравьед) до Южной Бразилии (малый муравьед) и Северной Аргентины (большой и средний). На западе континента, в Кордильерах, муравьедов нет.

ЗАЙЦЕОБРАЗНЫЕ

Зайцы, кролики и пищухи долго числились в отряде грызунов. Но накопились доказательства, которые заставили систематиков выделить упомянутых зверьков в отдельный, особый отряд.

Зайцеобразные обитают на огромных пространствах земли от Аляски до Парагвая, от азиатских тундр до тропических лесов Явы. Нет их только на Мадагаскаре, на многих островах Южной Азии, не было в Новой Зеландии и Австралии; ныне их завезли и туда, и на Калимантан. В Новом Свете два вида пищух и 24 вида зайцев и кроликов, в Старом — 12—14 пищух и 28 зайцев и кроликов. У всех очень короткие хвосты, зато у многих длинные уши. Все кормятся лишь растениями — в основном травой, корой. Для восполнения недостатка солей зайцы часто гложут рога, сброшенные оленями, кости, землю и снег, политые мочой других животных.

Вес от 100 граммов до 4,5 килограмма, длина тела и головы от 2,5 до 75 сантиметров.

НЕТ, НЕ ГРЫЗУНЫ

Известие, что зайцы и кролики вовсе не грызуны, охотник-зайчатник и кроликовод встречают с радостным или гневным удивлением, что зависит от личного отношения к великому отряду грызунов, но вполне оправданным, ибо факт это новый и в широкую публику пробивается медленно.

Зубы и резцы верхней челюсти повергали в сомнение еще пионеров систематики: у грызунов их одна пара, у зайцев, кроликов и пищух — две пары. А при рождении даже три! Правда, по два резца зайчата быстро теряют, но дополнительный комплект в виде тонких четырехгранных стерженьков, крепко сидящих позади больших главных резцов (в верхней челюсти), остается.

Еще одна особенность зубов: у мнимых грызунов они полностью покрыты эмалью. Как у копытных и хищных (и у нас с вами) и вовсе не так, как у бобра или белки, у которых на внутренней стороне резцов, «предназначенной» для постоянного подтачивания, никакой эмали нет. И, наконец, иссле-

дования состава крови зайцеобразных показали, что она никогда не текла в жилах грызунов. Более того, здесь замечено некоторое сродство с кровью разных групп копытных.

И тут вдруг обнаружилась другая сенсация. Давно замечали за кроликами и зайцами (впрочем, как и за некоторыми грызунами!) неприятную склонность к поеданию собственных экскрементов. Ученые определили это явление, его называют копрофагией, как порок, замеченный, скажем, и у собак, которых за такое с позором нередко исключали из племенных линий.

И вдруг внимательные исследования показывают: копрофагия — законное и необходимое питание для зайцеобразных. Оказалось, что заяц, кролик и пищуха глотают не всякие экскременты, а только утренние и не сухие и почти не жуют их, принимая как таблетки. Открылись занятнейшие свойства пищеварительного тракта. На первом этапе пищеварения еда проходит через кишечник, и бактерии, поселившиеся в слепых кишках, насыщают ее отходы какими-то необходимыми для жизни веществами. Затем эти названные цекотрофами «отходы», богатые бактериальной флорой и витаминами, вновь отправляются в путь, теперь последний... Зверьки, предоставленные самим себе, обычно устраивают две уборные, одна из которых одновременно и место трапезы.

Копрофагия, по эволюционной случайности необходимая ныне для лучшего пищеварения и выживания зайцеобразных, подчас для них губительна. Особенно для видов, живущих колониально. Любая эпидемия, возникнув, распространяется неудержимо. Ведь цекотрофы, самой природой приспособленные для культивирования полезных бактерий, культивируют и болезнетворные.

В отряде зайцеобразных два семейства: пищухи и зайцы. У пищух один род с 14—16 видами. У зайцев девять родов, разделенные на полсотни видов.

Пожалуй, самый интересный и необычайный род древесных зайцев. Их называют рюкю. Это имя как нельзя лучше определяет и место их жительства. Рюкю — группа Японских островов. Рюкю — заяц чуть крупнее дикого кролика, короткоухий и короткохвостый. Он бурого цвета с краснотой на боках, а вокруг глаз у него белый ободок, как очки. Изогнутые длинные — один-два сантиметра! — когти отличают рюкю от родственников по отряду и помогают ему сносно лазать по деревьям и даже селиться в дуплах...

Род щетинистых кроликов более обилен и видами и индивидами. Болотистые леса, кустарниковые заросли и поляны обеих Америк, от Южной Канады до Аргентины и Парагвая, приютили тринадцать видов щетинистых кроликов. Но только у одного из них хватает терпения рыть собственную нору. Остальные обходятся и так. Даже ямка самки, в которой укрылись новорожденные (три-четыре раза в год щетинистая крольчиха

бывает матерью от одного до семи малышей), настолько мала, что мамаша в нее не помещается и кормит детей, примостившись с краю. Ямка выстлана травой и пухом. Мать с детьми не остается: покормит, прикроет их листьями и уйдет. Многие щетинистые кролики хорошо плавают, и не только по необходимости, как наши зайцы в половодье, но и по своей воле: купаются. А болотный щетинистый кролик живет всегда у воды, строит несложные гнезда из камыша и спасается от врагов, ныряя в реку или болото.

Еще один род — южноафриканские кролики, северная граница их ареала проходит через Кению и Танганьику. Они похожи на всем известных домашних кроликов, только цвет у них необыкновенный — красноватый. Это петрофилы, то есть любители скал. По ночам зверьки кормятся на травянистых лугах, а по утрам, прежде чем скрыться на отдых где-нибудь в щели меж камней, любят погреться в лучах раннего солнца. Лежат и перекликаются друг с другом визгливыми, пронзительными голосами — особенность, между прочим, очень редкая среди зайцев, которые в основном признанные молчальники и кричат лишь тогда, когда их хватают, от боли и страха.

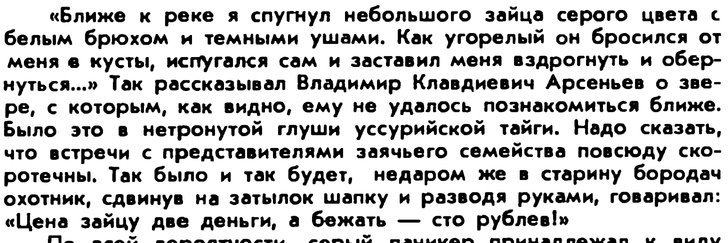

Род ромеролагус — бесхвостых кроликов, или по-мексикански тепоринго, по своей редкостности может соперничать даже с рюкю. Его ареал, в полусотне километров к югу от Мехико, всего около 40 квадратных километров. Да и сам он малыш, этот рыже-серый, похожий немного на пищуху кролик, — 30 сантиметров. Хвоста, как свидетельствует название, нет, ушки небольшие и кругловатые. Но главное — он бегает рысью! А ведь чем и славятся зайцеобразные, так это прыжками...

Однако самые необыкновенные — полосатые зайцы. Их всего один вид (причем очень, и очень немногочисленный), и живут они тоже в одном только месте земного шара — на Суматре. Зверь днем прячется в траве, а ночью в норах, и поэтому мало кому удается увидеть его причудливую окраску. На палево-сером фоне от носа и от плечей к хвосту у него коричневые полосы.

Четыре рода зайцеобразных — обычные зайцы, жесткошерстные зайцы, кролики и пищухи — водятся и в СССР.

МНОГО И МАЛО

«Ближе к реке я спугнул небольшого зайца серого цвета с белым брюхом и темными ушами. Как угорелый он бросился от меня в кусты, испугался сам и заставил меня вздрогнуть и обернуться...» Так рассказывал Владимир Клавдиевич Арсеньев о звере, с которым, как видно, ему не удалось познакомиться ближе. Было это в нетронутой глуши уссурийской тайги. Надо сказать, что встречи с представителями заячьего семейства повсюду скоротечны. Так было и так будет, недаром же в старину бородач охотник, сдвинув на затылок шапку и разводя руками, говаривал: «Цена зайцу две деньги, а бежать — сто рублев!»

По всей вероятности, серый паникер принадлежал к виду маньчжурских зайцев. Их у нас мало кто знает, хотя на белом свете они не такая уж редкость: десять видов жесткошерстных зайцев живут в лесах и кустарниках от Африки, Индии, Цейлона, Индокитая, Китая до Кореи и Японии. Акклиматизированы на Калимантане. (Другие систематики относят маньчжурского зайца и восемь других близких к нему видов к роду настоящих зайцев, оставляя в роде жесткошерстных лишь один вид — ассамского зайца.)

Так или иначе в нашей стране их, этих «спорных» зайцев, встречается только один вид — маньчжурский, которого редко-редко можно увидеть в самых южных районах Дальнего Востока, где он ведет себя не как хозяин, а скорее как гость — пугливый и не в меру скромный, будто его и не приглашали.

Настоящая родина кроликов — юго-запад Европы и Северо-Западная Африка, но акклиматизированы дикие кролики в Анг-

лии, в Южной Америке, США, в Австралии, на Новой Зеландии. В нашу страну завезены в прошлом веке и обосновались на юге Правобережной Украины.

Под Херсоном и Одессой, где-нибудь на пустыре или в забытом уголке загородного парка, на берегу моря, у пустынного обрыва балки, можно найти норы кроликов. Их всегда несколько поблизости одна от другой, потому что у животных этих определенная склонность к коллективизму. Местами на 2 тысячах квадратных метров поселяется 150 кроликов. Кормовой район такой колонии не превышает обычно гектара, кролики даже и по ночам далеко от нор не убегают, метров на 500, редко на 700. Норы уходят вниз и ведут к гнездовой камере, весьма уютному жилищу, аккуратно выстланному травой и самым настоящим кроличьим пухом, который самка, собираясь стать матерью, выщипывает у себя на брюхе. В норах кролики отдыхают днем, хотя и не всегда. Если место глухое и безопасное, кролик и днем частенько дремлет где-нибудь под кустом, в небольшом углублении и тем самым уподобляется зайцу. Ночью — кормежка, которую было бы уместнее назвать пастьбой, потому что трава — почти единственное питание зверя. Правда, зимой он поневоле разнообразит свой рацион и вместе с высохшей к тому времени травой ест побеги кустарников, корни, семена. Когда поблизости есть огород, сад, бахча, зверей не остановить никаким забором — проникнут. В годы массового размножения, во многих странах это хорошо знают, кролики — бич сельского хозяйства. Пример Австралии всем хорошо известен. Здесь кролики стали национальным бедствием. С ними ведут настоящую войну с применением авиации, отравляющих веществ, воинских подразделений и хитроумных «китайских стен» новейшего образца, которые оплели весь восток континента (в одном лишь Квинсленде 7 тысяч миль антикроличьих изгородей!).

Интересно, что у австралийских кроликов за сто с небольшим лет проживания на новой родине изменились некоторые повадки. Крольчат рождают не в норах, а прямо на земле, как зайцы. Почти совсем отвыкли рыть норы, но научились зато, отрастив длинные когти, неплохо лазать по деревьям. Когда вся трава внизу и нижние листья ими съедены, забираются по веткам на несколько метров над землей.

Кролики удивительно быстро размножаются. Самка при хороших, конечно, условиях плодится пять-шесть раз в году и в каждом выводке от трех до девяти крольчат (рекорд — 18! Правда, у домашних). Беременность всего месяц! За год приносит крольчиха в среднем 10—12 потомков. В сравнении с высоким темпом размножения это немного. Дело в том, что у крольчих часто случаются непроизвольные аборты, резорбции эмбрионов, много новорожденных гибнет от болезней и хищников.

Третий член заячьего семейства, обитающий у нас, — толай, или песчаник, житель пустынь и полупустынь, равнинных и горных степей, юго-восточных окраин нашей страны от Каспийского моря до Тянь-Шаня и Аральского моря на севере, а также Чуйская степь на Алтае и Забайкалье. Вне СССР — Монголия, Китай, Северо-Западная Индия, Иран, Аравия и Северо-Восточная Африка.

Жизнь у толая трудная, только посочувствуешь. Его хотя и не преследуют шумными, освященными традицией охотами с гончими и мало желающих таскаться по горячим пескам за трофеем, довольно

сомнительным, но он всегда должен быть начеку. В Прибалхашье, где диких свиней много, и кабан опасен бедняге. Однако самые страшные враги — хищные птицы.

Местами толай поселяется иногда весьма плотно, бывают годы, когда эти зайцы повсюду, их встречаешь не только возле дальней юрты скотовода, но даже возле промышленных предприятий. Такие годы, «годы пик», повторяются в строгой периодичности. Эта интереснейшая особенность есть и у русака и беляка — соседей толая по ареалам и классификации (все они одного рода).

Русаков знают в Германии и Франции, в Англии и Швеции, в Северной Африке и в Турции, в Иране, Крыму и Закавказье, на Украине и юге Архангельской области, в прикаспийских степях — на восток до устья реки Урал. Знают и за Уральским хребтом, в степной полосе Западной Сибири до Омска. Похоже, что ареал русаков медленно, но верно расширяется в сторону Дальнего Востока. Знают их даже в Иркутской, Читинской областях, на Алтае и в Северной Америке, где они местами акклиматизированы. Русаки — жители полей, степей, вырубок и опушек. В глубинах леса их не увидишь.

В лесу другой заяц, беляк. Не беда, если летом вы его спутаете с русаком. (Надо надеяться, место встречи не позволит вам этого сделать, и еще смотрите на хвост: у беляка летом он сверху серый, у русака и зимой и летом с черным пятном!) Зимой же ошибка невозможна, заяц блистает ослепительной белизной, только кончики ушей у него черные.

Ареал беляка — лесные массивы севера Западной Европы, а в Восточной от тундры на севере до Черниговской, Орловской и Саратовской областей — на юге, Сибирь, Камчатка, Сахалин, Монголия, Северо-Восточный Китай, Хоккайдо, Северная Америка. Есть беляки на западе Гренландии.

Несходство между русаком и беляком ограничивается, в сущности, свойствами шкуры и склонностью к разным биотопам. В остальном они как братья-близнецы. Есть, значит, основания пренебречь пословицей: «за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь» и в целях экономии написать один портрет на двоих.

Зайцы — это звери, чье имя с языка у нас не сходит. Но ведь, как ни склоняй слово, от этого его суть не станет ясней. И хуже того: от частого повторения оно ветшает и теряет свой первоначальный смысл. «Труслив как заяц», «заячья душонка», «улепетывает как заяц», «косой заяц», «прыгает как заяц», «петляет как заяц» — эти выражения (остроумные и знаменитые) должны бы, кажется, со всей полнотой вызвать в нашем воображении облик зайца со всеми его повадками, но, увы, их давно постигла участь всех идиоматических выражений.

Возьмем идиом номер один, касающийся пресловутой трусости зайца. Зверь, оказывается, не так уж безоглядно труслив и, если видит, что хищник за решеткой, на цепи или сыт, спокойно занимается своими заячьими делами в самой непосредственной близости от опасности. А если бы предок-остроумец увидел, подобно Петру Александровичу Мантейфелю, как заяц, расположившийся на лежке в степи, был потревожен пасущейся лошадью и, вместо того

чтобы бежать, лениво поднялся, царапнул ее по носу (та очень испугалась) и снова улегся на старое место, то, может быть, и приберег бы свое вдохновение для другого случая...

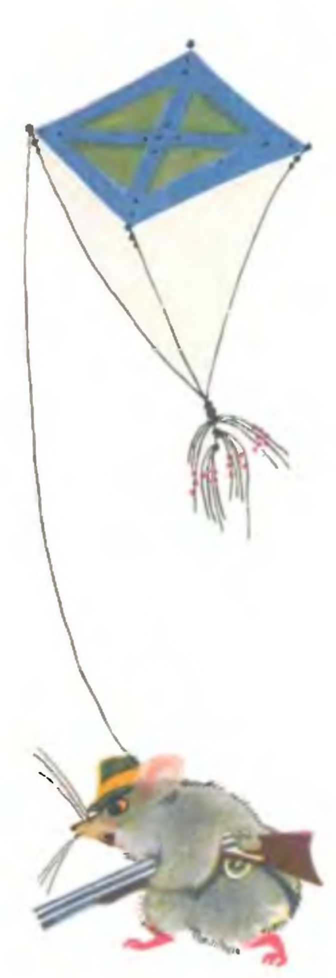
Чем объяснить общую убежденность в трусости зайца? Может быть, тем, что, когда нам приходится поднять его с лежки, он «как угорелый» несется прочь. Едва моргнуть успеешь, а его уж нет. Но ведь тут есть еще одно обстоятельство. Лежащий заяц чаще всего знает о нашем приближении задолго до того, как мы подойдем, и не торопится потихоньку удрать, а, прислушиваясь, ждет, не свернем ли мы в сторону, ждет до последнего. О трусости ли это говорит? Конечно, нельзя забывать, что таким же и разными другими путями к зайцу приближаются и враги, слишком много врагов. Не говоря об охотниках и собаках, его преследуют лисы, волки, орлы, совы. Даже вороны и сороки, умные и смелые птицы, собираясь в бандитскую стаю, иной раз нападают на зайца. И хотя порой ему удается сильной лапой распороть преследователю брюхо, это ненамного улучшает его положение, положение зверя, которому надо всегда быть начеку и «улепетывать как зайцу», потому что победа в стычке ему ни к чему. Не говоря уж о поражении. Скачет он действительно быстро, но гончая, да и обыкновенная собака, обладающая достаточным упорством, хорошим чутьем и мастерством распутывать петли, скидки и прочие заячьи хитрости, его все-таки «загоняет»: чему причиной, по-видимому, меньшая выносливость зайца. Борзая же поймает зайца без труда и быстро.

Длинные задние ноги позволяют зайцу сорваться с места со стремительностью катапультированного и мчаться трех-, а порой и пятиметровыми прыжками... Поэтому, когда про кого-нибудь с раздражением или восхищением говорят, что он, дескать, «прыгает как заяц», то определенно преувеличивают.

Много говорят и пишут об упорной склонности зайца к запутыванию своих следов. Особенно замысловаты действия зайца перед тем, как устроиться на дневной отдых. Таких кренделей навыделывает, что распутать его следы на снегу сможет не всякий. Правда, при соответствующих знаниях в этой неразберихе можно усмотреть кое-какие закономерности. Заяц два-четыре раза пройдется взад-вперед по своему следу, потом «скинется» — прыгнет куда-нибудь в сторону и там, если сразу не затаится, что обычно делают лишь молодые зайцы, все начинает сначала. Охотник, который «тропит» зайца (есть такой бессобачный способ охоты), разобравшись в двух-трех хитро-

сплетениях, может с полным основанием приготовиться к выстрелу, потому что вот-вот должен увидеть лежащего зверя или тот сам выскочит где-то рядом. Правда, часто, загадав охотнику загадку, заяц мощным прыжком вылетает из зоны, где так старательно наследил, и отправляется отдыхать в другое место.

От лисицы, волка, куницы заяц убегает заранее. Но когда заметит в небе ястреба, не бежит, а затаивается. Поэтому и человека близко подпускает, но рано или поздно заячьи нервы не выдерживают, он срывается и выскакивает часто почти из-под самых ног. Для зайца человек слишком высок, и мозг длинноухого автоматически реагирует на охотника, как на врага в высоте. Эта автоматика, которую создала эволюцию задолго до изобретения людьми огнестрельного оружия, сейчас уже сильно устарела и губит многих зайцев, слишком близко подпускающих охотников. (Причем замечено, что самки лежат крепче самцов.) На этой врожденной реакции на хищника в высоте основан очень интересный способ охоты на зайца, впрочем не принятый у нас: с бумажным змеем! Его запускают метров на сорок в высоту, и напуганные мнимым ястребом зайцы еще ближе подпускают человека.

Охота с гончими основана на том, что заяц, поднятый собакой, как правило, возвращается на свой след. Остается лишь удачно выбрать место да не промазать. Путь зайца в этом случае, как говорят, — круг. Но если начертить его на бумаге, то схема получится такая, что посторонний невольно усомнится в твердости руки, ее начертившей. «Круг», мягко говоря, будет не круглым. Множество петель, прерывистость («скидки»), неожиданные изменения направления, иногда на прямо противоположные, ненужные, казалось бы, повороты, — все это заяц проделывает, чтобы сбить с толку идущих по следу гончих; вот и выписывает по лесу кренделя, прежде чем замкнуть свой круг, неизбежный и роковой. И если петли и все прочее можно отнести к оборонным мерам, то про выход к месту лежки или ее ближайшего района такого не скажешь. Так почему же заяц все-таки это делает? Объясняли по-разному. Лучшим представляется предположение о ревире — собственной территории (1—3 квадратных километра), нарушать рубежи которой он «не имеет права». Вынужденный уходить от преследователя на ограниченном участке, он волей-неволей возвращается на свои «законные» и знакомые места.

А некоторые «толкователи» с серьезным видом убеждают, что заяц кружит «скосу». Их мнение тоже заслуживает некоторого внимания, хотя дело тут не в глазах, а... в ногах. У многих зверей замечена не понятая до конца странная асимметрия в строении органов, которым по природе, казалось бы, полагалось быть симметричными. Например, правая и левая сторона черепа у зубатых китов развиты неодинаково, у морской свинки в левой половине челюсти больше зубов, левый рог у гаура и некоторых оленей длиннее и толще. Этим рогом они преимущественно и бодаются.

Правые и левые ноги у многих зверей не равны: у волков и лис левые часто длиннее правых и оттого на бегу проходят

Род обычных зайцев объединяет около 26 видов, которые обитают в Европе и Азии, от тундр до Японии, Тайваня, Индии, Индонезии, почти по всей Африке, за исключением тропических лесов Конго и Гвинейского залива, и в Северной Америке. Люди завезли и расселили зайцев в Южной Америке, Австралии, в Новой Зеландии и на некоторых других островах. Все зайцы этого рода окрашены скромно: буровато-серые, только у индийского на затылке и шее «черная «шапочка». Некоторые виды зимой белые.

большее расстояние. А это приводит к постоянному искривлению пути вправо.

Возможно, и с зайцем происходит нечто подобное. По той же причине, наверное, и человек, заблудившись в лесу, плутает кругами.

Глаза у зайца крупные, причем настолько, что прикрыть их как будто и век «не хватает». Так и спит заяц с приоткрытыми глазами. Сон зайцев (и кроликов тоже), так сказать, «много-

серийный»: раз по двадцать на день они засыпают ненадолго, чтобы потом пробудиться, встать, оглядеться, прислушаться.

Глаза у зайца, как у всех почти «преследуемых» зверей, — по бокам головы (у хищников обычно смотрят вперед). Так лучше обозревают они фланги и тылы (угол зрения заячьего глаза почти 90 градусов). Но бинокулярности в этом обзоре нет, потому нет и точности в определении расстояния. Поэтому на быстром скаку заяц порой натыкается на кусты, на пни (были случаи, и на ноги охотника!).

Беляки и русаки принадлежат к тем животным, чье положение наиболее незыблемо в области... искусства. Не сочтешь сказок, мультфильмов, рассказов и стихов, в которых зайцы выступают как персонажи симпатичные, часто хитроумные и героические. Но не так безоблачно их существование на земле. То и дело слышишь горькие вздохи о том, что-де «в нашем краю на одного зайца по десять (а то и по сто!) охотников». К сожалению, эти соотношения подчас не так уж гиперболичны.

Зайцы могут обеспечить самый высокий прирост численности. Выводков бывает до трех (у толая и русака — до четырех), и в каждом до восьми детенышей (в первом — наименьшее число зайчат). Размножаться начинают рано, когда еще снег не стаял, отчего детей первого помета называют настовиками. Затем бывают пометы летом (зайчат тогда называют летниками, травниками), ближе к осени рождаются листопадники. Рождаются зайчата зрячими, крупными и в шерсти. Первые, самые трудные дни их спасает полная неподвижность. Они, как родятся, сразу же наедятся материнского молока, которое у зайчихи раз в шесть жирнее коровьего, и замрут. Трое-четверо суток пребывают в оцепенении. Незаметно, чтобы дышали. Но дрожат! Мышцы работают и, значит, выделяют тепло.

Мать, в сущности, ничего не способна сделать для защиты своих детей от сильных врагов. Если до детенышей кто-нибудь доберется, она обычно бегает невдалеке и стучит задними лапами по земле, отвлекает, приманивая к себе врага. Но это не всегда достигает желанной цели. Затаивание — лучшее, что есть в оборонном арсенале зайчат. Кому приходилось вечерком в весеннем лесу наткнуться на притаившегося зайчонка, знает, как трудно его заметить. С двух-трех метров и лишь после большого напряжения увидишь в старой листве и траве желтоватые глаза, а затем и всего зверька: он лежит, ничем не прикрытый.

Но и те, кто ищет чутьем, не в лучшем положении. Потовых желез на теле у зайцев нет, они на подошвах лап (смачивают их при беге и не дают зимой налипать снегу), и если затаившийся зайчонок лапы под себя подобрал, то его не унюхаешь.

И все-таки гибнут: уж очень много у них врагов. Я не говорю про тех, кто и со взрослым зайцем справится. Вороны, ласки, крысы, даже хомяки и кроты убивают и едят зайчат.

Растут зайцы быстро, за один сезон (за 6—8 месяцев) уже взрослые. (Живут до 8—12 лет.) Этот факт наряду с перечисленными выше оправдывает законность давно готового вопроса: почему же их тогда не очень-то много?

Причины разные. Численность зайцев подвержена цикличным взлетам и падениям, на которые мы, увы, пока повлиять не можем. Эти циклы в разных местах разные: в Европе они, например, пяти-семилетние. В Сибири — до одиннадцати лет. В Калифорнии бывало так, что в один год тысяча зайцев на квадратной миле, а через несколько лет — лишь один-два! (Между прочим, разрешения на охоту неплохо было бы объявлять в соответствии с этими циклами, а не ежегодно, по принципу «была бы пороша».)

Что за тайна скрывается в периодических движениях численности зверя, долгое время не знали, да и сейчас здесь неясности хоть отбавляй.

Несомненна связь колебаний численности с запасами кормов. В «год пик» зайцы подъедают какие-то виды растений, которые восстанавливаются полностью лишь к следующему «году пик». В Северной Америке, где существует десятилетний цикл подъема численности зайца, такая же цикличность и численности рыси, питающейся зайцами.

Второй фактор — болезни. А если уж заболевание появилось, его следствие — снижение плодовитости самок, частая гибель зайцев от хищников, смертность от самой болезни.

Заяц очень похож на кролика и близок ему по крови, но какое несходство в биологии и некоторых повадках!

Правда, манера ухаживания, так сказать, «токовые» игры у зайцев и кроликов подобны. Одну зайчиху во время гона преследуют несколько самцов. Стараются оттеснить друг друга, прыгают, бьют задними ногами, иногда боксируют и передними. В эту пору можно услышать особые крики женихующихся зайцев. Заяц, преуспевший больше других, распушив свой хвост (охотники говорят «цветок»), играет с зайчихой в «догонялки». Они скачут друг за другом, порой увлекаясь, заводят такой «хоровод», что и лису, подбирающуюся к ним, не замечают. Кролик ухаживает примерно так же, и «цветок» исполняет здесь свою привлекающую роль, но главное — особая ритуальная «походка» на выпрямленных ногах.

Несходство в другом. Крольчиха рожает в норе, на подстилке из травы и собственного пуха, крохотных, чуть больше 30 граммов, почти голых и слепых крольчат. Глаза они открывают лишь через 10—20 дней. Она их почти не покидает первое время, отвлекаясь лишь за тем, чтобы немного поесть и для

нового зачатия, к которому способна уже через 12 часов после родов. Она согревает их и кормит молоком лежа. Зайчиха приносит крупных, зрячих, опушенных и способных в первые же дни прыгать и кормиться травой зайчат. Рожает их не в норе, а в простой, ничем не выстланной ямке. Они расползаются в разные стороны и затаиваются. Кормит она их сидя и, покормив, надолго оставляет. У нее и физиология приспособлена к этому: молоком соски наполняются лишь периодами, между которыми деятельность желез затухает. Рассказывают, если чужая кормящая зайчиха найдет в траве малого зайчонка, то обязательно его покормит, не пробежит мимо (впрочем, проверить это нелегко). Молоко перепадает зайчатам, по-видимому, лишь несколько раз в первые три-четыре недели их жизни, а потом они кормятся только той молодой зеленью, что найдут вокруг.

В биологии размножения зайца, который веками прыгает у нас, что называется, под носом, еще много неясного. Не вполне ясна также роль зайца-самца. Одни исследователи утверждают, что он в меру своих заячьих сил оберегает затаившихся в траве малышей, всегда невдалеке от них, гонит смело малых врагов, отвлекает хитрыми маневрами крупных. Кролик-самец как будто бы никогда этого не делает. Но есть и такие наблюдения: видели, как заяц-самец бил зайчат, а зайчиха их защищала.

Доктор Инго Крумбигель обратил внимание, что беспомощность крольчат (а также детенышей хищных зверей) и самостоятельность, данная с рождения, зайчат (и детенышей копытных) имеет известную параллель с выводковыми и птенцовыми птицами: у первых птенцы достаточно самостоятельны, у вторых нуждаются в постоянных родительских заботах и беспомощны, как крольчата.

ТРЕБУЮТСЯ КОСАРИ!

В наш век не часто прочтешь или услышишь объявление «Требуются косари».

Медведю, жителю горных районов Центральной Азии, косари-сеноставки «требуются». Очень он их любит и, найдя колонию этих зверьков, впадает в настоящий охотничий азарт. Петр Кузьмич Козлов добыл в одном из своих путешествий такого медведя, причем еще недообедавшего, и нашел в его желудке 25 сеноставок. А они ведь приличного для «грызунов» размера, хотя в общем вдвое меньше кролика.

Как на сеноставок, или пищух, ни смотри, «броских» фамильных заячьих примет не увидишь. И тем не менее это самые ближние родственники. Впрочем,

если считать почти полное отсутствие хвоста у пищух (его незаметно в шерсти) неким тождеством с куцыми хвостиками зайцев, то вот вам и сходство. Правда, очень относительное, мало ли у кого хвост короткий! Зато признаки более глубокие определенно подобны.

Когда-то в семействе пищух было 11 родов, а остался один. Его делят на 14—16 видов, из них в СССР 7. Пищухи живут сейчас от Северной Америки (два вида) на запад через Азию до Юго-Восточной Европы, но совсем недавно, буквально в историческое время, водились в Англии.

Чтобы изобразить пищуху, многокрасочной палитры не требуется. Зимой зверек серый, часто с рыжеватым налетом. Летом, естественно, оттенки побогаче, но вся их гамма легко поместится между охристым и коричневым цветами. Особых примет немного. Вот разве что уши круглые, похожие на лепестки, да усатость необыкновенная — у некоторых видов вибриссы прямо «тараканьи», 80, а может, и больше миллиметров.

Задние и передние ноги примерно одинаковы. Передвигаются пищухи коротенькими, неловкими, даже наивными прыжками.

Пищухи — петрофилы. «Петр» — слово греческое, переводится как «скала», «утес», «камень»; «фил» — не что иное, как самая нежная «любовь», верная «дружба», сердечная «склонность». Получается, что пищухи — большие любители гор. Надо оговориться, не все. Два-три вида живут в лесах и на равнинах, но большинство — горцы.

Селятся у подножия горных гигантов, поднимаются в высокие долины, ущелья. Колонии пищух встречали на высоте до 5 тысяч метров!

Колония... часто это такое место, к которому ни подъехать, ни подойти. Храбрая монгольская лошадка будет храпеть и отступать перед каменными завалами, нагромождениями, коварными осыпями. А зверьки беспечно снуют между камнями. Если почва податлива, роют норы, иногда устраивают гнезда просто под большими глыбами в случайных нишах.

Узенькая тропинка, петляющая возле камней, приведет к отверстию — небольшому, вряд ли рука пролезет. Таинственная обитель пищухи — иногда примитивно короткий ходик с гнездовой камерой на конце, иногда внушительные коридоры длиной до 10 метров, и не с одной, а с двумя и даже тремя камерами, выложенными травой.

К норе приближается непрошеный посетитель, зверек высунет голову и передние лапы и пристально, даже подозрительно, смотрит. Но потом, будто опомнившись, заволнуется, пропищит что-то, предупреждая соседей об опасности. Соседи не замедлят ответить таким же писком, и через несколько мгновений в колонии исчезнут все признаки жизни.

Когда очень уж холодно, пищухи замирают ненадолго в теплых гнездах. Если же мороз терпимый, то роют в снегу длинные ходы и даже, случается, здесь же, в снегу, строят гнезда (чаще шарообразные) и внутри этих конструкций прекрасно устраиваются до

Еще в прошлом веке некоторые исследователи протестовали против объединения зайцев и пищух в одном отряде с грызунами. Но лишь сравнительно недавно такое разделение было произведено. Пищуха, изображенная на этой фотографии, обитает на западе США, второй американский вид — на Аляске, прочие двенадцать — в Азии, но не южнее Гималайских гор. Из них лишь малая, или степная, пищуха живет также в степях у западных отрогов Уральского хребта.

весны. Стенки, выложенные из травы, хорошо держат тепло, так хорошо, что уже в марте самочка может вывести первый из двух годовых выводков. Уважение к строительным способностям пищух возрастет, если добавить, что детеныши рождаются не только слепыми, но и голыми, и не замерзают!

Даже не всякий смекалистый наблюдатель, оказавшись возле норы сеноставки, придаст значение груде камешков, будто бы случайно здесь валяющихся. А камни между тем не случайные. Зверек заготавливает их заранее и кладет рядом с норой, чтобы, когда начнется страдная пора, использовать по назначению.

Страдная пора приходит в месяц сенозорник, как называли июль наши предки. Лучшая трава в это время, жарко. Сеноставки принимаются за труды. Аккуратно выстригают растения на местах, недоступных ни косе, ни тем более сенокосилке. Прежде думали, что пищухи собирают только лучшие травы, но недавние подсчеты говорят о другом: до 70 видов растений попадает им на зубы, то есть почти столько, сколько может расти на ограниченном участке колонии.

Все знают, что косьба сама по себе — это даже меньше, чем полдела. Главное, правильно высушить сено и сохранить его. Недосушенное гниет, а пересушенное — малопитательно. Сеноставки — сушильщики непревзойденные. У них сено высушено, как говорится, «в самую точку»: сухое, зеленый цвет не потерявшее, душистое. Возьмешь пучок такого сена в руки — аромат необыкновенный! Волей-неволей подумаешь, что особая тут какая-то трава, отборная.

Скосивши поутру готовый к сенокосу «лужок» и разложивши траву для просушки на камни и просто на землю, четвероногие косари не спешат отдохнуть где-нибудь в холодке, заботу свою о продукции не прекращают. Нахмурилось вдруг небо, и в колонии — аврал! Суетятся зверьки, рассовывают сено в укрытия. А когда день предстоит жаркий, сено может пересохнуть. И тоже аврал... Переместилось солнце в небе, сено оказалось в тени, несут его на солнцепек. Ветер поднялся, полезный для сушки помощник, но он развеет сено... У заботливых зверьков все предусмотрено. Помните о заготовленных камешках? Ими зверьки придавят скошенную траву, и ветру ее не сдуть.

Но вот сено готово. Дальнейшие заботы маленьких тружеников мало отличаются от действий любого заготовителя: сено надо убрать — либо в стога, либо на сеновал.

Находят такие щели, в горах это нетрудно, где ни ручью, ни дождю не подобраться. И туда аккуратнейшим образом складывают сено. Когда его занесет снегом, подкопают ход и позаботятся о том, чтобы ценные запасы не задохнулись без воздуха: вентиляцию наладят, проделав специальное отверстие в сугробе (в стожках и сами порой от мороза прячутся). Бывает, что и летние земляные норы используют как хранилища. Но и тогда вопрос о вентиляции не снимается. Если же часть запасов все-таки подгнила, ее выбросят, чтобы сохранить остальное.

Но самое занятное — это стожки и целые стога, сооружаемые сеноставками (высотой до метра!). Тут как раз мы и подходим к объяснению слова «требуются», потому что эти стога и стожки — желанная находка для любого парно- и непарнокопытного. Одна монгольская пищуха складывает стожок, в котором до четырех килограммов сена! А у зверьков, работающих артельно, стог получается на 15—25 килограммов.

И встарь, и по сей день пастух и наездник кормили свой скот и коней плодами труда сеноставок.

ГРЫЗУНЫ

Нелегко найти такое место на земле, где бы не было грызунов. Ни один отряд зверей не распространен так широко по свету, как грызуны, и ни в одном отряде нет такого изобилия видов и особей: 1729 видов, по данным Десмонда Морриса, — две пятых класса млекопитающих, а в фауне зверей нашей страны — почти половина. По мнению других систематиков, грызунов почти 3 тысячи видов: больше половины всех видов зверей, обитающих на земле. Каково истинное число, сказать трудно, потому что, во-первых, не все еще мелкие грызуны открыты, во-вторых, перемещения из видового ранга в подвидовой или даже расовый и обратно вносят путаницу в такие подсчеты. К разным условиям приспособились грызуны, и образ жизни у них самый разнообразный.

У грызунов только по паре резцов в каждой челюсти, лишенных с внутренней поверхности эмали. Клыков, как и у зайцеобразных, нет. Сами челюсти и приводящие их в движение мышцы устроены очень хитро: когда грызун грызет, нижняя челюсть выдвигается вперед, резцы входят в соприкосновение друг с другом, но нижние коренные зубы не касаются верхних. Эта механика предотвращает преждевременное и ненужное их снашивание во время работы грызущих резцов, когда жевать еще не нужно. Мышцы втягивают губы внутрь рта и заполняют ими широкую диастему (промежуток между резцами и коренными зубами). Куски земли, коры, щепки и другие нежелательные и неизбежные отходы при рытье нор и прочих делах, совершаемых резцами, не засоряют глотку. Когда же грызун жует, нижняя челюсть отходит назад. Теперь нижние резцы лежат позади верхних, коренные зубы, верхние и нижние, входят в соприкосновение, необходимое для пережевывания пищи.

Многие грызуны наделены защечными мешками, в которых уносят запасы зерна или другие продукты. Защечные мешки бывают внутренние, в полости рта, и наружные, как бы «вмонтированные» в саму щеку. Последние выстланы мехом и могут выворачиваться наружу, как карманы, чтобы зверек мог их вычистить.

Грызуны в основном вегетарианцы, но некоторые всеядны. Желудок простой, но иногда сложный, вроде как жвачного типа (лемминги). Беременность от 16 дней (золотистый хомячок) до пяти с половиной месяцев (водосвинки). Вес от 4 граммов (мышь-малютка) до 50 килограммов (водосвинка). Продолжительность жизни от двух лет (мелкие грызуны) до 22 (дикобразы и и шиншиллы).

В отряде грызунов около 30 семейств и больше 300 родов (опять-таки, напоминаю, подсчеты тут разные). В фауне СССР — 11 семейств и 50 родов.

Сейчас обычно отряд грызунов разделяют на три подотряда: белкообразные (белки, сурки, суслики, бурундуки, гоферы, североамериканские кенгуровые крысы, бобры, долгоноги) — 366 видов; мышеобразные (мыши, крысы, хомяки, сони, тушканчики, лемминги, полевки) — 1183 вида; дикообразные (дикобразы, иглистые крысы, голые кротовые крысы и южноамериканские грызуны типа морских свинок, водосвинок, шиншилл, мара, агути) — 180 видов.

Некоторые систематики всех южноамериканских родичей морских свинок выделяют в особый подотряд, другие признают еще более дробные подразделения — до семи подотрядов.

Даже специалисты, у них есть на то основания, не признают сурков за истинно горных... Сам Сергей Иванович Огнев пишет, что это «типичные обитатели степи». Но, не рискуя погрешить против правды, скажу:

Они живут в горах...

Альпийский сурок... Герой легенд, народных песен, стихов. Свободный, он живет в поднебесье, у самых границ ледников. Водится не только в Альпах. Пиренеи и Карпаты — тоже его родина.

Есть у альпийца родич, особыми почестями не пользующийся. Скорей, наоборот. Его именем клеймят ленивцев и сонь. «Байбак» говорят про какого-нибудь любителя лежачего образа жизни.

Байбак, чьи бренные останки находят в плейстоцене некоторых стран (а это время наступавших и отступавших ледников, словно пытавшихся начисто обрить голову земли), угрожает нарушить стройную направленность этой главы, посвященной обитателям гор. Как ни прискорбно делать исключение из правила, но придется: байбак — типичный степняк. Его вполне устраивают казахские, приуральские, приволжские, местами украинские, воронежские, ростовские степи. Он еще недавно в обилии водился на Украине, даже в Полесье и Подмосковье.

И все же байбак отнюдь не чужой ни повадками, ни родословием среди других сурков, действительно горных, которых пора наконец и назвать.

Это красный, или длиннохвостый, сурок — житель Тянь-Шаня, Восточного Афганистана и ближайших к нему районов Индии. Алтайский сурок — вылитый байбак, только потемнее. Кроме Алтая и Саян, — горы Казахстана, Киргизии, Монголии, Северо-Западного Китая. Монгольский сурок, который под именем «тарбаган» выступает также в холмистых степях Забайкалья. Сурок Мензбира (Тянь-Шань) и камчатский сурок-черношапочник, у которого нет, конечно, никакой шапки, просто голова сверху черная, так же как у тарбагана. Сурок-черношапочник живет не только на Камчатке, но и на хребтах Восточной Сибири, а несколько видов его собратьев расселились и по ту сторону Берингова пролива, по Аляске, Канаде и США, на юг до Северной Мексики.

Если поглядеть на сурков где-нибудь в районе горного Алтая или Забайкалья, то легко убедиться, что путешественники они никудышные. Сурок — толстяк на коротких лапках. Правда, напуганный, он бежит довольно резво, так что человеку вряд ли угнаться за ним, но все это на каких-нибудь 20—30 метрах. Впрочем, когда в населенной сурками округе растительность выгорает, подсыхает (или для зимовок в более теплых низинах), они уходят довольно далеко.

Сурок молодого пополнения, когда ему приходится рыть свою собственную нору, вряд ли выберет место где-нибудь в стороне от других нор. Он скорее

выроет ее между ними. Поэтому порой колония сурков превращается в непроезжий для всадника участок.

Вообще эти норы — еще одно подтверждение удивительной приспособленности сурка к обитанию в горах. На склонах, где каменные осыпи спрессовывались миллионы лет, зверь умудряется вырыть себе жилье, сохраняя традиционные размеры и архитектуру. Вспоминается один случай. Трое участников геологической экспедиции, имена называть воздержусь, истомленные и даже несколько обессиленные гречневым концентратом, лишь слегка приправленным мясными консервами, захотели убить сурка. Мясо этого грызуна вкусное, а о полезности и говорить нечего — уверяют, что будто бы лечебное.

Так вот. У наших героев оставался всего один патрон в мелкокалиберной винтовке, и поэтому они могли действовать только наверняка. Долго искали. Наконец зверь на мушке. Это был великолепнейший экземпляр. Толстый, лоснящийся, шкура на нем висела складками. Он выглядел разжиревшим от безделья рантье, выбравшимся на солнышко понежиться. Он жмурился, поворачивая к светилу то одну щеку, то другую, а временами даже засыпал и «клевал носом». Лучшей цели нельзя было придумать.

Стрелок удобно лежал за камнями, выстрел грянул. Послышался характерный шлепок пули, возвестивший о точном попадании. Зверь вскинулся, быстро повернулся и исчез в норе.

«Ура» подбежавших геологов было преждевременным. Заглянув в широкое темное отверстие, они зверька не увидели. Некоторое время в глубине слышались глухие звуки, затем все стихло: сурок умер. Голодным людям ничего не оставалось, как бодро приняться за раскопки. Кирка и лопаты заскрежетали о камни...

Нора была расположена внизу, у подножья довольно крутой скалы, изрядно потрепанной осыпями и выветриванием, поэтому нечего было и ожидать здесь податливую почву. Но то, что открылось геологам, превзошло все ожидания: гранитные глыбы и щебень, буквально сцементированные галькой и песком. Каждый камень приходилось чуть ли не вырубать, гнулись лопаты, кирка звенела. За час удалось лишь расширить вертикальное входное отверстие. Копали до вечера и здесь же заночевали. Наутро окинули печальным взором яму и груду камней и отправились в путь: у всех болели руки.

Старый сурок победил. Подумайте только: три человека, вооруженных железными орудиями, оказались бессильны против строения, созданного короткими лапками...

Теперь об архитектуре. Она у сурков рациональна и не отличается особой вычурностью. Даже равнинный байбак, хозяин мягкого чернозема, не утруждает себя сложными конструкциями: дом должен быть удобным и безопасным.

Перед нами жилье сурка предстает лишь круглым, вертикально уходящим вниз отверстием и крепким холмиком почвы рядом, так называемым бутаном. Это важнейшая деталь общей конструкции, нечто вроде завалинки у фасада деревенского дома. Тут можно отдохнуть, поболтать с соседом... Сурки очень общительны и часто ходят в гости друг к другу, причем гостиной служит бутан. На бутане все можно. Можно порезвиться, хватая друг друга под микитки; можно посидеть в компании, можно просто выспаться на солнышке, и теплый бок друга согреет твой бок, оказавшийся в тени. Но если из-за холма показалась голова охотника, беги сломя голову к своей норе, дружба кончилась...

Трогательные идиллии на пролысинках бутана — это все приметы летних развеселых отпусков. И норы с бутанами — всего лишь дачи. Они обычно просты: вертикальный или почти вертикальный ход вниз (этак на метр), по которому зверь просто сваливается (удобно весьма при стремительном отступлении), затем — узкий коридор, который часто соединяется с такими же коридорами близких родственников.

Сложнее устройство зимних убежищ, где сурки залегают в спячку. Впрочем, про остроумную идею главного входа не забывают и здесь. И основной коридор идет так же. Но он длиннее и глубже и в конце своем разветвляется. Пойдешь налево... Небольшая камера, а в ней испражнения, всякий мусор, какая-то ненужная, линялая шерсть. Пойдешь направо... Тут большое арочное помещение с хорошо выделанными стенами. Нет, нет, не келья одинокого монаха. Коллективная спальня. Зимой сурки спят все вместе, у некоторых иногда до двадцати зверей собирается — все как-то теплее... Да вот еще: иной раз в главном коридоре можно найти несколько небольших отнорков, в которых едва-едва поместится зверь. Их назначение не очень ясно. Карцер для тех, кто на общей постели сильно ворочается? Убежище? Или специальная ниша, куда следует отойти, если встретился кто-нибудь из старших?

Остается сказать еще о том, как сурки выбирают место для своих поселений. Они знают, что солнце — благо, и неутомимый охотник зря будет искать их норы на мрачных северных склонах гор.

Солнце — друг; вода — враг. Когда дождевые потоки устремляются вниз, берегись, сурок! Если застройщик был неосмотрительным, нору зальет. Вода

в норе — сама смерть! Залегая на зиму, звери так заделывают входные отверстия, что не только вешним водам в них трудно проникнуть, никакая лопата их не берет. А уж когда случится беда... Были, говорят, такие случаи: сурок собственным телом заткнул нору! И вода не прошла!

Не от хорошей жизни сурки спят 6, 7, 8, 9 месяцев в году. Но это выход. Разве смогли бы они выжить, если бы не умели пережидать времена сокрушительных морозов и бескормицы?! К спячке готовятся заранее. Копят жир, он будет потом питанием. Все меньше и меньше бегают и ходят, а перед самой спячкой ничего не едят: желудок спящего сурка пуст. И вот ушли в нору, заделали вход, сгрудились в келье-спальне...

Когда я говорил о странных нишах, годных якобы для карцерного заключения тех, кто, сильно ворочаясь, не дает соседям спать, то, конечно, шутил. В спальне царит неподвижность. Два-три вдоха в минуту. Ударов сердца — три, четыре, пять (а у сурка на летнем бутане пульс 88—140 ударов). Температура тела снизилась до температуры воздуха в спальне — иногда до нуля! В общем, не поворочаешься. И в таком положении всю зиму.

Как протопленная печь под слоем остывших углей и золы хранит жар, так центральная нервная система бережет энергию жизни. И между тем живучесть повысилась: если убить спящего сурка, его сердце будет биться три часа! Организм невосприимчив даже к нашествию страшнейших врагов — микробов. Здоровье сохраняется!

Нам остается кинуть еще один быстрый прощальный взгляд на жизнь коротконогих, скромных, смирных и очень симпатичных зверьков. Представьте, мы где-то в горных степях Забайкалья или Монголии, на отрогах Тибета или Алтая... Весна. Отдав влагу беснующимся рекам, прогреваются склоненные спины гор. Наливаются соками первые травы. Холмик земли, смешанной со щебнем и камнями, зашевелился, посыпались комочки... И вдруг! Голова! Сонная, удивленная, всклокоченная. Холмик, оказывается, не могильный! Зверь не сразу выбирается на бутан — сначала ведь надо убедиться, что безопасно кругом. Но вот вылез, сел столбиком, потешно держа у груди расслабленные коротенькие лапки-ручки. Утреннее солнышко греет, хорошо.

И вот у заброшенных, казалось бы, бутанов высоко в горах — на плато, на холмах, в мягких луговинах распадков — вырастают комичные фигурки, напоминающие пингвинов. Взглянешь в бинокль и увидишь, что в одном, в другом, в третьем месте — повсюду они. Кто спокойно греется, кто пасется, нагибаясь,

чтобы сорвать пучок травы (в особенности любят острец), а затем, усевшись на корточки, жуют, быстро-быстро шевеля черными усиками.

Конечно, кто-нибудь да нарушит идиллию: человек, хищник. И тогда раздается молодецкий посвист. Свистит тот, кто первый заметит врага. Сосед подхватывает сигнал, передает дальше. Дальние сурки тоже насторожились и, в свою очередь, предупреждают еще более дальних. Так что о вас быстро узнают все. Вы продолжаете приближаться — тон посвистов меняется: дело не шуточное! И один за другим ныряют в норы. Вскоре нигде ни одного желтого пятнышка не видно. Человек, гулко топая, проходит над норой. Из подземелья слышится ворчание, брюзжание: чего тут ходишь?!

Но хватит о сурках. У многих охотников они все равно ведь за дичь не считаются (вот благодать для зверей!). Хотя, между прочим, в Монголии сурков промышляют усердно: экспортируют ежегодно два миллиона шкурок. А мясо, несмотря на обилие дешевой баранины, с удовольствием едят.

ДИКОБРАЗ, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ В ГОРАХ

Нет, мы пока еще не спускаемся с гор. У нас свидание с дикобразом. С наземным; не путайте его с древесными. Те из другого семейства, и речь о них впереди.

Зверь и некрасивый, и страшный. Оттого и зовется дикобраз.

Он тигру умеет всю жизнь искалечить!

Вначале оговорюсь: есть и другие недревесные дикобразы, не из рода обычных дикобразов, в котором около дюжины видов. Но о них — потом, когда спустимся вниз. Сейчас мы в горах. На «зеленых холмах Африки» или где-нибудь над Средиземным морем — в Италии, Сицилии, в Алжире еще живет «гребнистый», или индийский, он же европейский, дикобраз. По правде сказать, в Европе встреча с ним затруднительна. В этой части света зоопарков, пожалуй, больше, чем вольных дикобразов. В Закавказье и Средней Азии звери еще есть. Поэтому мы в Туркмении, а еще лучше — в Ираке.

Горы. Камни раскалены так, что голыми руками лучше не трогать. Но дикобраз тепло любит. Он предпочитает одиночество, и, чтобы его увидеть, надо забраться повыше, к самым скалам, к опасным каменным осыпям, где он селится в трещинах и пещерах. Однако бывает, что живет и в низинах, даже в песках, на мягком грунте, вернее, в нем самом, так как тут зверь вспоминает, что он все-таки грызун, и роет норы.

Считалось легендой, что дикобраз способен метать иглы в неприятеля. Но недавно зоолог Дате и его сотрудники своими глазами видели это в Берлинском зоопарке: потрясая шкурой, дикобраз бросал иглы с большой силой, они вонзались в деревянные планки! Вторая загадка: как североафриканский дикобраз попал в Сицилию и Италию? По-видимому, его привезли римляне: мясо дикобразов они очень ценили, а позолоченные иглы богатые римские дамы втыкали в свои прически.

Но вот и дикобраз. Его кто-то потревожил, иначе не вылез бы из своего укрытия. Обычно дикобразы бродят лишь ночью, неловко переваливаясь и гремя иглами. Обожают забираться в сады и огороды, где есть самая любимая ими пища — дыни и кукуруза. Иглы у дикобраза длинные, довольно толстые (иные с карандаш!), отточенные. В сущности, единственное оружие дикобраза, хотя зубы его без особого труда способны прогрызть проволочную сетку.

Иглы держатся на специальной мышце и легко от нее отделяются, поэтому долгое время считали, что дикобраз может метать их. Предварительно погремев для угрозы иглами, дикобраз в быстром, коротком броске (задом вперед!) вонзает иглы в тело врага с такой силой, словно это стрелы, выпущенные из добротного лука. В Таджикистане молодому колхознику дикобраз «подарил» таким образом иглу, всадив ее в ладонь. Не сразу удалось эту иглу вытащить.

Слов нет, оружие сильное, но похоже, что зверь

несколько преувеличенного о нем мнения. Он не уступает дорогу даже автомобилю. Встанет на дороге, топает короткими задними ножонками и хрюкает: не приближайся, заколю! И гремит ощетиненными иглами.

Надо полагать, не от большого все это ума.

А впрочем, оправдывали же себя такие повадки миллионы лет... Мясо у дикобраза отличное, итальянцы его просто обожают. Но тем не менее современным тиграм или леопардам рекомендуется обходить дикобраза, вставшего на пути. Впиявится игла в морду или в лапу — кто вытащит? Доктор Айболит? Сколько раз последствия таких ран были более чем печальными: беспомощный, страдающий хищник становился людоедом, значит, подписывал себе смертный приговор.

Вот он какой, дикобраз.

Самка за лето приносит местами по два помета, в каждом два, три, а то и пять детенышей. Беременность, по-видимому, шести-, восьминедельная, родятся детеныши довольно смышлеными, с открытыми глазами, с готовыми грызть резцами и с иглами. Иглы, правда, вначале мягкие, но растут и крепнут быстрей самих зверюшек. На десятый день так тверды и остры, что руку о них поранишь. Мать не очень чувствительна. Как заметит, что детки сами могут прокормиться, так и уходит. Куда? Наверное, искать супруга: в некоторых зоопарках через 90—100 дней после первого помета дикобразихи рожали второй раз.

СТО ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ ЗА ШУБУ!

«Ванна из золота или шуба?»— нелегкий этот вопрос, возможно, задавали себе немногие, но зато очень богатые женщины. И шуба из шиншиллы, и ванна из чистого золота стоят одинаково дорого. Многие миллионерши купаются в золоте, но шиншилловые шубки услаждают тщеславие лишь трех из них. Так, во всяком случае, пишут в газетах (например, в «Комсомольской правде» от 16 марта 1965 года). Наверное, имеются в виду шубы из диких шиншилл, которые действительно стоят 100 000 долларов.

Шиншилла, маленький серенький грызун, на весь мир прославился мехом, которым наделила его природа. Этот изумительный мех очень прочный, густой, ноский, мягкий и легкий, чуть тяжелее толстого шелка. Цветом серебристо-серый с голубизной и перламутровым переливом. Но бывают и буровато-серые шиншиллы. Очень элегантные получаются из шиншиллы шубки, и на каждую требуется приблизительно триста шкурок (другие уверяют, что хватит и 150).

До того как люди распознали превосходные качества их меха, шиншиллы процветали в Андах Перу и Чили, от прибрежных подножий гор до высот в пять

Малая, или длиннохвостая, шиншилла — самый дорогой пушной зверек. Шиншилловая шуба стоит 100 тысяч долларов! Мех более крупной короткохвостой шиншиллы почти так же дорог.

тысяч метров. Только снег да лед останавливали их на высокогорьях. Шиншиллы были так доверчивы, что, как воробьи на московских улицах, шмыгали под ногами у коней. За день их можно было насчитать тысячи! Теперь это редкие высокогорные зверьки. Шиншиллы каждый день купаются в вулканическом пепле, чтобы содержать в чистоте свои шубки. Не мочить же дорогое создание природы в воде! Впрочем, там, где живут шиншиллы, и воды-то почти нет, эти зверьки никогда не пьют, уверяет доктор Д. Хайнеманн.

Горные индейцы племени чинчас тысячу лет назад первыми испытали редкие качества меха шиншилл. А когда несколько сот лет спустя их покорили инки, имя порабощенного народа унаследовали открытые им зверьки. С течением веков, кочуя из одного языка в другой, «чинчас» превратилось в «шиншилла».

Инкам тоже полюбился мех шиншилл, он согревал их в зимнюю стужу и украшал одежды высших жрецов и царедворцев.

А потом пришли другие завоеватели, испанцы, и, разгромив с нечеловеческой жестокостью государство инков, стали грабить его без всякого стеснения. Отправляли в Европу караваны судов, груженных золотом, драгоценными камнями и... шиншилловыми шкурками. И в Европе шиншилл быстро оценили, спрос на серебристый мех был велик. Королям пришлось издать указы, запрещавшие людям простого звания носить шиншиллу. Шкурки грызунов, в которые индейцы чинчас одевались с ног до головы, стали отныне прерогативой монархов. (По другим данным, первые шкурки шиншиллы попали в Европу лишь в XVIII веке, но это маловероятно.)

В Андах на шиншилл охотились без всякой пощады, но их было так много, что лишь в начале нашего века маленькие серебристые зверьки стали редкостью. Еще в 1894 году из Чили вывезли 400 тысяч шкурок шиншилл и столько же примерно из Боливии и Перу. В то время первосортная шкурка шиншиллы стоила всего... 13 долларов. Еще в начале нашего века, в 1905 году, из чилийского порта Кокимбо вывезли 216 тысяч шкурок шиншилл, а через четыре года — уже лишь 27 тысяч. Цена на них сразу подскочила до 40 долларов. В 1930 году шкурка стоила уже впятеро дороже. В 1910 году в Чили и Перу был издан закон, запрещающий охоту на шиншилл и их экспорт.

Американец, горный инженер Мэтьюз Чэпмэн, когда работал в Андах, коротал время, изучая повадки диких шиншилл. И ему пришла идея разводить зверюшек на фермах, как норок и лисиц.

Чэпмэн уговорил правительство Чили, и ему разрешили в 1923 году вывезти в США одиннадцать живых шиншилл. Они хорошо перенесли дорогу и вообще оказались очень непритязательными и выносливыми зверьками. Чэпмэн это понял, наблюдая за ними, когда жил в Андах. На фермах шиншиллы отлично прижились и стали быстро плодиться. Норвежцы, канадцы, а потом и англичане стали разводить у себя шиншилл.

Другие страны также заинтересовались этим прибыльным делом. После второй мировой войны на фермах Америки и Европы, говорит Филипп Стрит, жили уже сотни тысяч, а возможно, и миллионы шиншилл — в основном потомки нескольких зверьков, пойманных в Чили Чэпмэном.

Шиншиллы — никто этого не ожидал — экономически и практически оказались более пригодными для клеточного разведения, чем многие другие ценные пушные звери. Они очень нетребовательны к пище (только слишком свежая зелень может погубить их) и совсем непрожорливы. Содержание одной шиншиллы обходится всего лишь в фунт стерлингов в год, около двух с половиной рублей. Выносливы и плодовиты: приносят детенышей два-три раза в год, в каждом помете 1—7 малышей.

Беременность, правда, очень длительная для такого маленького зверька — 110 дней. Но зато самки, разрешившись от бремени, через двенадцать часов снова готовы стать матерями. Да и детеныши родятся на свет вполне приспособленными. В попечении родителей они почти не нуждаются: через несколько часов уже бегают, через несколько дней едят растения, в 5—8 месяцев половозрелы и живут в неволе до 20 лет.

Чтобы шиншиллы хорошо росли, им необходим свежий песок для купания. Каждый день перед едой шиншиллы принимают песочные ванны. Достать все это, конечно, нетрудно.

Только вот беда: в неволе у шиншилл изменилось (не в лучшую сторону) качество меха, и расцветка его стала слишком уж разнообразной. Трудно подобрать однотонные шкурки даже для одной шубы.

Звероводческие фермы, поставляя на мировой рынок шкурки шиншилл, конечно, снизили на них цены, и все-таки они еще очень высоки.

А шиншилла ведь совсем невелика, длина тех шиншилл, которых вывез из Чили Чэпмэн и которых разводят в основном на фермах, четверть метра. Это длиннохвостые, или малые, шиншиллы.

Есть и другой вид шиншилл — большие, или короткохвостые. Эти покрупнее — 30—38 сантиметров. Именно их вывез в 1934 году норвежец Холст на свою родину. Их тоже разводят на фермах (в меньшем числе, чем длиннохвостых, и в основном в Южной Америке). Самки малых шиншилл крупнее самцов своего вида и в иерархии естественных поселений (живут шиншиллы колониями, как сурки) выше рангом, чем все представители сильного пола. Некоторые систематики считают эти два вида шиншилл лишь подвидами: помеси между ними довольно часты. Самцы-метисы неплодовиты, а гибридные самки, напротив, приносят потомство и от длиннохвостых и короткохвостых самцов.

Заканчивая рассказ о шиншиллах, хочу обратить ваше внимание, что впервые в нашу страну шиншиллы попали в октябре 1963 года в Узбекистан. Позднее их выпустили в горах Таджикистана, но сведений о них мы пока не имеем.

И ПРОЧИЕ, И ПРОЧИЕ...

Конечно же, сурки, дикобразы, шиншиллы — не единственные из грызунов, которых приютили горы. Рядом с шиншиллами, например, живут и близкие их родичи — пушаки, или горные вискачи. Их три-четыре вида. Они очень похожи на длиннохвостых шиншилл, но еще длиннохвостее, и ушки у них подлиннее. Повадки сходные, но мех не очень ценный. И еще без питьевой воды, как шиншиллы, жить не могут. Прометеева полевка, снежные и горные полевки и горные слепушонки, серые и даурские хомячки, многие гоферы, бамбуковые крысы и вездесущие мыши — даже таким, не слишком коротким, списком не перечислишь всех, кому милы разреженный воздух, безлюдье и обильные корма высокогорных лугов, хребтов и плато.

Или взять суслика. Казалось бы, он степняк, и только. Множество разных сусликов (а всего их в Восточной Европе, Азии и Северной Америке 20—30 видов) населяет луговые долины, степи, полупустыни и даже пустыни. Там им, казалось бы, и место. Но нет. Живут и в горах. Сони тоже живут и в равнинных и в горных лесах.

В ЛЕСУ

Лес...

Ельник-зеленомошник и сказочное очарование берендеева царства сфагновых, верховых болот с дурманящим ароматом багульника, посеребренные пушицей, подкрашенные клюквой упругие кочки. Буки и грабы, шагнувшие в гору. Торжественные храмы кедровников, где деревья высятся, как могучие колонны, созданные трудом великанов. Джунгли, стиснутые в объятиях лиан, в пышных одеяниях орхидей — коварных дарах Медеи. Жарко, сыро. Перелески, урманы...

Живой ковер-самолет отправился на добычу!

Вот он возвращается с орехом в зубах. Зверек весит всего 50 граммов, а пролетает, планируя, 50 метров. Передние лапы действуют как рули высоты, а хвост — как тормоз.

Виктор Гюго с раздражением называл леса отсталостью цивилизации! В его время человек еще враждовал с лесом. Теперь жизнь обязала людей беречь и растить леса.

Но даже в рукотворном лесу, радуясь цветению или зимнему покою природы, человек с тайной грустью сознает, что он здесь все-таки чужой, кому-то он мешает... Потому что в большом зеленом доме, именуемом ЛЕС, истинные хозяева — четвероногие, многоногие и пернатые.

Ковер-самолет приземлился и закусывает. Это ассапан, белка-летяга восточных штатов США. В Канаде и на Аляске обитает другая, северная летяга. Летяга наших лесов похожа на ассапана.

Грызуны — признанные «акционеры» среди владеющих лесами. Они здесь всюду: сверху донизу и глубже, в земле. Иные, научившись парить, соперничают с птицами.

«Здешние простолюдины убеждены в том, что будто бы летяги несут яйца и выпаривают из них детей, как птицы... Летяги питаются преимущественно березовыми и осиновыми сережками; промышленники утверждают, что они едят также мелких птичек, которых ловят на деревьях и гнездах, и что они нападают даже на белок и душат их тоже в гнездах» (А. А. Черкасов).

Верить ли этим рассказам? То, что летяга высиживает яйца, неправда. Но, возможно, ворует их у птиц. Так делает ассапан, американская летяга. И самих птах, если поймает на гнезде, ест. Но о разбойничьих делах нашей летяги достоверных данных, по-видимому, нет.

Душит ли белок летяга? Тоже сомнительно. Но из гнезд выгоняет, чтобы поселиться в готовом доме, если дупла не найдет.

А про полет все правда. Летают эти грызуны, так же как и американская северная летяга (Аляска, Канада, крайний запад США), ассапан (восток США, Мексика, Гватемала), азиатские гигантские летяги и африканские шипохвостые белки. У них есть для этого специальное приспособление. Одни говорят — парашют, другие — крылья, третьи — летательная перепонка, патагиальная складка. Названия, как видите, все сравнительные либо сугубо научные, обозначают ту часть тела, которой природа наделила четвероногих икаров.

Она (перепонка, патагиум) состоит из кожи, поросшей шерстью. Крепится на хрящевых выступах, имеющихся на лапках. Бывает вместо них и костный придаток, похожий на сабельку. Охватывает все четыре лапы, а у некоторых тянутся дополнительные складки и к хвосту.

Но мы отвлеклись, прервав знакомство с летягой — обитателем лесов Сибири, средней и северной европейской России и таких стран, как ГДР, Норвегия, Финляндия. Близкий или, возможно, тот же вид, китайская летяга, живет в Монголии, Северо-Восточном Китае и на Хоккайдо. На других островах Японии есть еще одна летяга — момонга. На Курилах, Камчатке, Чукотке летяг нет, но на Сахалине и Шантарских островах они водятся.

Летяга крупноглаза и миниатюрна: каких-нибудь сантиметров двадцать, на ладони поместится. Зимой она серебристая. В сумерках или ночами, когда парит, пролетает от дерева до дерева метров пятьдесят, если стартовала с достаточной высоты. На лету, управляя хвостом как рулем, может развернуться на 90 градусов.

По земле летяги бегают редко и не так проворно, как белки, но по стволам деревьев скачут резвее. По тонким сучьям умеют лазить на манер ленивцев — вверх ногами, цепляясь когтистыми лапками за ветку, иногда ухватившись только задними лапами, и тогда повисают вниз головой. Там, где летяг не беспокоят, они затевают свои сумеречные игрища, настоящие хороводы и догонялки вокруг деревьев, то облетая их, то карабкаясь по стволам. Зимой не спят, как, скажем, сурки или медведи, но на волю выходят редко, особенно если морозно. В дуплах у них теплые шары-гнезда и запасенный провиант — ольховые шишечки и березовые сережки.

Обе североамериканские летяги внешне почти точные копии нашей. Но всеяднее и агрессивнее. Ассапан может напасть на небольшую птицу и победить. Обычная его добыча, кроме орехов, зерен, ягод, грибов, фруктов, — жуки, черви, кузнечики. Зелень ветвей, почки, сережки, молодые побеги, по-видимому, совсем не ест.

Летающих белок на земле много. Некоторым систематикам удается насчитать 50 видов, но, наверное, их не больше 37, как полагает Десмонд Моррис. Не считая еще 11 видов шипохвостых белок Африки, из которых, впрочем, один вид не летает. Род гигантских летающих белок — самых крупных «асов» среди грызунов — пять своих видов «раскидал» по обширной территории от Северо-Восточного Китая, Западных Гималаев, Японии, Тайваня до Цейлона, Явы, Суматры и Калимантана.

...Восточная Индия, Бирма или Цейлон. Полумрак тропического леса. И все же, чтобы встретиться с тагуаном, самым крупным летуном в отряде грызунов, надо ждать темноты. Днем тагуан спит в гнездах метровой ширины.

Он довольно лупоглаз, уши короткие и широкие.

Со спины смотреть — черный с серым, а голова, бока, ноги и перепонка (сверху) — цвета каштана. Снизу перепонка серо-желтая с пепельной каймой. Длина с хвостом 120, размах «крыльев» — 60 сантиметров, вес — 1,4 килограмма.

Среди диких криков тропической ночи не просто услышать негромкое цоканье, похожее на звуки, которые мы издаем, когда подражаем топоту копыт. Это проснулся тагуан! Он робок, но в ночи, укрытый мраком от нескромных взглядов, планирует с дерева на дерево. Листья, немного орехов и фруктов — кажется, и весь его корм. В планирующем полете он может опуститься почти до земли и, не коснувшись ее, плавно взмыть вверх. Он может выписывать в небе виражи и мертвые петли, умело, как парящая птица или планер, используя восходящие токи теплого воздуха, и тогда пролетает над лесными долинами почти полкилометра!

Шипохвостые белки Африки — это не белки, и не летяги, и даже не близкие их родичи, а похожие на них грызуны особого надсемейства, к которому, кстати сказать, новейшие систематики относят и африканских долгоногов — зверей, похожих на небольших кенгуру или крупных тушканчиков. Парашют у ши-

Тайванская гигантская летяга ростом не уступает королевской белке. Она того же рода, что и тагуан, такой же отличный планерист и, возможно, как и тагуан, кормится почти одними листьями.

похвостых белок такой же, как у летяг. Только хрящевой стержень, растягивающий летательную перепонку, растет не от кисти, а от локтя, и длина его у больших шипохвостых белок до восьми сантиметров. Но главное и необычное у этих летающих грызунов — дватри ряда весьма крепких острых роговых чешуек. Они растут на нижней стороне хвоста, занимая у некоторых треть его основания, и остриями направлены назад. Когда белка лезет вверх, чешуйки оттопыриваются и цепляются за самый мельчайший выступ — не одна, так другая обязательно зацепится. Шипохвостой белке ничего не стоит залезть на самый гладкий и твердый ствол. А лазит она, как гусеница-пяденица: уцепится передними лапками, потом изогнет спину дугой, подтянет задние ноги и упрется шипами хвоста в кору. Проделывает все это очень быстро.

Днем спят шипохвостые белки обычно в дуплах, но иногда прицепившись к стволу: шипы упрутся в какую-нибудь неровность коры, и белка сидит крепко, как заноза, даже во сне с дерева не падает.

Живут шипохвостые белки в тропических лесах, местами в саваннах. Редко кому из зоологов приходилось видеть их ночами, когда белки активны. Мало известно об их жизни. Едят орехи, листву, фрукты, возможно, насекомых. Пролетают, планируя, порой до ста метров. Кричат громко, отрывисто. Изредка их привозили в зоопарки, но довольно скоро шипохвостые белки там погибали.

КОРОЛЕВА БЕЛОК

«Я наткнулся на куст, покрытый очаровательными маленькими созданиями. Своей резвостью они напоминали крошечных белок серо-коричневой окраски. Я сунул руку в куст. Маленькие забавные существа метались по моей ладони, усаживались на ней, подобно зайцам, на задние лапки, проворно перепрыгивали с пальца на палец. Мне бросились в глаза их длинные хвосты с вертикально растущими волосами по обеим сторонам. Я попытался схватить одного за хвост, но он тут же переломился, настолько хрупкой была цепь мельчайших позвонков, обтянутых тонкой кожей...» (Ганс Шомбургк).

По-видимому, старый зверолов имел дело с карликовыми африканскими белками. Они и в самом деле так малы, что похожи скорее на пышнохвостых мышат, чем на белок. Длина этих крохотных созданий всего 6—7,5 сантиметра. Хвост лишь на 5 сантиметров увеличивает мини-зверька. А вес меньше десяти граммов! Единственный их вид обитает в тропических лесах Камеруна и Габона.

И другие страны (Центральная и Южная Америка, Юго-Восточная Азия, включая Японию и Тайвань) обладают своими карликовыми белками иных родов и разных видов. Пожалуй, са-

Королевская белка из рода ратуфа. Сверху черная, снизу рыже-золотистая, очень красивая! Ростом не меньше куницы и весит 2—3 килограмма. Голос у нее пронзительный и громкий, а гнезда — метровые шары. Днем отдыхает иногда в странной позе: так, что передние лапы опираются на один сук, а задние — на другой, и тело висит между двумя суками.

мые крохотные из них бразильская и гвианская белки (9—10 сантиметров без хвоста!). Чуть крупнее белки рода микросциурус (12—16 сантиметров). Три, а по мнению других специалистов, так даже и 17 видов этого рода живут в густых лесах от Никарагуа до реки Рио-Негро.

Белок нет лишь в лесах Австралии, на Мадагаскаре, в Гренландии да на самом юге Южной Америки. Все они разные — большие и малые, в скромных нарядах и очень яркие.

Королевская гигантская белка, она же малабарская, — черная сверху, с ярким желто-кремовым брюшком. Длина с хвостом около метра. Четыре вида и множество подвидов гигантских белок живут в лесах Индии, Цейлона, Индокитая и Индонезии. Так что не удивляйтесь, если случится увидеть их в шубке с ярко-красной, серой или иной спинкой. Но, увы, этот мех не ценится на пушных рынках.

Ловка гигантская белка, с дерева на дерево скачет семиметровыми прыжками. И любопытна! Блеск металлического предмета заставляет ее, забыв об осторожности, спускаться с дерева. Строит из веток много гнезд, выложенных внутри зелеными листьями, и спит, обычно днем, по очереди в каждом из них. Крик ее — громкое «кудахтанье». Надо полагать, звание «королевской» она получила за свой рост.

В Индии и на Цейлоне на пальмах, вблизи дере-

вень, часто увидишь серо-бурых со светлыми полосами на спинах пальмовых белок. Это существа нагловатые и вороватые: в поисках пищи без зазрения совести влезают в открытые окна домов.

От Золотого Берега до Кении и Анголы живет зверек, который и в самом деле мог выполнить трудную задачу, возложенную на белку в сказке Александра Сергеевича Пушкина. Помните, белка там грызет орешки:

> А орешки не простые,
> Все скорлупки золотые,
> Ядра — чистый изумруд...

Масличная, или гигантская, белка Африки! Она справляется с орехом нгали, скорлупа у которого очень крепкая, пожалуй, тверже золота высшей пробы. И сама приметна: чуть меньше азиатских гигантских белок. Пушистый хвост украшен белыми (иногда вместо них рыжими) и черными кольцами. Художники — иллюстраторы сказок Пушкина, как видите, не ту белочку рисовали!

Белки, белки, белки...

Их рай — Индия, Индонезия. Лишь в этих странах можно насчитать 50—60 видов белок! А если прибавить сюда белок из Америки, Китая, Африки?

У нашей белки наряд скромный. Есть у нее еще полузабытое имя «векша». А наши предки называли зверька «бела». Заметьте, окончания «ка», придающего, как известно, любому слову известный оттенок пренебрежительности, наш пращур-бородач не употреблял, уважал зверька.

Да и как не уважать, если зверушка малая, а подика — столетиями кормила, поила, согревала. Что и говорить о северо-восточных областях старой России, где белка была первейшим объектом пушного промысла и торговли! Европа, благоустроенная и просвещенная, издавна одевалась и украшалась русским беличьим мехом, да так к этому привыкла, что и название «обыкновенная» в обиход пустила.

Савва Михайлович Успенский утверждает, что «белка практически не встречается за пределами СССР». Ее место в европейских, а главное — сибирских (и монгольских) лесах. Русская белка была и остается одним из основных промысловых видов.

Первая причина этого — способность белки восстанавливать свою численность. Еще Черкасов, описывая могучее нашествие сибирских охотников на зимнюю тайгу, так называемое «белковье», поражался тому, что выбитые, кажется, начисто белки (в феврале уж нигде и следочка на снегу не увидишь) к началу новой зимы появились повсюду, и казалось, что не убыло их, а прибыло.

Гон у наших белок с конца января до марта. А через 40 дней появляются бельчата, до десяти штук. Вскоре опять гон, и опять 3—7 новорожденных! В западных районах беличьего ареала случается и третий гон и помет. Наступившая весна встречает «племя младое» запасами, какие остались от осени: потерянной клестом или дятлом шишкой (зимой белка учует ее даже под метровым сугробом и разроет), желудем, собиравшимся прорасти, молодыми почками и побегами, весенними грибами. Да и кора, набухшая от влаги, и березовый сок вполне годятся на обед. Вообще же есть тенденция к всеядности. (Вы уже знаете, что она означает: «Берегись, малые пернатые!») Впрочем, не только пернатые, но и улитки, насекомые, а среди них муравьиные куколки и гусеницы.

Однако выжить все равно трудно. Лишь 75—80 процентов пополнения доживает до годовалого возраста. Остальные погибли в лапах хищников или стали жертвами голода и болезней.

Но жизнь продолжается. Белка быстра, ловка, зорка. Прыгает на 3—4 метра, а по диагонали сверху вниз — на 10—15. Почти полет, управляемый пушистым хвостом. От хищных птиц спасается, бегая по спирали вокруг ствола, от куницы — забравшись быстро на вершину и прыгая вниз. Характер не по росту задиристый. Умеет отвоевать себе место. Не задумываясь, займет сорочье гнездо, какое покрепче и побольше, и пустит хозяев по миру. Старые вороньи гнезда для нее находка: подновит, надстроит крышу. Если же таких возможностей не представляется, белка может сплести отличный дом из прутьев где-нибудь у ствола, на высоте 5—14 метров. Внутри дома отделка стен из мха, лишайника, травы, шерсти, даже из бумаги. А то не поленится и лыка надрать да нащипать его мелко, чтобы мягким стало. Снаружи шарообразное беличье гнездо — гайно — иногда замаскировано листьями. Кроме входа, оставлен на всякий «пожарный случай» небольшой запасной выход в сторону ствола. Разных гнезд: для потомства, для сна или укрытия от непогоды — у белки обычно несколько. Зимой в одном гнезде, согревая друг друга и заткнув вход мхом, бывает, спят несколько белок. В сильные морозы они из своей спальни не выходят. А потом голод заставляет их рыскать в поисках опавших шишек и спрятанных с осени запасов.

Нежиться летом на солнышке белка не склонна. День-деньской вверх-вниз и с ветки на ветку. Кормится, просто любопытствует, запасается: сушит грибы, нанизывая их на сучки. Некоторые белки собирают до двух тысяч грибов! Но шампиньонами почему-то пренебрегают.

В 1899 году Морган видел: бельчата, вынутые из гнезда слепыми, когда подросли, без советов матушки пытались «закапывать» орехи в ворс ковра!

Позднее Эйбл-Эйбесфельдт наблюдал, как бельчонок, получив первый в своей жизни орех, зарывал

его в укромном углу в комнате. Действовал он, как взрослая белка.

А она в лесу поступает так: раскопав лапками небольшую ямку, кладет в нее орех, затем, надавив мордой и постукивая по ореху верхними резцами, загоняет его еще глубже в землю. Лапками присыпает сверху землей и листьями и уминает их. Так же «закапывал» орех и бельчонок, но в воображаемую землю и листья, и поэтому все его действия «повисали» в воздухе, превращаясь в бесцельную пантомиму. Вообще манипуляции белки с орехами очень интересны.

Прежде всего как находит белка (опытная!) лесные орехи? Она ведь не станет высматривать да выискивать, на какой ветке и за каким из тысячи листьев прячется обойма с орехами. Она поступает так: потревожит куст, и в сторонку: какая ветвь дольше качается, та и тяжелей, на ней и орехи!

Молодая белка грызет все орехи подряд, даже явно гнилые и червивые. Опытная сразу отличает негодные. Колет орех так: пробив в нем дырочку нижними резцами, затем с силой раздвигает их в стороны. Особое устройство мышц и челюсти позволяет ей такое сделать без труда. Скорлупа ореха, словно раздвинутая пинцетом, лопается. Но ведь тоже надо знать, куда кусать, чтобы орех легко лопнул.

«Опытная белка захватывает орех так, чтобы начать работу с самого уязвимого места — неглубокой бороздки на скорлупе. Зверек быстро углубляет ложбинку, поворачивает орех своими «ручками», еще раз сильно вгрызается в него, и скорлупки падают на землю. Совсем иначе выглядят действия молодой белки... Сначала бельчонок ведет себя так, словно он самый искусный мастер беличьего племени. Схватив орех, он поворачивает его туда-сюда, грызет с большой живостью и спустя некоторое время раскусывает скорлупку. Однако затрачиваемые им усилия крайне неэффективны: вместо того чтобы углублять зубами бороздку, неопытная белка грызет всю поверхность ореха, принимается за работу снова и снова в разных местах и тратит впустую массу энергии. Короче говоря, у белки внутренне запрограммированы такие действия, как умение манипулировать орехом, грызть его и раскусывать, но делать все это наиболее эффективным образом она должна еще научиться на собственном опыте» (Нико Тинберген).

При неурожае кормов белки массами уходят из обжитых мест. Идут не толпами, а обычно на известной дистанции одна от другой, иногда широким фронтом в 100—300 километров. При переправах через реки, даже морские заливы, сбиваются в более плотные стаи и плывут (представьте себе!), подняв хвостики. Многие тонут, но оставшиеся плывут. Благополучно перебравшиеся через водные и иные преграды (города, тундра) бредут дальше со скоростью 3—4 километра в час. Идут, стирая лапы в кровь,

погибая в реках, в зубах встречных и преследующих их хищников и от рук человека. «Белка-ходок» — так ее назвали. От родного гнезда, из родного леса, где жить ей завещано вековым опытом предков, она, гонимая голодом или предвестием голода, идет. Но куда? Всем известно, как свято чтут звери свой участок обитания. А она ищет новый. И случается, находит. В двадцатых годах из Сибири на восток ушла большая группа белок. Многие погибли в пути через весьма просторную прикамчатскую тундру. Но многие дошли до лесов Камчатки, где никогда раньше белки не встречались. И теперь там живут.

У признанной на пушных аукционах «королевы белок» и здоровье неплохое, хотя сама она «природный носитель возбудителей» разных недугов: энцефалита, туляремии, пастереллеза, рожистой инфекции и пр.

СОРОК ТЫСЯЧ ПОЛЕВОК И МЫШЕЙ

Нет, это не ругательство. 40 тысяч полевок и мышей насчитали счетчики лесной переписи населения на одном квадратном километре по-летнему зеленого массива. Цифра внушительная. Невольно вообразишь, что, отправившись на тот самый квадратный километр по грибы, то и дело наступаешь на хвосты мышей и полевок.

Но если вы пойдете в лес, то скорей всего, проплутав полдня, даже не увидите ни одной мыши или полевки. Приведенная пятизначная цифра вовсе не свидетельствует о «мышиной напасти», о коей не раз сообщали добросовестные пимены русских летописей: «И всякий злак жрали, и шли везде, и был глад...» Сорок тысяч полевок и мышей на квадратный километр — это нормально и, может быть, даже маловато. Англичанин Элтон, к примеру, не теряя хладнокровия, доносит о 250 полевках на акр, что при соответствующем умножении даст 62 500 полевок на квадратный километр. А Эрнест Уолкер — даже о 12 тысячах полевок на акр — 3 миллиона на квадратном километре! Это, разумеется, уже сверхнорма; такое бывает в годы взрывной вспышки численности упомянутых грызунов.

Когда идешь по лесу, редко-редко ботинок слегка утопнет на мшанике, завалив мелкую, сантиметров десять глубиной, норку полевки. Вообще же этот зверек скрывается понадежней: под каким-нибудь корявым выворотом, куда вы не полезете, в дупле поваленного дерева, под сухой кочкой. Столь же нетребовательны вкусы и большинства лесных мышей, но те одарены некоторыми способностями к лазанью

и поэтому, не пренебрегая земляными постройками, селятся порой и наверху: в птичьих гнездах и дуплах.

Мыши-малютки тоже охотно живут в лесах, от Пиренеев до Японии, была бы трава густая и высокая. Эти пяти-, семисантиметровые и пяти-, семиграммовые карлики, лазая по тонким стеблям злаков, обвивают их гибкими хвостиками, как некоторые обезьяны, чтобы застраховать себя от падения.

На стеблях или на ветках, реже в трухлявых пнях и на земле сплетают мыши-малютки из травы шарообразные гнезда. Входа в них нет. Навещая своих мышат, которых выводят в гнездах 3—4 раза в год, мышка всякий раз «ломится», что называется, сквозь стену! Потом дыру заделывает. Обнаружить эти гнезда легко, лишь когда они высохнут и цветом станут отличаться от окружающей зелени. Но к тому времени они пусты: мамаша-малютка успевает вывести и вскормить своих сверхкрохотных детенышей.

Войдя в лес, мы порой удивляемся тишине и неподвижности, которую нарушают лишь птицы. Ни писка, ни возни кругом. Не окаменела же в своих убежищах могущественная армия мышей и полевок! Ведь, чтобы есть, надо бегать, искать.

Но они и бегают. По данным Формозова и Барабаш-Никифорова, домовитая самочка рыжей полевки кормится на пяти сотых гектара, а ее супруг — на площади, впятеро большей. Бродят и мыши. Представляете, какая суета царит на нашем квадратном километре!

Однако тишина кругом... А они тут:

обыкновенная лесная мышь (не серая, как домовая, а буроватая, как полевая мышь, но без черной полосы вдоль хребта, как у полевой) — любительница солнца и света, легко порой расстается с лесом и тем не менее населяет его на огромных пространствах Северной Африки, Западной Европы, Крыма, Кавказа, Урала, севера Казахстана и восточнее до Тувы и, возможно, Саян. Кроме того, она живет еще и в горах Средней Азии;

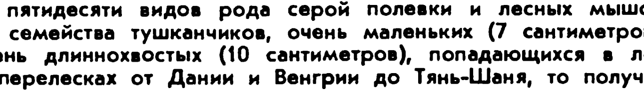
малоазийская лесная мышь, которая живет в турецких, закавказских и балканских лесах и ведет себя смело и агрессивно: теснит свою «обыкновенную» соседку;

желтогорлая лесная мышь, которую все узнают по охристому пятну на груди, — исключительный европеец;

азиатская лесная мышь, ничем особенно не приметная, но живущая от Енисея и Алтая до Якутии, Сахалина и Японии;

европейская рыжая полевка с двухцветным хвостом (сверху темный, снизу беловатый) мирно уживается с желтогорлой мышью, но земель имеет больше: от Шотландии и Соловецких островов до Турции, Енисея и Саян. Да и на Тянь-Шане, в горных лесах, живет она (ее подвид или близкий вид) под именем тяньшаньской лесной полевки;

сибирская красная полевка и красно-серая полевка, их можно бы считать северянками, селятся по лесному северному ожерелью от Скандинавских стран до Северной Америки и на юге до Японии.

Если добавить сюда упомянутых мышей-малюток, кое-кого из пятидесяти видов рода серой полевки и лесных мышовок из семейства тушканчиков, очень маленьких (7 сантиметров) и очень длиннохвостых (10 сантиметров), попадающихся в лесах и перелесках от Дании и Венгрии до Тянь-Шаня, то получится

список, за которым скрывается могучее обилие грызунов, уместнее всего определяемое архаичным словом «сонм». Ибо пока еще ни один институт, вооруженный новейшими опытными счетными приспособлениями, не может взять на себя смелость назвать сколько-нибудь точную цифру «мышиного» населения земли. А если бы кто и произнес эту цифру, то в следующее мгновение он был бы уже не прав, потому что колебания численности мелких грызунов семейства мышей и семейства хомякообразных грандиозны и неуловимы. Первое в числе ста родов и полтысячи видов населяет Африку, Европу, Азию, Австралию, Тасманию, Микронезию... Лишь в Америке, кроме завезенных человеком крыс и мышей, грызунов из семейства мышевидных нет. А хомякообразные (хомяки, лемминги, полевки, мыши и крысы Нового Света: 100 родов и более 600 видов) распространены почти по всему свету, кроме Австралии, Малайской области и некоторых северных островов — например, Исландии и Ирландии.

Мыши и полевки плодовиты: приносят до четырех-шести пометов в год (и даже до 13 у американской луговой полевки), а в каждом помете до 22 детенышей. Беременность короткая — 18—42 дня. В месячном возрасте домовая мышь или рыжая лесная полевка уже готова стать матерью. Немного арифметики — и 40 тысяч на квадратный километр не покажутся фантазией экологов.

Множество мышей и полевок истребляет лиса. А совы, канюки... И даже такие птицы, как фазаны, аисты, чайки, сороки, вороны, цапли — птицы, которых и хищниками не назовешь, че упускают случая оскоромиться. А разные змеи, ласки, горностаи... Да и волк сыт не бараном единым...

Но, как ни странно, все эти любители мяса не могут, оказывается, серьезно уменьшить количество мелких грызунов. А ведь, и кроме них, есть еще много жестоких сил, способных вершить дело уничтожения.

Случалось ли вам по осени ночевать в стогу сена на лесной поляне или луговине? Вначале вы любуетесь звездами, а потом замечаете, что в глубине под вами постоянно слышится писк, деловитое шуршанье и беготня. То мыши или полевки, а иногда те и другие вместе. Предчувствие морозов согнало их сюда.

Очень часто, явившись за сеном и разбросав стожок, хозяин находит под ним трупы. Эпизоотия. Она косит чисто. Если тут прошла туляремия, главный бич грызунов, то очень возможно, что на десять покойников останется лишь одна «плакальщица». Мыши и полевки принадлежат к той группе животных, которым, чтобы заболеть, не нужно принимать в себя миллион микробов — достаточно одного... А в хорошем коллективном убежище, как вы сами понимаете, есть все возможности для быстрого распространения инфекции.

И хотя пути ее неисповедимы, факты утверждают: уже при плотности 5—10 тысяч животных на одном квадратном километре эпизоотия почти неизбежна.

Гибнут в морозы, нечаянно отдалившись больше, чем следовало, от теплого убежища.

Гибнут под коркой гололеда.

Гибнут в половодье.

Гибнут в сильный дождь.

Гибнут даже от солнечного удара.

А могли бы прожить от двух до пяти лет. Однако средняя продолжительность жизни 2—6 месяцев. Популяция целиком обновляется меньше чем за один год!

Счетчики переписи населения грызунов, переждав зиму, придут в оголенный весенний лес и уж не пятизначные цифры впишут в графы отчета...

СОНИ

У сонь свое собственное семейство: с одной стороны, они близки к мышам и крысам, с другой — к селевиниям, или баялычным соням и тушканчикам.

Внешне от мышей отличают сонь пушистые или с волосами, расчесанными «на пробор», хвосты. Настоящие сони обитают в Европе и Азии. В Африке 21 вид сонь особого подсемейства, а в Индии и Китае еще два-три вида щетинистых сонь (особого семейства). В шерсти, среди волос, разбросаны у них упругие щетинки.

В СССР пять видов сонь:

полчок — самая большая, длиной сантиметров до 18 (без хвоста). Встречается в Западной Европе, от Северной Испании до Турции, Крыма, Кавказа и восточнее до Волги. В Англии и Скандинавии ее нет (на юге этих стран живет только орешниковая соня). Северная граница примерно на уровне Латвия — Горький;

орешниковая соня — самая маленькая, длина тела 6—11 сантиметров. Цветом охристо-ржавая, без черных пятен на мордочке. Живет по всей Европе, кроме Испании, на восток до Волги;

садовая соня, после полчка самая крупная. Черная полоса на обеих сторонах морды, захватывая глаз, тянется до уха и дальше. Обитает по всей Западной Европе, кроме северных стран, на средиземноморском побережье Северной Африки, Палестины, у нас — в средней полосе Европейской России на восток до Урала;

лесная соня немного поменьше садовой. Черная полоса на морде тянется лишь через глаз до уха, но не дальше. Живет в Европе от Швейцарии на западе до Волги на востоке, а также в Турции, Передней Азии, Иране, на Кавказе, в горах Средней Азии и на Алтае;

мышевидную соню (единственный экземпляр!) нашли в Туркмении. А в 1959 году неожиданно эта соня была обнаружена в Болгарии!

Сони — само очарование, но внешность часто обманчива, и хищности у этих малых грызунов достаточно. Мало им орехов, желудей, зерен, плодов разных. Жуки, мотыльки, куколки бабочек, гусеницы (гладкие, не волосатые!), мыши, мелкие пернатые соседи на ветвях, их яйца, даже ящерицы и, говорят змеи — все годится им в пищу.

Лес — великий кормилец. Ученые подсчитали, что он хранит огромный запас надземной растительной массы, от 900 до 2600 центнеров на гектар! Сравните, в степи лишь 15 центнеров. Но есть у леса недостаток: систематические, повторяющиеся с правильными

или неправильными интервалами неурожаи. Придешь в знакомый лес и видишь его странно притихшим: мало птиц, не встречаются звери. Причина — нехватка семян.

Сони, как и все обитатели леса, живут в полной зависимости от его щедрот. Когда лес не в силах прокормить прожорливых сонь, они, случается, поедают друг друга. Коли ты слаб — беги. И счастье твое, если отделался лишь потерей шкурки с хвоста. У всех сонь, схваченных за хвост, она «снимается», как перчатка, и, оставив хвостовое опушение в пасти врага, зверек удирает с голым хвостиком. Он потом сам отвалится, или соня его отгрызет.

Сони очень древние грызуны: в Европе они жили уже в самом начале третичного периода, около 70 миллионов лет назад. Самая крупная из сонь — полчок, но и она невелика: с небольшую белку. Семь самых холодных месяцев в году полчок спит в дуплах или закопавшись в землю.

Спят сони много: в умеренном климате по 6—7 холодных месяцев. Правда, палестинские лесные сони зимой не спят. В этой стране они приносят по два-три помета в год. У нас только у орешниковой бывает два помета, у всех других — по одному. Первый помет орешниковые сони обычно рожают в зимних подземных убежищах, прикрытых опавшей листвой, вто-

Лесная соня меньше полчка, и зимняя спячка у нее короче. Садовая соня похожа на лесную, но черная полоса, маскирующая глаз, простирается у нее дальше за ухо.

рой — в гнездах, сплетенных на деревьях из травы, листьев и мха.

Полчки обычно тоже зимуют, если не в дуплах, то под землей, «закопавшись» на полметра или метр. Нередко тесной компанией, плотно прижавшись друг к другу, лежат обычно на спинах, вытянув хвосты вперед над животом, а уши согнув в направлении к глазу и носу. Рассказывают, кто первый по весне проснется, тот загрызет и съест какого-нибудь еще сонного товарища. Но так ли это, не утверждаю.

В начале лета самец полчка ухаживает за самкой, без конца «ци-цикая». Через месяц — у других сонь через три недели — самка рожает в дупле, выложенном листьями, трех-десятерых голых и слепых детенышей. Недели три она кормит их молоком. В странной позе, расположившись над ними сидя и со всех сторон прикрыв их лапами и хвостом. Они сосут, лежа на спинах. В первые же дни мать много и долго лижет их мордочки. Позднее они лижут ее истекающий слюной рот и язык. Затем она лижет их слюну. Смысл этого загадочного поведения не вполне ясен: возможно, слюна матери содержит какие-то вещества, необходимые для нормального развития сонь.

Первые дни мать не покидает детенышей ни на минуту, позднее, отлучаясь, зарывает их в подстилку гнезда. Попробуйте сунуть руку, когда мать в гнезде:

Орешниковая соня самая крохотная из европейских сонь. Днем спит в дуплах или круглых гнездах, сплетенных из склеенных слюной листьев и лыка, а зимой в полуподземных или подземных гнездах. В зимней спячке тело ее сильно остывает, почти до нуля градусов.

она незамедлительно пустит в ход острые зубы и когти. А если и самец здесь (первые две недели самка его и близко к гнезду не подпускает), то и он отважно бросится на врага.

Когда детеныши научатся лазить по веткам, они нередко уходят вместе с отцом в довольно продолжительные прогулки, и только голод заставляет их вернуться в гнездо к матери. Интересно, что подрастающее поколение садовых сонь возвращается из подобных прогулок в гнездо, следуя гуськом, тесно друг за другом и за матерью, которая ведет их. Эту плотно сомкнутую процессию, которую заметили еще только у некоторых землероек, называют «караваном».

Теперь историческая справка для гурманов. Древние римляне огораживали высокими, гладкими с внутренней стороны стенами массивы буков, дубов, каштанов и за этими заборами (в глиариях) держали множество полчков. Подросших сажали в специальные, похожие на бочки горшки и откармливали орехами и каштанами. На пирах жареные сони подавались как лучший деликатес. И поныне во Франции и Югославии мясо этих сонь ценится знатоками.

ПОЙМАЙТЕ БУРУНДУКА!

В вашей квартире он быстро приживется, и, уверяю вас, вы заполучите веселого затейника.

Он никогда не оскорбит вашего эстетического чувства: его внешность, его движения безупречны. Серовато-рыжая шуба расчерчена пятью продольными черными полосами, а продольные полосы, как известно, придают фигуре подчеркнутую стройность.

Что касается движений, то они достойны учеников лучших балетных школ. То он летит прямо, как пушистый снаряд, то в скачке замысловато меняет направление влево-вправо, вверх-вниз. И вдруг сел на задние лапки и приосанился, как дипломат. Он с удовольствием сидит у вас на руках, карабкается на плечи, на голову.

Прокормить его очень легко. При особой склонности к кедровым орешкам он с удовольствием ест желуди, ягоды, семена хвойных шишек, разные растения, а также насекомых и моллюсков. Интересуется даже цветами.

К осени он начнет беспокоиться о гнезде и будет строить его из материала, который попадется, чаще из бумаги. Но это, так сказать, имитация. На воле бурундуки более практичны. Есть хорошая дыра под корнями — используют. Если нет — приходится рыть. Нора без особых излишеств: коридор, отнорки для кладовых, уборных, жилая комната. Все, что нужно одинокому холостяку. Впрочем, в северных европейских лесах СССР находили в одной зимней норе самца и самку.

Бурундук — один из обладателей защечных мешков, очень удобного приспособления для переноски мелких грузов. Зверек наполняет их орехами и таскает куда-то, прячет. Даже если бурундук пойман малышом и ему вроде бы не у кого было научиться методам заготовки кормов на зиму, он все равно их запасает. Это инстинкт.

Чем богаче урожай, тем активней запасает бурундук орехи и семена. Носит их в кладовую, нередко за километр. Запасает 3—4, а то и 8 килограммов.

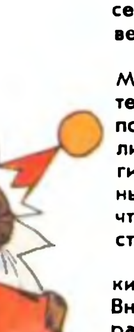

Теперь о спячке. Спит бурундук не так беспробудно, как, скажем, сурок. Спит, как заботливый хозяин, помнящий о накопленном добре. Проснется, съест несколько зернышек и, словно убедившись, что все в порядке, воры не лезут, засыпает вновь. Кстати, совет для желающих завести бурундука: на зимний отдых ему лучше всего устраиваться между двойными оконными рамами, где не так холодно, но и не жарко.

В общем, поймайте бурундука. В наших лесах, особенно сибирских, он не редок. Есть, говорят, такие

места, где полосатых зверьков по нескольку сот на квадратный километр. Впрочем, они водятся в дальних краях: от Холмогор и Северной Двины, Ветлуги, Камы и дальше по всей Сибири до Сахалина и Южных Курил, но на Камчатке их нет. В последние десятилетия натуралисты установили, что бурундук хотя и медленно, однако расселяется к западу. В Северной Америке живут 16—18 видов бурундуков иного рода. Но, по мнению других специалистов, род у нашего и у американских бурундуков один.

ЕЩЕ О ДИКОБРАЗАХ

Кроме длинноиглого дикобраза, с которым мы уже знакомы, на свете есть и другие, в основном жители лесов: длиннохвостые и щеткохвостые дикобразы Старого Света из того же семейства, что и обычный дикобраз. Но американские, или древесные, принадлежат к иному, особому семейству.

Длиннохвостых два вида: один с Калимантана, второй из Малайи и Суматры. Иглы у них короткие, уплощенные, гибкие, тело приземистое, длинное, крысиного образца. И хвост напоминает крысиный. Он голый почти по всей длине, покрыт лишь чешуями, но на конце небольшая щетинистая кисть. Многие из этих дикобразов попадались в руки зоологов с оборванными хвостами. Из этого был сделан предварительный вывод, что, возможно, их длинные хвосты обладают свойством, известным у ящериц, — автотомией.

Щеткохвостых четыре вида: три в тропическом поясе Африки, один в Южном Китае, Индокитае и, возможно, на Суматре. Внешне они очень похожи на длиннохвостых. Лишь голая центральная зона хвоста, покрытая чешуями, короче, а щетка на конце его длиннее и гуще. Днем они обычно прячутся в пещерах, расщелинах, дуплах. В холодное время в горах некоторые впадают в спячку. Хорошо плавают, как, впрочем, и многие дру-

Ему всего несколько дней от роду: детеныш-урсон, североамериканский древесный дикобраз. Он уже неплохо лазает по деревьям. Хватать хвостом ветки, как коэнду, не может, но колючки на хвосте все-таки помогают лазить, упираются в кору. Помогают и защищаться: урсон бьет колючим хвостом. Удар бывает порой смертельным: колючки со скоростью миллиметр в час продвигаются все глубже и глубже в тело и могут попасть в сердце или другой важный орган.

гие дикобразы, и неплохо лазают по деревьям, хотя настоящими древесными назвать их нельзя.

Древесные — все американцы: один вид, колючехвостый, обитает в Северной (от Аляски и Канады до Северной Мексики), десять других — в Центральной и Южной Америке. Из них восемь принадлежат к роду коэнду. Только у этих дикобразов хватающий хвост с голой подошвой на нижней стороне, такого же примерно типа, как у некоторых южноамериканских обезьян. Североамериканский дикобраз, защищаясь, колет своим иглистым хвостом, все другие древесные дикобразы таким оборонительным средством не наделены. Живут в основном на деревьях, кормятся растениями. Обычно лишь один детеныш в году, реже — до четырех.

В ТУНДРЕ

Тундра начинается не сразу. Редеющие на болотах ельники, стелющиеся у мшистых камней карликовые березки, кустарники... Это лесная окраина, решительно наступающая на Арктику и Субарктику. За один год лес, подгоняемый потеплением климата, отвоевывает у тундры 500—700 метров.

Так что здесь, где мы стоим, раньше была каменистая (или, наоборот, хлипкая) холодная сырая пустыня, населенная видавшими виды полярными животными. А теперь? Наши знакомые мыши и полевки, лисы и зайцы... Вот след лося, который никогда не был любителем тундры. Дятел тут, а с ним и сойка, и рябчик, и многие другие.

Есть и лемминги. Кроме истинно лесного лемминга, не упомянутого в предыдущей главе, в северных лесах, окаймляющих Арктику и Субарктику Старого и Нового Света, живут настоящие (4—10 видов), копытные (4 вида) и болотные (2 американских вида) лемминги. Живут не всегда и не везде, и их не считают здешними. Их место там, впереди, в тундре. И если в лесу их положение незначительно, малозаметно, малопонятно, то там оно почетно.

Александр Федорович Миддендорф, русский ученый и путешественник прошлого века, поразился: до чего же все просто в тундре! Небольшое число видов животных соединено ясными, удобными для понимания экологическими связями. Тундра — своего рода наглядное пособие для изучения взаимоотношений в животном мире.

Радужные сполохи северного сияния заливают замершую равнину. Крадется песец. Белый, он не виден, лишь косая тень причудливо струится по снежным наметам. Вдруг короткий прыжок, какая-то возня и звук, похожий на скрип ржавого замка, только потоньше...

Отощавший за зиму олень небрежно долбит копытом наст, но вдруг принюхался, фыркнул — и хлоп! — придавил. Подбирает что-то губами, хрумкает...

Тундры Старого и Нового Света, полярные острова — родина копытных леммингов. Это единственные грызуны, которые, подобно зайцу беляку, линяя к зиме, регулярно меняют свою летнюю серо-бурую шерсть на белую. К зиме сильно разрастаются и когти на средних пальцах передних лап, образуются вильчатые «копытца», которыми зверьки с бо́льшим успехом, чем другие, некопытные, лемминги, роют ходы в мерзлом грунте и твердом насте.

Скачет по сугробам горностай. И вот ринулся в снег, нырнул, как в воду. Там, внизу, возня, но скоро зверек снова на снегу, а в зубах — добыча...

А когда вечерело, белая сова, мягко махая крыльями, пролетела и пала... Поднялась, неся что-то в когтях.

Что? Догадаться нетрудно: три хищника и один парнокопытный поживились леммингами. Поживились и проиллюстрировали простоту тундровых взаимоотношений, основанную на одинаковости вкусов.

Да, лемминги нужны в тундре всем. Когда много леммингов, много песцов, горностаев. И самка песца, случается, вскармливает по 18 детей! Когда мало леммингов, среди песцов ни любви, ни брачных игр, и многие не выводят детей. А бывает, что народившихся, слепых и беспомощных, бросает мать и уходит.

Когда много леммингов, и сова сыта. Когда мало леммингов, нет от нее покоя ни гусям, ни другим птицам. И охотник с ружьем, ожидающий пролетных уток, бывает, не выстрелит ни разу. Биологическая цепь уже оборвана в северных краях, где из-под когтистых совиных лап летят утиные перышки.

Такова роль леммингов.

Невидными или незаметными их не назовешь. Тельце длиной с небольшую ладонь (лесные и болотные лемминги поменьше), с маленьким хвостиком. Желтоватые, ржавые, коричневые,

черные пятна. Один из настоящих леммингов, норвежский, так и зовется «пеструшкой».

Некоторые из настоящих леммингов к зиме белеют, но немногие. Копытные лемминги зимой белоснежные, пушистые. Они и вообще более совершенны: у них копыта! Конечно, не настоящие, а все же копыта, разросшиеся к зиме и раздвоившиеся на концах средние когти передних лап. С таким вооружением рыть не в пример легче.

Несмотря на малую величину, лемминг выглядит зверьком основательным, не то что прыткая мышь. Он оставляет на снегу изрядные следы, которые кажутся несоразмерными, но их секрет прост: шерсть вокруг ступни лемминга растет широко.

Глаза у него малы и невыразительны, ушей почти не видно.

Тундра и каменистые горбы сопок еще хранят зелень, но холодное небо уже раз-другой одарило землю истерической щедростью снежных зарядов: бешено вертясь, липкие хлопья летели, летели, летели... И вот явилась зима. Сильный ночной снегопад надолго укрыл землю. Угрюмый, холодный, враждебный мир остался наверху.

Зима для всех мачеха. Ей не рады даже такие прославленные полярники, как белый медведь, морж, тюлень, пингвин. Но лемминг — один из немногих на земле зверей, кому зима заботливая мать. Шубка у лемминга достаточно теплая, чтобы не замерзнуть под сугробом, отличное умение свободно там передвигаться и, наконец, запасы пропитания, которые не испортятся в природном холодильнике. Огромные грибы-подберезовики, на севере их червь не берет, не сгнили, не упали, а заледенели, занесены снегом. И крепким листочкам морошки и их ягодам, мху, лишайникам что от мороза сделается?! Они ничуть не теряют вкуса. В крайнем случае пригодна на обед и душистая кора березок.

Бесконечная полярная ночь. Свищет пурга над тундрой. Кто сумел уйти, улететь, тот ушел, улетел... А кто остался... Тощие, похожие на тени, звери. Редко когда удается раскопать глубокий сугроб и поживиться леммингом... А леммингам хорошо! В снеговом дворце бесчисленные ходы и галереи, каждая из которых как раз та сказочная речка с кисельными берегами.

В марте у леммингов уже выводки. Март на севере не тот, что в Подмосковье. Морозы люты, и солнце неохотно и ненадолго кажет лик свой из-за линии горизонта. Под снегом, конечно, тоже не слишком тепло. Но для новорожденных готовы гнезда. До марта, на досуге, лемминги строили. Материал тут же: сухая осока и прочная трава, мох, лишайник, надранное лыко. Сплели под сугробом шар сантиметров двадцать в диаметре — внутри мягко и температура уже не снеговая. И довольно крепкий шар: тяжесть сугробовой толщи нескоро его сплющит. Тут через месяц вырастают дети первого из тех 2—4 пометов, которые лемминги приносят каждый год.

Весна... Ручьи первым делом устремляются в зимние норы леммингов. Приходится срочно эвакуироваться, но куда? Снег оседает. Обвалы...

Хорошо, если тундра каменистая, она быстро подсохнет, а кто бедовал по весне в настоящей тундре, на вечной мерзлоте, тот знает, какая она бывает хлипкая и непроходимая. Кочка, сучок какой — всякая спасительная опора годится леммингу в половодье. Многие гибнут от воды, если не успеет до них добраться хищник. Но многие целы!

И опять тонкий писк откуда-то из-под корней — малыши!

Это год «пика» численности леммингов. Такие годы, когда грызунов бывает великое множество, повторяются периодически, с четырехлетними и другими интервалами. Не только ученые, но и охотники давно уверовали в эту цикличность и, зная о ней, составляют свои планы.

К концу лета леммингов столько, что, как говорят, ни пройти, ни проехать: они и человека порой встречают грудью, готовые биться до конца. Настоящие хозяева тундры!

Но уж очень много хозяев. Не выдерживает тундра. Местами видны выеденные начисто травы и мхи, словно пролысины на спине старого зверя. И тогда приходит беспокойство. Озабоченные зверьки, забыв об осторожности, снуют туда-сюда. И, будто сговорившись, все двигаются в одном направлении... Миграция леммингов. Загадочное и впечатляющее явление!

Идут. Сначала одиночки, потом редкие группы, потом — разреженный поток. При небольших миграциях заселяют окраинные леса, горы. Но бывают миграции грандиозные, когда поток грызунов ничто не может остановить: ни подходящее для поселения место, ни река, ни деревня, ни город, ни речной залив. Гибнут, но идут.

Куда идут? Неизвестно. Почти все участники большой миграции, как правило, гибнут. Но кто задал им это направление и приказ идти во что бы то ни стало?

...Не все лемминги ушли из тундры. Некоторые не оставили обжитых нор. И на бескормице готовятся к новой зиме...

В СТЕПЯХ И ПУСТЫНЯХ

У тундры две сестры — степь и пустыня. Многие находят, что они весьма схожи: у всех бескрайние горизонты, у всех трех то ледяная либо знойная скупость, то щедрость, граничащая с расточительностью.

Степь и пустыня, отделенные от своей суровой сестрицы лесами, горами, долами и морями, распола-

гаются рядом, так что иной раз не отличишь, где кончается одна и начинается другая. Оттого у них много общего.

Во-первых, сухость. Нечего говорить о безводности пустыни, все ее и так за это проклинают. Но ведь и степь недалеко ушла: 20 сантиметров годовых осадков на просторах пампы, прерий, азиатских степей. Это ведь такая малость, воробью не напиться.

Во-вторых, жара. В Каракумах и в Сахаре почва разогревается до 70—80 градусов, что практичные путешественники издавна использовали для быстрого приготовления печеных яиц. В степях, правда, земля не столь горячая, но плюс 40 в тени не редкость.

В-третьих, холод. В тех же самых раскаленных Каракумах зимой минус 30, а в степях за Уралом бывает и минус 50.

А если к этому еще добавить коварные суточные колебания температуры — в Сахаре они до 30 градусов,— то невольно преисполнишься сочувствием к беднягам бедуинам, которые, бывало, целый день парясь в своих бурнусах, ночью мерзнут, прижимаясь к теплым бокам дромадеров.

Но и это не все. Здесь есть где разогнаться ветрам. Какой-нибудь плохонький ветерок, с трудом выпутавшись из чахлого перелеска, попадая в степь, набирает силу и через сотню-другую километров норовит стать суховеем, самумом, ураганом.

Как видите, сестры взбалмошные, неуравновешенные. Сказывается это и при выборе нарядов. Если пустыню, из-за скудости почв, безводности и резкости температурных колебаний можно считать особой сильно декольтированной, то степь кидается из одной крайности в другую, от «макси» к «мини».

Впрочем, обе они раз в году бывают прекрасны. Весной — в Евразии и Америке. В африканских полупустынях и степях — в период дождей. Буйные эфемеры и эфемероиды набрасывают на их одежды щедрое разноцветье, травы растут не по дням, а по часам, зацветают кустарники. Это как улыбка красавицы.

Но как быстро наступающая сушь превращает эту улыбку в страшную гримасу. Еще борются некоторое время солянка и полыни, еще удерживает зелень в крепких своих листочках песчаная акация, но уже чувствуется огневое дыхание ветра. Все желтеет, сморщивается, превращается в тлен. Лишь степь — это зависит от ее географического положения — сохраняет наряд до зимы, но это чаще всего нищенская одежда — ковыль...

Степи и пустыни, кто с ними уживается?! Насекомые. Пауки. Скорпионы. Пресмыкающиеся. Птицы. Звери.

Суслики, сурки, долгоноги, тушканчики, кенгуровые крысы, мышовки, хомяки, песчанки, степные пеструшки — это грызуны, одолевшие пустыню и степь, здесь уместнее всего поставить пресловутые «и т. д. и т. п.», ибо дальнейшее перечисление грозит сделать фразу чрезмерно громоздкой.

Большинство из них не назовешь типичными обитателями степей и пустынь. Они, или, вернее сказать, близкие виды, живут в лесостепной зоне, в горах, в лесу. Как наши знакомые, сурки.

Терпеливые часовые равнин, не освоенных человеком, они выстаивают свои вахты у бутанов, по нескольку часов готовы стоять! Они не требуют от природы многого. В пустыню их не заманишь, но со степью они дружны. Их привычки подобны привычкам их горных братьев: те же колонии, те же посвисты (беспроволочный телеграф!), передаваемые друг другу в минуту опасности, та же сибаритская лень и беспробудный сон на всю зиму. Одно слово — мармоты. Так называет сурков благородная латынь.

Другое дело суслики. Эти и бегать, и строить, и запасать — на все горазды. Земли оккупировали всякие. За Полярным кругом попадаются. И в жаркой пустыне живут. Ленивыми не назовешь!

А между тем внешне этакие сурки в миниатюре, особенно если перед глазами у вас экземпляр преклонного возраста, который уже отбегал свое и занят в основном тем, что ест. Та же посадка «столбиком». Но если сурок выглядит несколько мешковатым, то суслик стоит прямее и стройнее. Он похож на гордого, подтянутого, резковатого молодого командира.

20—30 видов в Европе, Азии и Северной Америке (в СССР 10 видов) да еще тонкопалый суслик, или среднеазиатская земляная белка, отделяемый обычно в самостоятельный род за некоторую оригинальность в строении зубов и черепа. Размеры: от 25 сантиметров — малый суслик — и до 38 — суслик-песчаник. Многие, включая и тонкопалого отщепенца, прижились в степях и пустынях.

Удачливые и, по общему признанию, благоденствующие грызуны.

Степь, весна... Трава ударилась в рост, жаворонок ликует в небе. А небольшая птичка каменка деловито ныряет под землю. Тут ничего странного: опасаясь высоких летних температур, она справляет новоселье в брошенной норе суслика. Но, поднявшись в воздух, видит каменка: скачет по степи грациозный зверек. И прямо в ту же нору. Хозяин. И тут птица бросается на законного домовладельца! Цепкими коготками впивается в крапчатую спину, и суслик удирает. А каменка его за уши треплет: быстрей!

Горюет суслик недолго. Найдет подходящее ме-

стечко, копнет, а через несколько минут его уж и не видно, только комочки земли вылетают из лаза. И уж если кто захочет вытащить его из норы, пусть и не пробует. Схваченный за задние ноги, суслик так цепко держится передними, что пополам разорвешь — не отцепится! Однако мало кому удается схватить суслика: он быстр, проворен, а нора его глубока, о чем можно судить по холмику выброшенной земли. Высота его с полметра. (У Сергея Ивановича Огнева есть данные подсчета объема всех этих холмиков на площади в один квадратный километр где-то в Калмыцкой степи, краю, богатом сусликами: 30 тысяч кубометров!)

Конструкция норы, даже зимней, проста и практична: наклонный ход (рядом холмик выбросов, а сам вход на зиму забит землей), а затем вдруг от гнездовой камеры вертикально вверх идет отнорок, не доходящий немного до поверхности. Это, если вдуматься, поразительное изобретение: здесь зверек прячется, оставаясь в то же время у поверхности и слушая, что наверху делается. Если наводнение случится и все внизу зальет, отнорок останется сухим, да и выбраться из него легко — надо лишь покопать немного вверх, что весной и делается.

«Под лежачий камень вода не течет» — гласит народная мудрость. Мобильность, и буквальная, и, так сказать, экологическая, обеспечила суслику жизненный успех. Его североамериканская кузина — луговая собачка, прозванная так за то, что «лает» (не столь, правда, громогласно, как цепные церберы. Сидя в подземелье, могут облаять незваного пришельца; друг с другом общаются, тявкая),— так вот эта луговая собачка похожа и на суслика и на сурка. Подземелья луговых собачек, соединенные сотнями переходов с сотнями входов и выходов, тянутся милями. Луговую собачку считают связующим звеном между сурками и сусликами, но... она не легка на ногу. Это последнее качество отделяет ее от суслика и ставит рядом с сурком, на которого она и внешне больше похожа.

В прошлом веке верховой, ступив на улицу «деревни» этих зверьков где-нибудь у подножия Скалистых гор, за несколько дней не мог ее миновать: бугорки, бугорки, желтые фигурки, отрывистый лай... Теперь всего этого нет. Сильные машины распахали плодородные угодья: зверюшки, смешивая верхние и нижние грунты, обогатили их минеральными солями.

А в пустынях, полупустынях, в песчаных и каменистых? Там жить трудно. Но можно.

Долгоног, или долгопят каффрский, — зверек с беляка, в шкурке приличного качества. Его мясо знают и ценят жители Южной Африки. Но он не заяц и не тушканчик, а представитель особого семейства, неопределенного систематического положе-

Африканский долгоног похож на большого тушканчика или небольшого кенгуру. Прежде его считали тушканчиком, потом «породнили» с дикобразами, а в последнее время сближают с шипохвостыми белками. До сих пор положение долгонога в классификации грызунов не совсем ясное. Капский долгоног обитает в степях к югу от Великих озер, другой вид или подвид — к востоку от них.

ния, где-то на полпути между шипохвостыми белками и крысами. Он живет безбедно на землях самых бедных.

Солнце в тех краях жаркое и нещадно преследует все живое. Поэтому днем долгоног спит в обществе себе подобных, каждая пара в своей норе, но в непосредственной близости с 10—15 другими парами.

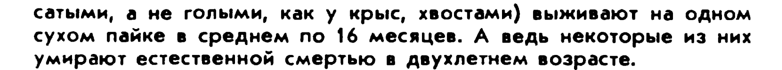
Выбравшись ввечеру из убежища, долгоног медленно бродит: где листочек подберет, где корешок или клубень из сухой почвы вывернет.

Но это не тихоход какой-нибудь вроде дикобраза. В местах с редкой растительностью, чтобы унять голод, надо преодолеть не километр, а больше. Долгоног на это способен. Как стальная пружина подскочил на длинных задних — прыг! И трех метров пути как не бывало. И вперед, прыжок за прыжком. Наблюдатель может усомниться, уж не в Австралии ли он: очень похожи прыжки долгонога да и сам он на кенгуру. Прыг да прыг... А когда торопится, например если кто за ним гонится, прыжки уже пятиметровые. Не бег — полет!

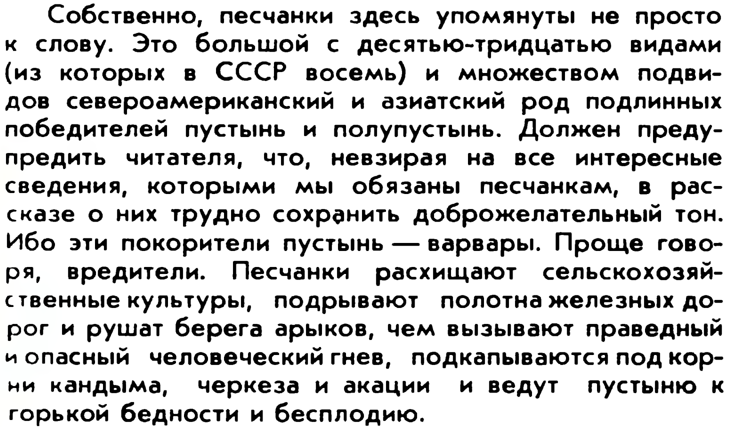
Раньше думали, что он не пьет. Лишь недавно проследили, что пить он ходит, да порой за 32 километра!

Есть среди грызунов, жителей пустынь, такие, кто действительно может совсем не пить. Например, американские кенгуровые крысы, похожие на тушканчиков.

В Индии в Международном институте по изучению и освоению пустынь в опытах над песчанками установили, что и эти похожие на крыс зверьки (но из семейства хомяков и с воло-

сатыми, а не голыми, как у крыс, хвостами) выживают на одном сухом пайке в среднем по 16 месяцев. А ведь некоторые из них умирают естественной смертью в двухлетнем возрасте.

Собственно, песчанки здесь упомянуты не просто к слову. Это большой с десятью-тридцатью видами (из которых в СССР восемь) и множеством подвидов североамериканский и азиатский род подлинных победителей пустынь и полупустынь. Должен предупредить читателя, что, невзирая на все интересные сведения, которыми мы обязаны песчанкам, в рассказе о них трудно сохранить доброжелательный тон. Ибо эти покорители пустынь — варвары. Проще говоря, вредители. Песчанки расхищают сельскохозяйственные культуры, подрывают полотна железных дорог и рушат берега арыков, чем вызывают праведный и опасный человеческий гнев, подкапываются под корни кандыма, черкеза и акации и ведут пустыню к горькой бедности и бесплодию.

Но не копать эти зверьки не могут: под палящим солнцем, при сорокаградусной плюсовой температуре они погибают через несколько часов. Поэтому песчанка, да и не только она, суслик тоже, если выпустить его из клетки на волю в пустыню, не побежит прочь сломя голову, как почти всякий освобожденный зверь, а сразу же, выбрав где-нибудь невдалеке подходящее местечко, будет закапываться. Внизу спасение. На полуметровой глубине песок нередко уже влажный. Здесь ровная, почти без суточных колебаний, пригодная для жизни температура.

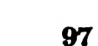
Если по справедливости, то всех песчанок вредными не назовешь. Одни из них слишком малочисленны, другие или роют мало, или живут в каменистых местах, иногда в старых развалинах.

По-настоящему вредна монгольская, или когтистая, песчанка, которая роет хоть и неглубоко, но денно и нощно, и там, где не надо: в кюветах, под насыпями, под разными земляными постройками. Полуденная песчанка, приспособившаяся жить в едва закрепленных песках, прямо скажем, на горе этим пескам, тоже роет много.

Однако приоритет в этом деле принадлежит по праву большой песчанке, или, как ее с лаской и не без сарказма называют, «заманчику». Этот зверек крупнее всех остальных песчанок.

Заманчики — убежденные «урбанисты». На бугристых песчаных склонах, по балкам строят они настоящие подземные многоэтажные города. На двух-трех гектарах сотни входов, а внизу — бесчисленные коридоры, большие залы по нескольку метров длиной и сантиметров двадцать пять высотой, словно залы заседаний. Иногда поселения заманчиков, подобно бесконечным станицам наших южных областей, растянуты на многие километры.

Отсюда свершаются набеги. Среди бела дня. В лю-

Вискача самый крупный грызун в семействе шиншилловых: длина с хвостом около метра, а вес до семи килограммов. Мясо у вискач вкусное, его продают и охотно покупают (под названием «шерстистого зайца») даже в магазинах Западной Европы. В Южной Америке вискач безжалостно истребляют: скот и лошади ломают ноги в норах этих грызунов.

бое время года. Почти в любую погоду. Заманчики подрывают корни бесценного для пустыни саксаула, да и всем другим растениям приходится плохо. Особое лакомство для маленьких грабителей — молодые ветки. Они срезают их, ловко взбираясь на кусты и деревья на высоту до трех метров. Запасают веточный корм, пряча его в подземных хранилищах или складывая, как сено, в стога. Да и сено запасают обычно в подземельях.

«Изредка в пустыне Каракумы и в Прибалхашье песчанки ставят стожки около нор и даже укрепляют их по краям, втыкая в землю веточки, чтобы ветер не унес их запасов... Раскопав только часть поселения песчанок, Камбулин вынул из пяти камер-сеновалов 27,5 килограмма запасов. Он наполнил ими два с половиной мешка из-под муки» (профессор Александр Николаевич Формозов).

Перед архитектурными красотами подземных кварталов больших песчанок не могут устоять змеи, ящерицы, пауки, клещи и всякая летающая нечисть, обобщенно называемая «гнусом». Все это шуршащее, шипящее, зудящее, шмыгающее — квартиранты заманчиков. Весной вы даже с закрытыми глазами догадаетесь, что попали в пригородную зону такого исключительного города, гнус вам об этом доложит.

И если вы не приготовили себя к тому, чтобы отдать здоровье на благо науки, то уходите поскорее, ибо здесь рассадник лихорадок, возвратного тифа, лейшманиоза и так далее...

Надо сказать, что подобная система домовладения, назовем ее «общественной», в обычае также у южноамериканских грызунов вискач, жителей аргентинской пампы и самых ближайших родственников знаменитой шиншиллы.

Вискачи — крупные, с доброго зайца, но массивные, приземистые, весом до 7 килограммов, более длиннохвостые, коротконогие и короткоухие, темно-серые, вдоль мордочки у них черные и белые полосы.

Горную вискачу называют также шиншиллоной, или ложной шиншиллой. Зверьки живут небольшими колониями высоко в Андах. Ростом с кролика, серый мех мягкий и густой, но малоценный. Охотятся на них из-за мяса.

Звери безобидные, ночного образа жизни, а их запасливость выражается столь своеобразно, что невольно напоминает еще раз павловскую мысль о похожести коллекционирования у человека и запасания у животных. Вискача, кроме действительно нужных ей стеблей чертополоха, подбирает на просторах пампы все, что уронили, бросили, потеряли другие (или то, что сама украла!): консервную банку, полиэтиленовую упаковку от чего-то, пачку сигарет, кость,

Шерсть настоящего агути, или золотого зайца, сверкает червонным золотом. А у зеленовато-черного агути Азора, или зеленого агути, отливает серебром. Прочие виды и подвиды агути (их больше двух десятков) окрашены по-разному — и скромно, и ярко. Зверьки небольшие, но живут долго, до 20 лет.

даже часы, кнуты, ботинки! Находки свои складывает возле входа в нору. «Выставка», — говорят люди. Если выставка, то определенно поп-арт. И весьма объемистая, до двух мешков разного «добра».

Но разговор не об этом. Свои жилища — вискачеры — грызун-американец всегда строит по тому же замыслу, что и азиат-заманчик. Вискачера тоже обиталище разных животных. Утверждают, что их тут до семидесяти видов! Те же лабиринты, этажи, галереи со множеством довольно широких входов. Двадцать-тридцать вискач обычно под руководством одного старого самца роют не день, не год, а поколение за поколением. Естественны излишки площади, появляются квартиранты. Местные лисы, ящерицы, змеи, земляные совы... Птице казарите приходится поработать и самой: она роет в высыпках и в стенках нор ниши для своих гнезд. Ласточки практичнее, они селятся в ямках, вырытых казаритой. А оставшиеся излишки площади? Живет в них тот же «гнус», лишь имя у него экзотичное — москит. И блохи разные...

Есть где разгуляться болезням... Да и человек, подъехав на автоцистерне с водой, с помощью шланга быстро разделается с вискачерой. Оттого и стали редки вискачи в пампе.

Раз зашла речь о вискачах, надо сказать несколько слов и о других американских грызунах из подотряда дикобразных, родичах вискачи. Например, золотые зайцы, или агути. Их 13 видов в Центральной и Южной Америке. Некоторые окрашены очень ярко, в золотистые тона! Другие скромнее: беловатые, бурые, почти черные. Ушки короткие, хвостики тоже, ростом с вискач, но стройнее, элегантнее. Живут и в низинных сырых лесах, и на сухих холмах, в лугах по берегам рек и в открытых степях. Норы роют несложные, каждый для себя. Бегают быстро...

Но из южноамериканских грызунов на зайца больше всего похож не агути, а мара. У него и посадка заячья, и ноги задние такие же длинные (трехпалые, с похожими на копытца когтями, как и у агути), и хвост заячий — короткий, и шерсть серая, и резвость такая же. Только уши покороче да морда массивнее, тупее. Рост и вес больше: у патагонских мара до 9—16 килограммов. Аргентинские, другой вид, поменьше. Мара — жители сухих степей. Ночи проводят в норах, в собственных, но чаще занимают чужие. Днем пасутся группами от трех до сорока разновозрастных зверьков или часами греются на солнце.

В пустынях и полупустынях Азии, а также в Северной Африке живут тушканчики. Генетически они, пожалуй, ближе всех наших грызунов, кроме дикобразов, к американским грызунам, описанным только что, но входят в подотряд мышеобразных. В засушливых районах Северной Америки обитают внешне очень похожие на тушканчиков кенгуровые крысы (22 вида). Правда, они не только из другого семейства, но и подотряда белкообразных.

Немалое семейство у тушканчиков, до 10—14 родов и не меньше 25 видов, а сами невелики. Даже подлинный атлет семейства — большой тушканчик, прозываемый еще земляным зайцем, не длиннее 25 сантиметров. А самого маленького долгое время и не замечали вовсе: лишь в 1924 году Петр Кузьмич Козлов изловил его где-то в Монголии (единственный экземпляр), и наука обогатилась такими сведениями: жирнохвостый, карликовый... Длина тела 4—5, хвоста 9—10, задних ног 2 сантиметра.

Уже в тридцатых годах Борис Степанович Виноградов, осматривая коллекции Лондонского музея, нашел знакомого тушканчика в виде чучела с почтенным годом рождения — 1820! Выходит, больше ста лет лежал экспонат незамеченным под боком самых известных ученых.

Чтобы хоть немного загладить обидную невнимательность науки, эту часть рассказа, посвященную тушканчикам, начнем с него, с пигмейчика, известного под латинским именем сальпинготус. Тем более что ореол таинственности, уникальности с него недавно снят. Советский зоолог Николай Николаевич Воронцов, заметив сходство азиата-сальпинготуса с маленькими американскими кенгуровыми крысами, догадался, что и обитать он должен в таких же, как эти малютки, условиях. Пошарил по карте, подходящие условия нашлись в Зайсанской котловине. Снарядили

В сухих равнинах Аргентины обитают мара. Они похожи на короткоухих и толстомордых зайцев. У самок мара очень интересные соски: их две пары, одна почти под мышками, вторая — далеко позади, у колена. Длинные, 3,5 сантиметра, и очень тонкие соски похожи на присосавшихся пиявок.

экспедицию. И точно: сальпинготусов возле Зайсана немало.

Карлик пушист, мал и быстро бегает. Задние трехпалые ноги намного длиннее передних пятипалых, с «щетками» из длинных волос, мордочка туповатая, а усы такие длинные, что некоторые, если их отогнуть назад, достанут до основания хвоста! Но главное и достойное всяческого удивления — сам хвост. Если разглядывать его отдельно от зверька, то не сразу догадаешься, что это за предмет такой. Иногда бывает он вроде морковки.

Тут не бессмысленная фантазия природы. Подобно верблюду, запасающему в горбах жир на случай жажды (жир отлично перерабатывается в воду), маленький пустынник копит жир в хвосте.

Хвосты тушканчиков — это начало ответа на вопрос об их высокой приспособленности к окружающей среде. Хвостами-кладовками, кроме карликовых тушканчиков, обладают еще три вида более крупных толстохвостых тушканчиков — зайсанский, приаральский и прибалхашский. Но ценность столь замысловатого подарка природы не исчерпывается выполнением, так сказать, лишь сберегательных функций. Он годится и еще кое на что...

Все знают: тушканчики зверьки очень быстрые. Не всякая собака их поймает. И человек не на вся-

Знаменитый сальпинготус, карликовый жирохвостый тушканчик. Под кожей в передней половине хвоста запасает жир, тогда хвостик зверька «разбухает» морковкой. Еще один-три вида сальпинготусов обитают в Центральной Азии. От других тушканчиков их отличают короткие уши, очень длинные «усы» и кончик хвоста без кисточки.

ком скакуне догонит. Потому что скорость они развивают до пятидесяти километров в час! И на бегу круто меняют направление, зигзагом скачут.

А передвигаются на двух задних ногах. Прыжками. Каждый прыжок полтора-три метра. Вам, наверное, уже вспомнился долгоног. Систематически они далеки друг от друга, а внешне да и многими повадками тоже копии. Только тушканчик — этакий долгоног в миниатюре. Низкорослость — важное преимущество: за большим долгоногом охотятся, и, возможно, скоро их в Африке не будет — обречены. А тушканчик... Много ли в нем проку? Только шкурки «крупного» земляного зайца попадают иногда в Заготпушнину. Но цена им там — гривенник...

50 километров в час! Как подумаешь... Обыкновенным ногам вряд ли под силу такое. У тушканчиков задние ноги длинные, тонкие, напоминают складывающиеся ноги-рычаги известного прыгуна — кузнечика.

У всех земляных зайцев, все они обитают в Азии, по пять пальцев на задних ногах. Четырехпалый только этот, египетский. Самый крупный из тушканчиков земляной заяц (длина с хвостом чуть больше 50 сантиметров), живет у нас в степях, лесостепях и пустынях от Алтая до Днепра, а на севере до Оки. Только после захода солнца покидает он свои подземелья.

Сложились — выпрямились пружиной. Умеет тушканчик, не разбегаясь, подпрыгнуть на полметра, вцепиться зубами, а затем лапками в ветку акации, и вот он на суку! Были бы наверху вкусные молодые побеги...

И вот теперь самое время еще раз вспомнить о хвостах. Они двух типов: толстые хранилища жира, о которых уже говорилось, и длинные, тонкие, с веселой пушистой кисточкой на конце, называемой «знаменем».

Без хвоста тушканчик уже не тот. Если зверьку его отрезать, он не может бегать так уверенно, спотыкается, падает, теряя равновесие. Легко понять, что длинный хвост с кисточкой — это балансир и руль, который помогает быстро менять направление на скаку. А толстый хвост? И он выполняет те же функции! Он и руль, и балансир, и толщина этому не мешает, потому что хоть толстые хвосты обычно короче, но зато тяжелее.

Мчится птица-зверь, не видно, как земли касается. Правда, далеко не убегает, сядет, затаится и смотрит на приближающегося преследователя. На ночную кормежку отправляется иногда километров за шесть. Шесть туда, шесть обратно, а сам в лучшем случае с белку.

Роет замечательно быстро. С зимними неурядицами борется сном, нездоровых сообществ не при-

держивается, чистоплотен. (Каждый волосок чистит, да еще с песочком!) Без воды живет долго, а когда до нее доберется, оригинальничает: мочит передние лапки и обсасывает их, как леденец на палочке...

В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Грызуны — признанные землекопы животного мира. Мы уже удивлялись замечательному проходческому таланту многих из них. Теперь очередь за цокорами, слепышами, гоферами... Они и им подобные — первые среди землекопов.

Цокоры (5 видов в Азии) и слепыши (3 вида в Северной Африке и Евразии) из подотряда мышеобразных, как и тушканчики. Гоферы (около 30 видов в Северной и Центральной Америке) из белкообразных, как сурки и суслики.

Цокор, зверек не больше белки, победил в честном соревновании с неленивым парнем, вооруженным хорошей штыковой лопатой. Раскапывая землю следом за стремительным соперником, парнишка не выдержал темпа, сошел с дистанции. «Ну его»,— говорит.

А слепыш, грызун покрупнее, когда на его пути встретился ручей, не стал искать каких-нибудь средств для переправы, а перебрался на тот берег по сухому: под дном вырыл тоннель. Метростроевцы знают: трудное это дело.

На просторах сухих равнин, лесостепей, от склонов Северной Африки и восточного Средиземноморья, Украины, Закавказья до Зауралья, процветает в подземельях особое (с единственным родом) семейство слепышей.

Африканский трехпалый тушканчик. Близкий его родич обитает и у нас в Туркмении. Зверек невелик: от носа до кончика хвоста 25—40 сантиметров, и жизнь его коротка — 5—6 лет, но плодовит: в глубине норы на подстилке из верблюжьей шерсти приносит два-три раза в год по три-пять потомков. Самец галантно ухаживает за самкой: кланяется, вытянувшись на ножках, потом нежно поглаживает ее мордочку крохотными передними лапками.

Слепыш роет неутомимо в одиночестве, во всякое время года и суток, недалеко от поверхности, горизонтальные тоннели без входов и выходов. Лишь выброшенные кучи земли, до полуметра в диаметре, отмечают его передвижение у нас под ногами (на ста квадратных метрах бывает до ста кучек!). Чтобы родить детей, одного-трех, раз в году и приготовить кладовые для зимних запасов, он углубляется в землю порой до трех с половиной метров. Роет и кормится одновременно, добывая корни, клубни, луковицы. Иногда целиком все растение под землю затащит, чтобы там объесть с него листья. Горный, или белозубый, слепыш, путешествуя под огородами закавказских крестьян, запасает в своей кладовой до 18 килограммов одного картофеля! Можно себе представить, какие широкие возможности открываются перед его большим предкавказским собратом, обыкновенным слепышом, который, невидимый, владеет растениями на всех 250 метрах вырытых им кормовых ходов.

Слепыш роет резцами. Но вы ошиблись, если представили себе, как он беспрерывно отплевывается землей. Земля слепышу в рот не попадает. Резцы у него торчат снаружи и ото рта изолированы внутренними выростами губ. Разрыхлив почву резцами, слепыш толкает ее вперед, на поверхность. Оттого и много кучек у него на фронте работ.

Пожалуй, не уступают слепышу наши сибирские, забайкальские цокоры, североамериканские гоферы, южноамериканские тукотуко, евразийские слепушонки да незокия, которая хотя и называется индийской пластинчатозубой крысой, но прекрасно освоилась также в Китае, Средней Азии, в Египте, Сирии, Иране... Крысы на все горазды.

Между прочим, эта крыса почти не покидает своих подземных нор и селится даже в стенах и полах глинобитных строений, в ирригационных дамбах. Прогрызает их в любом направлении. И случается, рушит. Словно законы эволюции не про нее писаны, эта тварь до сих пор не рассталась с длинным хвостом. А зачем он, спрашивается, землекопу?

А вот слепушонка (три ее вида живут в Евразии), пятнадцатисантиметровое созданьице, сделана, кажется, прямо по образу и подобию слепыша. Резцы такие же и так же действуют. При беглом знакомстве подумаешь, что это слепышонок, а не слепушонка.

Образом жизни гоферы подобны слепушонкам, от которых их отличают, кроме всего прочего, наружные защечные мешки. Зверьки выворачивают их, как карманы, когда чистят. Живут от Канады до Панамы. Почву предпочитают влажную, мягкую. По величине и окраске разные. От маленьких, с мышку, до больших, с белку. От черных до белых. И вся эта разнородность вмещается в одно семейство с 9 родами и 30—40 видами.

Великий философский спор о том, что лучше: «работать, чтобы жить» или «жить, чтобы работать», гоферы решают в пользу второй формулы. Роют столько, что обеспечивают просторными и, конечно,

Тукотуко, южноамериканская земляная крыса, обитает и в лесах и в степях от Перу до Огненной Земли. Похожа на североамериканских гоферов, но наружных защечных мешков у нее нет. Выбрасывая из норы землю, толкает ее тукотуко задними ногами. Зверьки любят сидеть у входа в нору, выставив лишь мордочки. Глаза у них почти на макушке, и потому тукотуко, не вылезая из норы, хорошо видят все вокруг.

бесплатными жилищами пятнадцать из двадцати видов животных, составляющих их окружение (подсчитано в Колорадо).

Гофер-работник пользуется собственными методами. Разрыхляет почву, правда, так же, как и слепыш, затем передними лапами передает землю задним, ложится на спину и задними ногами выталкивает на поверхность. Но самое удивительное: по тоннелю он ходит назад и вперед с одинаковой скоростью. А у него ведь глаза не переместились к анальному отверстию, как у одной полихеты, многощетинкового червя, которая привыкла двигаться задом наперед. Но хвост, чтобы не мешал при маневре «задний ход», гофер закидывает на спину.

Правда, стоит заметить, что в обоих направлениях гофер двигается очень медленно. И если налицо угроза быть схваченным, ему ничего не остается делать, как самому в бой ринуться. Даже с человеком.

Зверек задирист и драчлив. Дерутся гоферы нередко, лупят лапами друг друга по мордасам. Защечные мешки у них большие и болтаются свободно. Это и предохраняет от увечий.

У весьма неказистого гетероцефалюса, который никогда не покидает подземелий, красивые местные названия — фарум, фаранфан.

Но отбросьте невольные ассоциации с именами восточных красавиц. Фарум — голая кротовая крыса из подотряда дикобразных. Она эфиопка. Дают ей приют также земли Сомали и Северной Кении.

Голую кротовую крысу местные жители называют фарумом, или фаранфаном, а в науке она известна под именем гетероцефалюса. Голые крысы живут под землей, колониями до ста зверьков. Они никогда, во всяком случае днем, не покидают подземелья, лишь фонтанчики песка, которые каждые 3—5 секунд извергаются на поверхность, обозначают места их обитания.

Шерсть в жарком климате особенно и не нужна, да и все равно волосы от бесконечного трения о стенки нор вытираются. Другим зверям, кроту например, приходится линять по три раза в год, чтобы сохранить шубу в исправности. У голой крысы небольшое складчатое тело (40—80 граммов весом) в красновато-желтоватой коже. Впрочем, если приглядеться внимательнее, можно заметить растущие кое-где тонкие светлые волоски. Живут фарумы колониями, иногда по сто зверьков, которые дружно пищат из-под земли, когда кто-нибудь над ними проходит.

В ВОДЕ И У ВОДЫ

Видели гофера, который бросился в волны реки стометровой ширины и переплыл ее.

Видели хомяка, который, надув воздухом защечные мешки, путешествовал по реке.

Видели плывущих сусликов!

Большие свирепые крысы бандикуты заселили все коралловые островки вдоль побережья Индийского океана. Никто их туда не отвозил. Сами приплыли. На бревнах и корягах.

А морские свинки — настоящие «морские волки»: побывали, наверное, во всех морях и океанах! За добродушие и безобидность они полюбились морякам, и те брали их с собой в плаванья. Настоящая же родина морских свинок — Южная Америка, где

в дикой природе встречается 13 их разных видов. Некоторых морских свинок инки в старину разводили как домашних животных.

Нельзя не вспомнить и пасюка, он тоже побывал всюду и тоже может быть назван «морским волком». Чего не случается...

Но, конечно, ни гофера, ни хомяка, ни суслика, ни пасюка нельзя назвать водными грызунами. Они в общем-то с водой не в ладу. При необходимости плавают почти все звери, кроме человекообразных обезьян. Но есть грызуны, которых вода поит, кормит, дает жилье и убежище от врагов.

Реки широкие, равнинные. Реки быстрые, горные. Ручьи. Пруды, озера, болота... Приходилось, наверное, вам где-нибудь видеть мокрую усатую голову над блестящей поверхностью воды. Быстро и плавно скользит, расходятся тонкие волны.

Ондатра, бобр, водяная крыса, нутрия — кто проплыл?

«Я знал людей, умевших читать и писать, которые были гораздо глупее старого опытного бобра», — признавался однажды Соколиный Глаз.

Писатели да и зоологи называют этих зверей «инженерами». Называют столь часто, что это уже надоело. Но лучше, пожалуй, не придумаешь.

Внешность зверя внушительна. В бобровой шубе ходит! Дорогая шуба, с теплым подшерстком и крепкой остью, а для большей эластичности и непромокаемости смазана маслянистым веществом. После каждого купания бобр тщательно ее чистит и напомаживает.

Прежде бобры жили по всей Европе, кроме Испании, в Сибири, Монголии, на севере Китая, в Северной Америке — от Аляски до Рио-Гранде. Истребляли их безбожно. Потом стали охранять и снова разводить. Ныне живут они в Америке, в пределах почти прежнего своего ареала, но лишь местами, разрозненно. В США и Канаде и в наши дни добывают до 175 тысяч бобров.

В Европе тоже восстановили бобров, расселяя местами и канадских, в разных районах Франции, Германии, Польши и Скандинавии.

В СССР к тридцатым годам уцелело, как полагают, около тысячи бобров. Сейчас во многих местах, и в европейской части и в Сибири, их поголовье и поселения восстанавливаются.

Один вид бобров или два, специалисты еще не решили. Во всяком случае, у нашего бобра, кроме некоторых особенностей черепа, хвост уже и длиннее, чем у американского, а шерсть на спине лишена красноватых тонов. Весят бобры 9—32 килограмма. Живут лет до 25, во всяком случае, в неволе. Молодых (трех-пятерых, реже до восьми) рожают раз в году, в апреле — мае. Те через день-два уже плавают, а через три недели едят растения, хотя мать кормит их молоком еще недели три. С родителями остаются до двух-трех лет. Едят бобры кору, побеги, листья, особенно любят осину и ивы, болотистые травы — тростник, ирис, водяные лилии. На зиму запасают ветки под водой, иногда до 50—80 кубометров!

В средневековой Европе бобра считали... рыбой! Мясо его числилось среди деликатесов, а о ценности бобровой шубы и говорить не приходится. Всюду истребляли бобров, уцелели они лишь местами в СССР, в Монголии, на Северо-Западе Китая, а в Западной Европе — в Норвегии, Франции (низовья Роны), Германии (на Средней Эльбе) и в Польше. В последние десятилетия бобров расселили в Швеции, Финляндии, а в СССР — в пятидесяти разных местах. Канадский бобр, по мнению одних авторов, особый вид, другие считают его лишь подвидом нашего бобра.

Физиономия бобра, если взглянуть на нее спереди, поразит великолепными резцами, торчащими поверх губ, как и у многих героев предыдущего рассказа — землекопов. Но эти резцы еще совершеннее, чем у слепыша и ему подобных. Не говоря о размерах, которые, конечно, внушительны, сей инструмент рытья и резания еще более универсален. Им можно работать под водой, не раскрывая рта. Нос тоже поразит подвижными мясистыми ноздрями. Они такие не зря: плотно смыкаются, когда бобр ныряет. Под водой он может не дышать до 15 минут!

Мало кому доводилось видеть, как бобры орудуют резцами под водой, но на берегу их производительность фантастична: две-три минуты, и осинка толщиной в руку падает!

Во французском национальном парке Бруси зоолог П. Ришар наблюдал весьма занятные действия бобров-строителей...

Но, простите, прежде отвлекусь и коротко скажу, какие типовые постройки бывают у бобров.

Проект первый — норы. Их роют, когда есть берега высокие и крепкие, в обрывах. Вход на глубине метра или двух под водой. Темное отверстие, в которое не возбраняется заплывать рыбам, бобры их не тронут, наклонно направлено вверх. Поднявшись выше уровня реки, нора ведет куда-нибудь под корни крепкого дерева. Там мрачноватая спальня, иногда такая большая, что двое людей, если им придет в голову такая фантазия, вполне могут в ней ночевать. Если река ненадежная и вода в ней в сухое время убывает, то под первым входом по направлению к спальне копается другая нора. Вход должен быть под водой — это непременное условие. Иногда «крыша» над спальней, слой земли, не выдерживает, проваливается. Тогда сверху наваливают кучу хвороста.

Проект второй — хатки из ветвей и земли. Они возвышаются над водой метра на полтора-три, а диаметр их до 10—12 метров. Вход тоже под водой.

Проект третий — каналы. На болотистой местности в разные стороны от дома, если смотреть сверху, как лучи от солнца на неуверенном детском рисунке, расходятся неширокие, неглубокие полоски воды. Это водные пути на работу и в столовую. Возможно, что особых заслуг в сооружении каналов у бобров нет: ходят, дескать, и ходят, и постепенно тропинки углубляются и заполняются водой. Может, и так... Однако внимательные наблюдатели говорят, что бобры определенно стараются содержать свои каналы в порядке, не любят, когда в них попадает мусор. По таким артериям они сплавляют обрубки деревьев и ветки. Это ведь легче, чем тащить их в зубах и в лапах.

Проект четвертый — плотины. Как раз тот проект, на который давно израсходованы все антропо-

морфические сравнения, все хвалебные эпитеты. В Америке, говорят, у бобров есть плотина высотой четыре с половиной, а длиной 652 метра!

Работая сообща, бобры сваливают посреди реки стволы деревьев, камни, ветки, ил, чтобы образовался островок. Потом по сторонам островка по направлению к берегам складывают годный для запруды материал, заплетают ветками, обмазывают илом, глиной, подпирают кольями, распорками из бревен, нередко уперев их одним концом в плотину, другим в дерево напротив. Складывают и плетут... Пока не достигнут берега. Вода идет вширь и вверх, переливается через край, делает промоины. Но упорны строители. Таскают, плетут, наваливают, замазывают... Глядишь, уровень воды поднялся, блистает спокойной гладью, а излишки ее выливаются по надежному стоку из плотно сплетенных ветвей. Такой сток реке не размыть.

Одной плотины мало. Не могут бобры равнодушно смотреть, как бесполезно утекает куда-то драгоценная влага. Ниже по течению строят еще одну, потом еще, еще... В результате — целый ряд прудов, как ступени большой лестницы. А еще лучше сравнить их со шлюзами, со ступенями бьефов. Иногда, не соразмерив свои желания с планами человека, бобры захватывают под водоемы обширные луга с ценными покосами. В Америке подобные случаи настолько участились, что люди вынуждены были применять взрывчатку. Однако бобры быстро восстановили разрушенное. Тогда вместо динамита пробили плотины дренажными трубами, то есть дополнительно к стоку, достаточному, по мнению бобров, добавили еще один или два. На этот раз «о кэй» сказали фермеры и возрадовались. Но...

Здесь самое время вернуться в национальный парк Бруси, к обещанному рассказу об опыте Ришара. По примеру американцев он пробил под плотиной дыру и пропустил сквозь нее дренажную трубу. Довольно длинную, так что входное и выходное отверстия оказались на порядочных расстояниях по обе стороны плотины.

Вода стала убывать. Бобры засуетились.

Вначале они кинулись надстраивать сооружение сверху, заделали все стоки, но вода все уходила. Тогда ненужную работу бросили.

И догадались-таки, что во всем виновата труба! Решили заделать входное отверстие. Но там оно было не одно. Кроме основного открытого зева, Ришар просверлил в трубе и несколько боковых дырок. Эти дырки бобры не смогли заделать. Большую заткнули, а все, что лепили на маленькие боковые, вода смывала. Работу бросили.

Зоологи наблюдали за животными из укрытий, смотрели и забавлялись: очень потешно ходили бобры взад-вперед, высматривали, что б еще такое сделать, точно прорабы на месте будущей стройки.

Сообразили бобры заткнуть и другой конец трубы. Но там течение, разогнавшись по трубе, было слишком сильное, и все, чем затыкали, сносилось моментально.

И эту работу бросили.

И все-таки вышли из положения! Выстроили плотину, которая обогнула нижний выходной конец трубы. Раз уж вода льется, так пусть льется в наш новый пруд!

Можно ли после этой истории сомневаться в том, что бобры действительно инженеры! Кстати, зимой бобры спускают часть воды из запруд, чтобы подо льдом образовались пустые пространства. Там, между льдом и водой, резвятся и кормятся.

И еще. Бобры одной семьи уживчивы, мирны, любят даже повеселиться, поиграть. Самец обычно всю жизнь живет с одной самкой, хотя порой и других, холостых, не упускает. Но с чужаками бобры бесцеремонны. В особенности если кормного участка и воды самим едва хватает. Или если все самки давно просватаны. Дерутся жестоко. И вот при такой-то, мягко говоря, непреклонности, когда наступает засуха и мелеют водоемы, бобры собираются вместе, где еще осталась вода. Не дерутся, и хозяева не гонят гостей. Засуха — беда общая...

Мясо у бобров съедобное. Ценится людьми и «кастореум», или «бобровая струя», помогавшая будто бы в старину от разных недугов. Поручик и кавалер Фаддей Козьмич Прутков, когда почувствовал себя нездоровым, вспомнил о ней:

Сегодня не поеду на развод,
У меня немного болит живот.
Даже с трудом на ногах стою —
Принеси мне бобровую струю.

А моряки уверяли, что «бобровая струя» помогает и от... страшных спрутов. Отпугивает, если растворить ее в воде. Ныне подобные легенды опровергнуты просвещенной наукой. Но в медицине, и особенно в парфюмерии, спрос на «кастореум» еще есть.

БУДЬТЕ КАК ДОМА!

Первое знакомство ондатры с нашей страной произошло в знаменательном для нее месте, на Соловках.

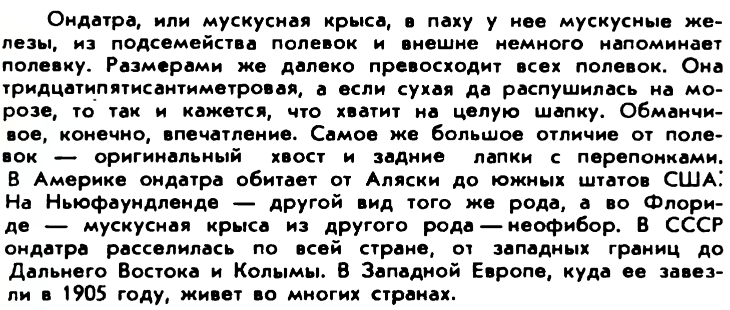
Туда, на Большой Соловецкий остров Белого моря, в 1928 году явилась она как эмигрантка из

Северной Америки. Остров был для нее карантином, который полагается пройти пришельцу, прежде чем свободно ступить на земли большой страны. Но ондатра на Соловках, а затем на острове Карагинском близ Камчатки повела себя вполне благонадежно. Охотоведы обзавелись специализированными племенными фермами, расселили в разные края страны ондатр, и уже через семь лет появилась и новая охотничья специальность — ондатролов. Сейчас у нас в год добывают больше четырех миллионов шкурок. Во всем мире в иные годы больше семи миллионов, а в прошлом веке только на лондонских рынках продали 160 миллионов ондатровых шкурок!

Весна на Соловках... Ночь отличается от дня лишь тишиной, молчанием озер и тенистых проток. Раздвинешь заросли, и... Один шлепок, второй, третий... Ондатры, ныряя в воду, шлепают хвостами, предупреждают товарищей. И неизвестно, кого предупреждает последняя, замешкавшаяся зверюшка. Шлепнула. Если же изловчишься подкрасться незаметным и бесшумным, то услышишь, как хрустят перегрызаемые стебли камыша или рогоза, осоки, тростника, услышишь шелест, чавканье и даже «скрежет зубовный». Шумно едят ондатры. Обычно на берегу или на кочке, но едят ондатры и лежа на воде, приподняв для равновесия кончик голого, сжатого с боков хвоста.

Ондатра, или мускусная крыса, в паху у нее мускусные железы, из подсемейства полевок и внешне немного напоминает полевку. Размерами же далеко превосходит всех полевок. Она тридцатипятисантиметровая, а если сухая да распушилась на морозе, то так и кажется, что хватит на целую шапку. Обманчивое, конечно, впечатление. Самое же большое отличие от полевок — оригинальный хвост и задние лапки с перепонками. В Америке ондатра обитает от Аляски до южных штатов США. На Ньюфаундленде — другой вид того же рода, а во Флориде — мускусная крыса из другого рода — неофибор. В СССР ондатра расселилась по всей стране, от западных границ до Дальнего Востока и Колымы. В Западной Европе, куда ее завезли в 1905 году, живет во многих странах.

Сходство бобра и ондатры в некоторых повадках немалое. Американские индейцы, народ наблюдательный, назвали ондатру младшим братом бобра. Но они не родственники, а если ветви их фамильных древ и цепляются, то где-то в палеонтологическом прошлом. Бобр из подотряда белкообразных, а ондатра из мышеобразных.

Ондатра, как и бобр, — строитель. Правда, она не воздвигает величественных плотин, но ее хатки определенно созданы по известному нам бобровому чертежу. Только поменьше. Однако если хатка старая, она весьма внушительна: высота больше метра и в диаметре не меньше. Материал, естественно,

более легкий. В основном сухие травы, тростник, камыш, осока, скрепленные илом. Если дно не очень надежное, рады любому твердому предмету. Под ондатровой хаткой находили стоптанные сапоги, консервные банки, бутылки.

В тех местах, где есть высокие берега, ондатры роют норы. И тоже по бобровому принципу: вход под водой, а затем тоннель кверху, где гнездо.

Сорок лет назад ондатре предложили непростую задачу. Выдали авансом корм, воду, землю. Предстояло преодолеть конкурентов, хищников, времена года...

И тут зверек показал, на что он способен. Повсюду, от полярных Соловков до Монголии и Китая, возникали их хатки и норы. Сколько ни измеряли исследователи температуру в этих жилищах, даже в самые сильные морозы ртутные столбики ниже нуля не опускались, а чаще показывали восемь, девять градусов. Это ведь совсем тепло!

...Иногда водоемы промерзали до дна. Но ондатры, предчувствуя суровую зиму, уходили из мелких водоемов, уходили еще осенью.

Лед, не очень толстый, — верный друг. Подо льдом ондатры путешествуют спокойно и беспрепятственно. Их шкурка хранит, как в кислородном баллоне, 200 кубических сантиметров воздуха. В воде воздух, естественно, пузырьками устремляется из волос вверх и собирается подо льдом. Ондатры потом находят его и дышат им. Самое же главное — специальные отверстия во льду, продухи, воздухозаправочные станции на подледных маршрутах.

Но ведь самое страшное в нашей зиме не лед, не снег, не холод, а голод! Однако и он ондатре не очень опасен. Она не поленилась выстроить специальную хатку, в которой чего-чего только нет. Рассортированы и уложены там в одну сторону сытные корни тростника, в другую — роголистник, лежат тут и моллюски, порой и мелкая рыба. Ондатры ведь и это едят, а еще лягушек, раков. Свои хранилища зверек устраивает в норах, а иногда в пристройке к жилой хатке, как подскажут обстоятельства. Во всяком случае, ни мерзнуть, ни голодать ондатре зимой не приходится. По некоторым подсчетам, выходит даже, что для нее это благодатное время года: численность ондатр зимой самая стабильная.

Весной труднее. Весной реки выплескиваются из берегов. Пусть бережется тот, кто дом ненадежно строит! Вода прибывает. Но деловиты ондатры. Хатку того и гляди затопит, бежать надо, а они ремонтом занялись... Таскают со дна корни с грязью и

укладывают на крышу. Через несколько часов у хатки вырос новый этаж, который вода уже не затопит.

С весенней стихией справятся. Но тут властно заявляет о себе инстинкт продолжения рода.

В большой хатке зимовала большая семья, может быть, их было двадцать. Делились пищей, теплом, ласкались. Но что случилось? В семье склока, свара. Пришла пора гона, а с ней и необходимость покидать родной дом, который скоро может стать слишком тесным.

Прибылые зверьки, прошлогодние дети, прямо скажем, выгоняются на все четыре стороны. Хорошо, если места вокруг не заняты и можно где-нибудь поблизости построить собственную хатку. Но часто блудного сына поневоле ждут не свободные кормные участки, а острые резцы соседей. И идет молодой грызун куда глаза глядят. Далеко уходит. И делает нужное для звероводов дело — расселяется.

Иногда удивительные встречи бывают: озерцо в полупустыне, вода для питья почти непригодная, соленая, но в зарослях тростника — знакомый куполок хатки. Невольным уважением преисполнится человек к ее обитателям: ведь сколько верст прошли по негостеприимной земле, сбивая в кровь лапы и хвост. И дошли! Впрочем, такие путешествия чаще кончаются гибелью. Гораздо успешнее они, если совершаются торными голубыми путями: реками, ручьями, каналами.

Весной обстановка в ондатровых поселениях напряженная. Мало того, что самцы бросаются по любому поводу в драку, — самки вдруг начинают выказывать нетерпимые характеры. Сергей Владимирович Мараков в отличной книжке «В джунглях Прибалхашья» пишет, что в дерущихся парах «всегда в роли преследователя оказывалась самка»! Следствие их гнева — расселение и предотвращение чрезмерной плотности популяции, а это одинаково выгодно и ондатрам и человеку.

Когда через 25 дней, таков срок беременности, в притихшей хатке послышится шесть-семь писков, мамаша — воплощение доброты и самоотверженности. Если угроза реальна, она ныряет вместе с малышами, которые висят у нее на сосках. А отец, забывая о собственных нуждах, все тащит и тащит пищу в дом, чтобы не голодала семья. Вообще, начиная с этого времени забот ему хватит надолго: самка, если климат подходящий, за лето принесет до трех пометов. Хатка превратится в детскую. Впрочем, бывает, что семья вырастает и до размеров небольшого детского сада. Это когда в хатке поселятся две дружные супружеские пары.

Ондатрята быстро вступают в пору неразумного детства, когда подвижность еще не контролируется жизненным опытом. Врожденные инстинкты побуждают их к первым неумелым попыткам ремонта и строительства, но детство есть детство: то молодой мускусный крысенок чрезмерно намок, и ему уже не выплыть, то шляется по берегу, и тень хищных крыльев уже опустилась на него...

Семья неизбежно редеет, но у тех, кто в ней остается, чем ближе к осени, тем яснее заметна привязанность к своему дому, к своему участку, то есть к довольно ограниченной площади, которая вряд ли бывает больше пятидесяти метров в поперечнике. А здесь все четче проступают скрытые прежде буйной весенней зеленью тропинки, кормовые столики, площадки, где занимаются чисткой шкурки, уборные, своеобразные причалы — вытертые, округленные края берега, где обычно вылезают из воды, кочки, превращенные то ли в наблюдательные пункты, то ли в удобную мягкую мебель, так и манят к отдыху.

Приближение холодов зовет к труду. Строят. Запасают. Ремонтируют. Дети стали рослыми и сильными. Отлично роют, не ленясь.

Вообще осень пора мира. По первой пороше притащится, бывает, зверек, потерпевший где-то жизненную неудачу, и его не прогонят. Чем компания больше, тем теплее в гнезде...

Ученые, затевавшие переселение ондатры, конечно, самым серьезным образом обсуждали вопрос о том, чьей жертвой ей суждено стать и насколько это опасно для сохранения популяции. Легко было предположить, что у нас, так же как и в Северной Америке, врагами ондатры станут совы, лисы, рыси, куницы, орлы. Но все оказалось не так просто.

Само собой разумеется, болотный лунь хватал больших крыс, явившихся из-за океана. Но, попробовав разок-другой острых зубов сильного самца и расправляя потрепанные перья, все больше убеждался в том, что нападать на ондатр, пожалуй, не стоит. Лиса первое время была озадачена невиданным сооружением — хаткой: внутри полным-полно мяса, а попробуй возьми! Корябает обледенелую хатку снизу, а копать-то надо сверху, где от дыхания ондатр крыша размягчилась!

Зато обнаружились у ондатры совсем неожиданные враги. Например, кабан, вороны, черные и серые.

Кабан, подобно бульдозеру, разрывает в поисках запасов ондатр (да и хозяев не щадит!) за одну кормежку по 20—25 хаток! При такой производительности небольшой гурт диких свиней быстренько разделается с местными поселениями ондатр.

Но ради процветания кабанов многое можно было вытерпеть. Другое дело ворона. Эта птица, заклейменная в известной басне как очень глупая (сыр лисе отдала), на деле показала себя умней лисы. Повадки ондатр изучила, знает, когда их можно взять, и нападает часто целой шайкой.

Звероводы ондатровых хозяйств жалуются еще на дворняг, которым не сидится на цепи. Эти преследуют ондатр даже на воде.

Что касается отношений ондатры с другими соседями, то тут обстоятельства складываются явно в пользу новосела. Для рыбы она полезна: обогащает воду кислородом, делая во льду отдушины, производит бесплатную и добросовестную расчистку зарастающего дна, уничтожает жуков-плавунцов — губителей мелкой рыбы. Новоселы явно понравились полевкам и мышам, которые часто поселяются в стенках хаток. Иной раз даже серый гусь вьет гнездо на крыше ондатрового домика. Очень удобно: и видно далеко, и вода рядом.

Кое-кого ондатра потеснила. Во-первых, водяную крысу. Но этой, как говорится, так и надо. Во-вторых, выхухоль. Отдельные наблюдения говорят: ондатры нападают на выхухолей, гонят от водоемов. Если так, это плохо.

В 1922 году нутрий стали разводить на фермах Южной Америки, позднее — в США, СССР и Западной Европе. Хотя в последние годы законодатели мод и отвергают нутрию, тысячи ферм продолжают разводить этих грызунов, выведены уже расы белых и кремовых нутрий. На воле более или менее удачно удалось акклиматизировать нутрий только в СССР и США.

Пришла очередь рассказать о другом нашем новоселе, о нутрии.

На этого грызуна в нашем климате несчастья валятся куда чаще, чем на ондатру. Он даже имя свое потерял. Испанские конкистадоры, когда принялись знакомиться с легко доставшимся им призом — Южной Америкой, увидели в болотах, в тихих заводях рек зверя, который плавал. Этого оказалось достаточно, чтобы завоеватели сказали: «нутрия», то есть «выдра». Потом, когда пришло время дать ей имя на иных европейских языках, не нашли ничего лучше, как «бобровая крыса» или даже «болотный

бобр». А в пушной торговле нутрию называли также и... обезьяной!

Но нутрия не бобр, не выдра и тем более не обезьяна. Она сама по себе. Родом из Аргентины и Чили, из подотряда шиншилл, агути, морских свинок и других южноамериканских грызунов. Весу в ней полпуда, длиной она сантиметров шестьдесят, хвост у нее круглый, с чешуйчатой кожей и немного волосатый, на задних лапах перепонки.

В 1930 году нутрии, как и ондатре, предложили освоиться на широких просторах нашей страны. Но хотя за сорок лет нутрий в нашей стране стало около двухсот тысяч, большинство из них живет на так называемом «полувольном разведении». Лето проводят в водоемах, а к зиме многих из них забивают, а лучших производителей держат до весны в клетках.

Почему ондатру сейчас можно встретить где угодно, а нутрия, хотя их не раз выпускали в Средней Азии и Закавказье, прижилась не всюду? Для нее губительны морозные зимы и лед на водоемах.

Неуспех акклиматизации нутрии объясняется, по-видимому, и кое-какими ее повадками.

Норы, если берег крутой, она выроет, но неуютные: ни травы, ни шерсти не настелит — так на сырой земле и лежит. И вход в нору не под водой, как у бобра и ондатры, а над ней: большая дыра видна всякому любопытному, и никому не возбраняется сунуть в нее свой нос или палку.

Но и такую нору нутрия роет не часто. Она предпочитает гнездо. Согнет тонкий кустарник, рогоз или тростник так, чтобы получилась более или менее крепкая «подушка», натаскает листьев — и лоток, на котором спит нутрия, готов. Тут под дождем и на ветру до трех раз в год рожает от одного до десятерых детенышей. К пяти месяцам они уже взрослые.

ПИРАТЫ — И ВСЕ ТУТ!

На родине нутрии по соседству с нею живет ихтиомис — рыбоядная водяная крыса. Она плавает и ныряет. Нор почти не роет, а прячется под камнями, в расщелинах скал.

Ловит рыбу, травкой и сочным корешком соблазняется не часто. И в низинных болотах, и в горных стремительных реках умудряется охотиться за рыбой. В Андах, на высоте около трех тысяч метров, в бурных водах, где течение до 40 километров в час, плавает и хватает быстрых и немаленьких, с ладонь, рыбок. А сам невелик. Из семи видов, проживающих на южно-американском континенте, крупнейший с крысу.

С пиратствующим грызуном Евразии мы с вами познакомились давно, еще в детстве.

«В эту минуту из-под моста выскочила большая водяная крыса.

— Это кто такой? — закричала она. — А паспорт у тебя есть? Давай сейчас же паспорт!

Но оловянный солдатик молчал и крепко сжимал ружье...» (Андерсен).

Водяная крыса, а точнее полевка, немного крупнее ихтиомиса, длина тела до 25 сантиметров. Но если ихтиомис специалист узкий, то водяная полевка — универсал.

В воде она ловит мелкую рыбу, моллюсков, насекомых, раков. На суше грызет травы, портит тополь, черемуху, иву, яблони, объедая кору, побеги и корни. Иногда так подгрызает, что небольшое плодовое дерево никнет и падает! Сносно лазая по стволам, зорит гнезда. Мелкий собрат по отряду — полевая мышь, не попадайся на пути водяному разбойнику — съест! В огородах, особенно вблизи пойм, водяная полевка губит картофель и другие овощи. В Голландии зимой пожирает миллионы клубней знаменитых на весь мир тюльпанов! Да и полям от нее вред: бывало, в пору массового размножения с целыми урожаями расправлялась, подгрызая стебелек за стебельком.

Иногда водяные полевки так плодятся, что люди, ополчась на них, добывали за месяц до четырех миллионов, например у нас под Томском. В Германии на лугу в 330 гектаров 34 человека убили 50 тысяч водяных крыс. Ведь селятся они не только у воды, а и в полях, огородах, заболоченном мелколесье, даже в сараях.

Темно-бурое, иногда очень темное, почти черное существо, с виду неловкое. И между тем классный землекоп. В десяти-пятнадцати сантиметрах от поверхности земли роет длинные тоннели, в которых кормится подземными частями растений. Под берегом копает направленные вверх норы: вход под водой, гнездо на суше. Роясь под землей и зимой и летом, выбрасывает на поверхность кучки земли, похожие на кротовые, но более плоские и с остатками растений в них. Часто бегает готовыми кротовыми ходами, чтобы добраться, не тратя сил, до корней и клубней. Садоводы, обнаружив у загубленного водяными крысами дерева или картофеля кротовые норы, часто обвиняют в своей беде кротов.

На зиму, когда промерзают берега, уходят водяные полевки в луговины, кустарники и сады. Запасают корневища тростника и картофель.

Водяные крысы очень плодовиты, приносят до шести пометов в год, а в каждом до восьми детенышей, которые через месяц уже уходят от родителей. На наше счастье, высокие паводки, засухи и еще какие-то причины снижают «демографическое давление» в популяциях этих полевок.

А кроме того, если помните, объявлена серьезная тяжба в споре за угодья: «ондатра против водяной полевки». Будем надеяться на ее благоприятный исход.

Есть еще водяные крысы довольно обширного подсемейства (13 родов). Их родина Австралия, Новая Гвинея, Фи-

липпины. Встречаются среди них и крупные, до полутора килограммов. Большинство коричневого цвета. Мех некоторых, между прочим, ценится. Многие хорошо плавают, ноги у них с перепонками, хвост уплощенный, как у ондатры.

КРУПНЕЙШИЙ!

«Четвероногое было похоже на кабана. Когти лап, которыми животное сейчас отчаянно упиралось в землю, казались объединенными перепонками. Герберт узнал в этом животном водосвинку — одного из крупнейших представителей отряда грызунов» (Жюль Верн).

Это отрывок из фантастической книги. Поэтому, остерегаясь неточных знаний, повремените, не принимайте картину, нарисованную писателем, за подлинное представление капибары, она же водосвинка, действительно самого крупного грызуна, весом до 50 и больше килограммов. Капибара на языке индейцев гуарани значит «господин травы».

Правды ради замечу, что капибара на Таинственном острове, волею автора расположенном в Тихом океане, просто невозможна. Слишком далека настоящая родина этих зверей — Южная Америка. Но на то и фантастика: остров, как вы помните, был богат многими животными, которые могли оказаться там разве что после оставшегося неизвестным акклиматизаторского порыва библейского Ноя, проплывавшего мимо на своем ковчеге.

Капибар два вида. Один населяет центральные южноамериканские районы к востоку от Анд. Другой вид или подвид почти вдвое меньше и водится только в Панаме. Они похожи как внешне, так и повадками. У нас поэтому есть повод сосредоточить свое внимание на первом — Голиафе племени грызунов.

Квадратная морда с большими надменными глазами, несколько горбоноса, на переносье немного возвышается большая пахучая железа. Хвоста почти нет, но зато сзади мощный огузок, увесистый, как курдюк. На лапах, как правильно заметили герои Жюля Верна, перепонки.

Как и все грызуны, приличным голосом капибара не обладает. При всей своей внушительности она не способна ни рявкнуть, ни взлаять, ни завыть и чувства свои выражает невнятным ворчанием, визгом, «скрипом», в котором некоторые слушатели улавливают что-то вроде «хи-хи» или «хе-хе», что дает им основание называть это странное звукоизвержение «хихиканьем».

Капибара зверь флегматичный, а если сказать прямо — ленивый. Зоологи долгое время не могли найти и описать ее логовище, ожидали чего-то необыкновенного. Оказалось же, что она никакого ло-

Самый большой грызун мира — капибара, или водосвинка! Она весит 50—90 килограммов. Похожа капибара на увеличенную во много раз морскую свинку.

говища и не думает строить: спит прямо на земле, в лучшем случае разрыхлив под собой почву, чтобы образовалась неглубокая ямка.

Уединенные реки, озера, болота спасают капибар от пум, ягуаров и охотников. Правда, там же нередко встречает капибару пасть крокодила — пожалуйста! Но в воде капибара не беспомощна, плавает быстро, ныряет глубоко и надолго. Высунув над поверхностью ноздри и глаза и укрывшись за кучей водорослей или корягой, плывет совсем невидимая. Или погрузив массивный огузок в жидкую грязь, сидит дремлет, купается где-нибудь в уединении. Стоит по брюхо в воде, как обыкновенная домашняя скотина, и ест все сочное, что растет в воде. Случается, небольшое стадо капибар пасется вместе с домашним скотом где-нибудь невдалеке от реки.

Там, где капибар преследуют, а преследуют их за вред, который они местами причиняют сельскому хозяйству, ради мяса, впрочем невкусного, и резцов, из которых местные ювелиры делают украшения, — там капибары осторожны и предпочитают пастись ночами.

Еще совсем недавно, по-видимому уже после Колумба, вымерли на Антильских островах грызуны, которые были так же массивны, как небольшие медведи. Их родичи еще живут в Андах. Это пакараны. Сто лет назад их открыли польские исследователи. После этого их видели и ловили всего несколько раз.

По соседству с капибарой, в тех же лесах и обычно тоже у воды, живут грызуны по имени пака. Они хорошо плавают. Похожи на водосвинок, но меньше, до 10 килограммов. Морды поострее, по бурому фону на спине и боках тянутся собранные в продольные ряды белые пятна.

Пакарана — третий после капибары и бобра среди грызунов тяжеловес, до 16 килограммов. Очень похож, даже окраской, на паку, но у него есть средней длины довольно пушистый хвост. (Пака бесхвостая, как капибара.) Живет в Андах, всюду редок, почти истреблен.

Вот, собственно, и все о грызунах, живущих в воде и у воды. К сожалению, не всех удалось упомянуть, но и без того рассказ получился длинный.

ВОЗЛЕ НАС

Зрение у крыс весьма посредственное. Фотографии, сделанные с помощью хрусталика, извлеченного из крысиного глаза, доказывают, что фокусное расстояние у этого своеобразного «объектива» около 8 сантиметров. Следовательно, он обладает свойствами хорошо известного фотолюбителям объектива «Юпитер-9», предназначенного для портретной съемки и рисующего очень мягко, но дающего угол изображения лишь в 16 градусов. Надо еще принять во внимание, что в хрусталике и масштабы не те, поэтому пространство, которое крыса может окинуть взором, весьма и весьма невелико.

Правда, вращение головой фактически восполняет этот недостаток. У крысы всю жизнь перед глазами только серое, белое и черное. Голубовато-зеленые лучи она еще кое-как воспринимает, а на красный цвет реагирует, как на полную темноту. Обоняние у крысы не тоньше, чем у человека, а

ведь мы о своем невысокого мнения: чувствуем запахи лишь самые сильные и даже не пытаемся отыскать чего-нибудь по следу.

Слух у крысы тоже ограниченный. Представьте, оглушительный вопль сирены, непрерывно тянущей ноту «ми», крыса не слышит. Чистые тона она вообще не различает, только шорохи. Однако определить толком не может, откуда они исходят. Правда, к тонам ниже 8 килогерц крыса чувствительна лучше нас.

Казалось бы, обиженный природой зверь. Но погодим сочувствовать...

Звери невеликие: длина тела от 13 до 26 сантиметров да плюс хвосты с сотней-другой чешуйчатых колец, еще 10—23 сантиметра. Цвета носят скромные: серый, черноватый, рыжеватый. Весят до полукилограмма.

Настоящие крысы (рот раттус) разделяются на 137 видов и 570 подвидов и рас. Населяют, по существу, весь мир, только в Америке их прежде не было да кое-где на островах. Но вслед за человеком крысы расселились почти всюду. В СССР три вида: туркестанская крыса (Средняя Азия), серая (почти всюду, кроме пустынь Средней Азии и некоторых районов Восточной Сибири) и черная (в европейской части СССР, местами в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Особенно много черных крыс на Курильских островах).

Черная — прирожденная высотница, поселяется в верхних этажах, даже на чердаках. Серая, наоборот, привержена к подвалам, а если случается ей заниматься «уборкой» урожаев, произрастающих вдали от селения, то роет там норы, строит гнезда или живет в дуплах. На севере вся жизнь ее связана с жилищем человека, на юге крысы обычно только на зиму переселяются в дома и другие постройки (даже в холодильники, где температура минус 10 градусов!). Некоторые южные серые крысы и зимой и летом живут в природе.

Серая. Она же амбарная, она же щур, карако, она же пасюк. Это, так сказать, некоторые клички, из них самая распространенная последняя, присвоенная на Украине и принятая в лабораториях. Мы ею тоже воспользуемся. Это в основном пасюк совершает странные и часто необъяснимые деяния. Мамаша-крыса за год приносит до трех пометов, в каждом до 15 детенышей, в среднем семь. Через 3—4 месяца они уже размножаются, так что от одной крысы за год может «произрасти» сто!

Беременная крыса сразу же принимается за строительство гнезда. И самец помогает ей в меру своих сил. То соломинку принесет, то пушинку. Если холода близки или уже наступили, работа идет веселей и качественней. Интересный опыт проделал один польский ученый. Он удалил у крысы-созидательницы щитовидную железу. После этой операции крыса потеряла чувство меры и показала, на что способна: гнезда строила огромнейшие, расходуя в сутки по 150 метров бумаги! У здоровой крысы, когда гнездо готово, строительное рвение пропадает.

Итак, двенадцать народившихся ртов, бывает, конечно, и меньше, занимают свои места у двенадцати сосков. Первые два-три дня они сосут непрерывно. Желудки у них сокращаются в постоянном ритме, как бы командуя: ешь! ешь! ешь!

На пятнадцатый день крысятам открывается серый, неприглядный мир. Уже в самом начале жизненного пути, еще ничего не зная, они проявляют кое-какую опытность. Ползти, например, стараются в ту сторону, где потемней, а если посадить крысенка на наклонную плоскость, взбираясь по ней, он выберет наикратчайшее расстояние. Это инстинктивное наследство предстоит обратить в комплекс умений и знаний, нужных путешественнику, гангстеру, авантюристу. Таинственные университеты ждут маленькое существо. Таинственные для нас, потому что крысы не любят делиться секретами.

Правда, ученые нашли способы приподнять завесу над крысиной «педагогикой». Лучший из них прост и остроумен. Они решили сами заняться обучением крыс.

Крыс учили находить дорогу в специально построенных лабиринтах. Ученым не удалось построить такого лабиринта, которым бы не сумел овладеть хоть один из подопытных грызунов. Учили лазать по лестницам с полки на полку. Крысы сами поднимали лестницу, соединявшую две нижние полки, ставили ее на второй полке, прислонив верхним концом к третьей, где лежало угощение, и, проявив такие редкие дарования, добирались до него!

После 200—300 пробежек крысы научились безошибочно ориентироваться в лабиринтах. Задачу усложнили: завязали крысе глаза. Все равно нашла дорогу! Лишили ее обоняния — нашла! Сделали ее глухой — нашла! Произвели анестезию осязательных нервов лап — нашла обещанный гостинец! Выключили несколько органов чувств сразу — и тут не растерялась, нашла то, что требовалось. Но самое интересное: уж очень быстро приспосабливалась она к своим новым физическим недостаткам. Завяжут ей глаза — работает на ощупь, лапами и вибриссами. Вибриссы обрежут и лапы анестезируют — идет, касаясь стенок боками. Однако когда лабиринт развернули на 180 градусов, крыса заблудилась.

Крыс учили распознавать нарисованные фигуры, и тут они проявили немало сноровки: быстро запоминали рисунок, обещавший награду, узнавали его, если даже он был включен как составная часть в другой узор. Узнавали и когда изменялся его размер.

Выводы, сделанные учеными из опытов с крысами, таковы. У крыс есть некий высокоорганизованный нервный механизм рационального руководства. Он действует на основе показаний, собранных органами чувств. Запоминает эти показания и применяет в подходящих условиях. Вы не узнаете его?

«Это мыслящий мозг», — говорит кто-то. Может быть. Но утверждать рано. Молодая наука о поведении животных еще не располагает достаточными доказательствами.

О крысах рассказывают удивительные вещи!

Лежал Николай К. на печи. Вдруг слышит «топот». Появляется крыса. Николай помешкал кинуть в нее валенком и стал свидетелем того, о чем, клянется, никогда не забудет.

На полу неизвестно зачем стояла бутылка с топленым маслом. Крыса внимательно ее обследовала... Николай медлил, уверенный, что ей ничего не поделать с бутылкой. Ведь чтобы вылить топленое масло, надо его опять растопить. (Он, как видно, не знал, что крысы разгоняют закупоренные стеклянные банки до высокой скорости, чтобы они разбились о стену!) Исследовав бутылку, крыса повалила ее на пол и зубами выдернула бумажную затычку. Затем она втиснула в узкое горлышко хвост, окунула его в мягкое масло и, вытащив, облизала. Эта операция повторилась несколько раз.

Насытившись, воровка удалилась, оставив Николая в смятенных чувствах. Но через несколько минут явилась вновь. Теперь за ней чинно шла вся семья: восемь крыс, явный молодняк. Старшая крыса подвела молодых к бутылке, сунула в нее хвост, облизала его и отошла в сторону. Молодежь некоторое время бездействовала, но вот один крысенок лихо повторил мудреную операцию. За ним — другие, и вскоре все семейство облизывало смазанные маслом хвосты.

Потребность крысы в движении весьма значительна. Помещенная во вращающийся барабан подопытная крыса «накручивает» за день 8—16 километров, а рекорд — 43!

Серые крысы есть почти везде. Говорят, нет их в Антарктиде и Гренландии, я думаю, на Северном полюсе тоже...

До 1553 года их не было и в Европе. И вдруг... Несметные полчища хлынули на города и мелкие населенные пункты. В пешем строю овладели Европой, а потом — айда на корабли! Даешь новые континенты и острова!

Может быть, кто-нибудь из читателей видел уникальные кинокадры: пасюк по причальному канату перебирается на судно. Плоская деревянная муфта надета на канат, ее грызуну не перелезть... А он и не пытается. Добравшись до муфты, отцепился и плавает, ожидая, когда канат ослабнет и коснется воды. Тогда он драгоценных мгновений

не теряет, повиснет на канате, по другую сторону муфты, и через минуту уже пассажир. На что военные моряки любят чистоту, но и им приходится ходить в походы с такими тварями на борту. Казалось бы, порт — отличное местожительство, а вот лезут на корабль, и все тут.

Прибыв на новые земли, серый конкистадор ведет себя согласно законам всякого колониализма: грызет горло конкурирующим видам. И в общем, везде таким образом нормально обживается. Но, кажется, не повезло на Фиджи. Там местная рыжеватая крыса встречает пасюка постоянным отпором.

Нашествие началось, по-видимому, из Китая: на кораблях в Европу и пешком на север (из Китая) и на восток (из Европы). В XVIII веке пасюки уже перешли Волгу. Раньше серые крысы водились только в Юго-Восточной Азии. Что толкнуло их перебраться через Великую стену и многомиллионными ордами устремиться на завоевание земли? Надо полагать, демографический взрыв (вспомните, одна самка может принести 100—120 потомков в год!). Такое же завоевание мира было совершено и маленьким серым соседом крысы в наших поселениях — домовой мышью. Отправившись в вояж примерно из тех же стран, мыши, следуя за человеком, расселились по всему миру, даже на юг Гренландии перебрались, образовав более 130 разных форм и рас.

Они везде, мыши и крысы, и нигде. Мы порой забываем об их существовании. Недоумением и улыбкой встречаем навязчивый вопрос санитара: «Крысы не беспокоят?» — «Какие крысы? Мы их в глаза не видели».

Действительно не видели. Ибо «в расчет» этих животных не входит появление пред наши очи. Человек изобрел множество способов борьбы с крысами. Но среди них нет ни одного радикального. Причина — потрясающая приспособляемость крыс.

Главный жизненный фактор — питание — для них не проблема. Они всеядны. Все, что ест человек, им тоже пища. Но они могут сожрать простыню, обувь, книгу, кожу, кости, кору деревьев. Конечно, при отсутствии сыра «рокфор», который особенно любят.

Они враги птиц. Ночные вылазки крыс по гнездам за яйцами и птенцами — бич пернатых. Они пробираются в стаи гусей и выгрызают у бедняг перепонки на лапах. Утят ловят прямо в воде.

Они враги домашних животных. У свиней и овец выгрызают мясо из боков, а от теленка могут оставить одни косточки.

Да это что. Гибель трех слонов знаменитого Гагенбека в одну ночь — дело крыс. Они объели слонам подошвы ног.

Нападают крысы и на человека. Их жертвы — прежде всего дети.

На счету крыс уничтоженные урожаи и отравленные водоемы... А чума, бруцеллез, рожистые воспаления, трихинеллез. Они природные носители возбудителей этих болезней. С 1900 по 1925 год в Гамбурге было уничтожено 650 чумных крыс. Это ведь в потенциале 650 эпидемий.

«Болезни, занесенные крысами, надо полагать, унесли за последние десять столетий больше человеческих жизней, чем все войны и революции» (Эрнест Уолкер).

Болеет и сама. Хотя в общем плане эта тема и неинтересна, одна болезнь все-таки заслуживает внимания. Это так называемый «крысиный король». Несколько крыс (самая большая заактированная цифра, кажется, 27) срастаются хвостами или боками и в таком нелепом положении живут, не подыхают. Высвободиться из «короля» очень трудно и удается только самым сильным, да и то в порядке выкупа приходится оставлять кусок мяса или хвост. Полагают, что странное явление возникает в результате заморозков.

Считалось, что тому, кто найдет «крысиного короля», привалит счастье. Так оно часто и бывало, потому что никто не запрещал «счастливчику» показывать свою находку скучавшей публике за деньги.

Наш рассказ приблизился к завершению. Остается ответить на традиционный вопрос: «А какую пользу приносит описанный зверь?»

Вот как понимал ее Том Сойер:

«Он спросил Бекки:
— Вы любите крыс?
— Нет, терпеть их не могу.
— Ну да, живых и я тоже. А я говорю про дохлых, чтобы вертеть вокруг головы на веревочке».

Однако этим практическое значение крыс, кажется, не ограничивается. Соответственно обработанные, их шкурки годятся для шуб, а на лабораторных крысах, альбиносах, было проделано множество разных экспериментов.

ТРУБКОЗУБЫЕ

Еще недавно их объединяли в один отряд с неполнозубыми, теперь полагают, что известное сходство неполнозубых и трубкозубых — конвергентное, не генетическое. Скорее всего трубкозубые близки к каким-то вымершим древним копытным.

Миллионы лет назад трубкозубые обитали в Северной Америке, Европе и на Мадагаскаре. Ныне уцелели лишь в Африке к югу от Сахары (один, возможно, два-три вида). Животные массивные, вес 50—82 килограмма, высота в холке до 65 сантиметров. Спина горбатая, задние ноги длиннее передних, кожа толстая, прочная, с редкой щетиной (у эфиопских и центральноафриканских разновидностей) либо более густоволосатая (у капских трубкозубов). Пять пальцев на задних и четыре на передних ногах соединены в основании небольшими перепонками и вооружены сильными прямыми и широкими когтями. Морда узкая, как у муравьеда. Уши большие — длиной до 20 сантиметров.

Зубы уникальные. Они без эмали и корней, растут всю жизнь, каждый похож на невысокую трубку с плоской вершиной, сложенную из многочисленных вертикальных шестиугольных призм, окружающих трубчатое отверстие, заполненное пульпой. Молочные зубы скрыты в деснах и не прорезаются. У взрослых двадцать ложнокоренных и коренных зубов, которые не вырастают все одновременно. Резцов и клыков нет.

ТРУБКОЗУБ — ЗЕМЛЯНАЯ СВИНЬЯ

Трубкозуб — несуразный зверь: спина напряжена крутой дугой, морда вытянута трубкой, почти со свинячьим пятачком, уши ослиные, свернутый часовой пружиной змеевидный язык торчит порой из пасти, хвост толстый, неуклюжий, как у рептилии, волочится по земле, когти массивнее, чем у льва (прозвище «абу-делаф» — «отец когтей», из-за них), задние ноги на скаку опережают передние (как

у зайца), оттого след ложится на след, и получается большой «синтетический» отпечаток, словно оставил его неведомый доисторический ящер.

Послушайте, что рассказывали о нем вечерами (под аккомпанемент хоровых песнопений цикад) в походных палатках, раскинутых в саванне.

— Этот аардфарк, земляная свинья по-нашему, самая опасная тварь вельдов. Хоть жрет он только муравьев, и белых и всяких, а укусить может не больнее, чем беззубый младенец, но сколько людей из-за него пострадало! Сколько породистого скота поломало ноги. Охотясь верхом на буйволов, рискуете угодить не в одну, так в другую яму этого поросячьего муравьеда. А ведь бык только и ждет, когда вы свалитесь с лошади, чтобы подцепить на рога.

— Поверьте, сэр, местами на гектаре по двадцать нор этих самых трубкозубов. Одна нора на пятьсот квадратных метров. Тут уж, в какую сторону вы ни пойдете, самое большее через тридцать пять шагов наткнетесь на нору. Но если случайно окажетесь к ней ближе, то и через три или там семь шагов можете в нее упасть и поломать ноги. Вот за что не любят у нас трубкозубов и убивают. Хотя твари они безобидные и в здешних местах даже очень полезные.

Термиты давно бы съели наши дома, и мебель, и книги — всю древесину, до которой добираются по ночам. Они подползают тайно по подземным ходам, но слух у трубкозуба превосходный: он слышит «топот» миллионов их ног и под землей. Разроет тоннели, идет следом и слизывает всех липким языком. Вы видели термитники? Они, пожалуй, выдержат человека, антилопу, да и слона. Но трубкозуб когтями без труда пробивает их, а то такую дыру сделает, что весь в этот блиндаж заползет, да там и уснет. Шкура у него толстая, кусают его, облепят всего белые муравьи, а он спит. Аардфарк ест всяких муравьев, и тех зловредных, что воруют на полях зерно, и, представьте себе, саранчу ест! А уж она, когда налетит тучей, всю зелень сожрет, все опустошит. Термиты, те хоть портят мертвое дерево...

— Зачем же убивают трубкозубов, если от них столько добра?

— А вот из-за этих нор. И мясо у них прямо как поросячье. Особенно хороши копченые окорока. Однако, я слышал, не все любят его: жесткое будто бы и пахнет нехорошо. А кожа — лучшей кожи для ремней и сбруи не найти. Делают из нее и браслеты, а когти носят на счастье. Суеверие губит у нас еще многих животных.

— Ведь трубкозуб охотится по ночам, днем спит

и наверное осторожен, раз такой у него тонкий слух и нюх. Как же его поймаешь?

— Вы правы, днем его редко можно увидеть. Ночью он бродит много. Не спешит, но миль за десять иной раз уйдет от норы, где спал днем. И осторожен: в норе всегда лежит головой ко входу, спит и ко всему прислушивается. Вход еще и землей завалит, чтобы не беспокоили. Когда выходит, прежде послушает, нет ли шума какого, морду высунет, все обнюхает вокруг.

Вот по земле, которой он нору затыкает, африканцы и узнают, что тут он. Да и запах у него какой-то странный. Слышал я, что если трубкозуб спит в норе, то мухи слетаются к ней роями, как на падаль, и пауки тогда не дремлют, сразу заплетут паутиной траву вокруг и вход в нору.

Эта паутина тоже выдает трубкозуба охотникам. Окружат нору. Если она не глубокая, то заколют спящего и тогда откопают. Но бывает нора и глубокая, метра три, тогда копьем до него не достанешь. Убедившись в этом, идут искать новую нору.

— Почему же не раскопать, если охотников много?

— А это невозможно. Вы копаете, подбираясь к нему, а он еще быстрее роет и уходит глубже и дальше — ему ничего не стоит пройти под землей за полчаса ярдов двадцать и больше. Никогда до живого не докопаешься, даже если копать лопатами. А ухватить его за что-нибудь и вытащить совершенно невозможно. Я знал одного бура: он встретил трубкозуба и погнался за ним. Тот нырнул в нору, но бур успел схватить зверя за толстый хвост, уперся ногами в землю и держал изо всех сил. Но аардфарк оказался посильнее: тянул и тянул за собой в нору и затянул почти всего, потому что бур был упрямый и не хотел расстаться с добычей. Но расстаться все-таки пришлось, потому что торчать вниз головой в норе ему не понравилось. Товарищи вытащили его за ноги, а трубкозуб зарылся так глубоко, что откопать его не смогли и лопатами.

— Если он так силен, этот трубкозуб, то, наверное, никто из хищных зверей не захочет на него напасть?

— Молодых рвут гиены и дикие собаки. Самки приносят только одного, редко двух детенышей, осенью. Но, говорят, что и весной. Право, не могу вам сказать точно, когда они родятся. Двухнедельного, еще крохотного, оставляет она своего младенца ночью одного в норе. Самая опасная в его жизни пора: тут его готовы сожрать разные хищники. Особенно питоны, если мать плохо закроет вход землей. Потом он с матерью выходит на ночные

Ростом трубкозуб со среднюю свинью, но землю роет не хуже крота! Этот крупный зверь прячётся в глубоких (иные длиной в 20 метров!) норах собственного производства. Там, в прохладе, он спит в засушливый сезон, целыми днями не выходя на поверхность. Около 2 килограммов муравьев и термитов — ежедневный рацион трубкозуба.

прогулки. Плохо приходится ему и тут. Сам закапываться еще не умеет, только шестимесячный роет землю уже не хуже взрослого. Мать, правда, рядом, защищает его, но ведь дикие собаки, вы знаете, даже льва не боятся...

Кстати, скажу вам, видел я, как трубкозуб (он ведь неуклюжий, не антилопа, догнать его, кажется, нетрудно) удирал от льва: прыгал, словно кенгуру, на задних ногах. Прямо стрелой промчался. И лев не догнал. Но львы ленивы, много бегать не любят.

От леопардов и собак защищается трубкозуб отчаянно. Упрется хвостом в землю и бьет когтистыми передними лапами. А то упадет на спину и отбивается всеми четырьмя. Говорят, земляная свинья может и леопарду ребра поломать...

ДАМАНЫ

Отряд даманов, или жиряков, систематики объединяют со слонами и морскими коровами в один надотряд первокопытных. Какие-то древние звери, близкие к меритерию, родоначальнику слонов, десятки миллионов лет назад стали прародителями даманов. Некоторые из них были в то время ростом с небольшого медведя и жили не только в Африке, но в Европе и степях Азии. С одной стороны, даманы близки к древнекопытным, из которых ныне уцелели лишь трубкозубы, с другой — к слонам и морским коровам.

Современные даманы — животные небольшие, ростом с кролика, и лишь некоторые виды примерно с барсука, весят от 0,5 до 20 килограммов. Живут в скалах или на тропических деревьях. Все питаются растениями, поедают и насекомых. Резцы (в верхней челюсти два, в нижней — четыре) без корней, растут всю жизнь, задняя их поверхность без эмали, как у грызунов. Коренные зубы с тремя корнями и похожи на зубы носорогов, что дало повод Кювье назвать даманов «особым сортом носорогов в миниатюре».

Даманы стопоходящи, поверхности ступней голые, всегда влажны от выделений особых желез, покрыты складками и подушечками: их сокращают особые мышцы, создавая вакуумные полости на подошвах, и поэтому животные могут прочно присасываться лапами даже к отвесным поверхностям скал, по которым ловко бегают вниз и вверх головой. Хвоста или совсем нет, или он очень короткий. Роговица глаз с выпуклостью над зрачком, как козырьком прикрывающей его сверху от попадания прямых лучей солнца.

В отряде даманов три рода, 6—9 видов и больше 75 подвидов. Ареал — почти вся Африка, лишь некоторые виды обитают в Аравии, Палестине и Сирии.

«ВНУЧЕК СЛОНУ, ПЛЕМЯННИК НОСОРОГУ, ДЯДЮШКА ЛОШАДИ»

«— Да вот, — сказал он, — все хорошо знают слона, а про внучка слона мало кто знает!

— Какой внучек слона? — удивился я.

— Есть тут такой зверь. Слон громадный, а внучек его меньше зайца... Абиссинцы зовут его ашкоко...

— Что? Значит, ашкоко не внучек слону? — сказал свирепо Артем Артамонович.

— Пожалуй, если вы так хотите родства, то он внучек слону, племянник носорогу, дядюшка лошади, ослу, зебре и вообще всем непарнокопытным» (А. Чеглок).

Хотя во всех переводах библии даманы названы кроликами, тщательные исследования доказали, что их ближайшие родичи не зайцы, а... слоны! Даманы — самые крохотные из копытных и, пожалуй, самые искусные альпинисты: они быстро и ловко лазают по отвесным скалам и с легкостью прыгают через трех-пятиметровые расщелины.

Испания, где в историческое время даманов никогда не было, тем не менее обязана им своим названием. Несколько тысяч лет назад финикийцы впервые приплыли к ее берегам и увидели там множество диких кроликов. По ошибке или сознательно, теперь трудно установить, они назвали кроликов именем хорошо знакомых даманов, которые во множестве населяли тогда скалы их родины. По-финикийски даман — «шапан». Новооткрытый Пиренейский полуостров финикийцы назвали «Островом даманов» — «И-Шапан». Позднее «И-Шапан» в латинском языке превратился в «Гиспанию», а в русском — в «Испанию».

В библии в пяти местах упомянуты даманы. «Шафан» — древнееврейское их имя. Переводчики библии на европейские языки, в частности Мартин Лютер, долго ломали голову над тем, что за зверь «шафан» и как назвать его на своем языке. Решили наконец, что, по-видимому, это кролик.

Все даманы хорошо лазают по деревьям, но только три вида предпочли скалам вершины деревьев тропического леса. У древесных даманов, как и у скальных, на передних ногах по четыре пальца, на задних по три. Лишь на среднем пальце задних лап коготь, на всех других — крохотные копытца.

В книге «Левит» шафан объявлен нечистым животным и есть его запрещено по той непонятной причине, что он хотя и жует жвачку, но копыта его раздвоены. Тут недоразумение: шафан, или шапан, иначе говоря, даман, жвачки не жует, но у этих зверьков странное обыкновение постоянно двигать челюстями, подобно тому как делают это жвачные, когда пережевывают свой обед.

Обычные места поселения даманов — бесплодные скалы. Ловко лазают они по самым отвесным утесам. А когда заметит кто-либо из этой резвой компании дикую кошку, мангуста или питона, то сейчас же свистом, визгом и топотом лапок предупреждает сородичей, и все мигом прячутся в расщелинах и дырах между камнями. Но зверюшки слишком любопытны. Скоро то одна, то другая серая мордочка покажется из укрытия и снова спрячется, если опасность не миновала. А если спокойно — ашкоко быстро покидают укрытия, и вновь их беспечная беготня оживляет унылые скалы.

С павианами, ящерицами и другими мирными тварями даманы живут как добрые соседи. Их поразительная зоркость (человека замечают за километр), чуткий слух и неустанная бдительность служат гарантией известной безопасности всем диким обитателям ближайших окрестностей.

Веками живут даманы на полюбившихся им местах, и эти места нетрудно узнать по залежам гуано, твердым «асфальтом» покрывающим камни, на которых даманы привыкли оставлять свой помет. Еще в прошлом столетии сухой помет и моча капского дамана, потребляемые для разных лекарств аптекарями, занимали видное место в мировой торговле. Они и сейчас еще находят некоторый спрос в парфюмерии.

В расщелинах, выложенных шерстью, самки скальных даманов приносят обычно трех, но иногда и шестерых удивительно крупных и зрелых детенышей. (Один, измеренный через несколько часов после рождения, был лишь вполовину меньше матери.) Глаза у новорожденных открыты, и через несколько часов, как только шерстка подсохнет, они уже лазают со взрослыми ашкоко по скалам. Самки охотно усыновляют чужих детенышей, если матери их погибли.

На спине у всех даманов — большая пахучая железа с белой или желтой «отделкой» из длинных волос (только у рода прокавия, кстати самых крупных даманов, это пятно черное). Сами зверьки буро-серые, и потому их спинная железа очень заметна, особенно когда даман возбужден, испуган или настроен агрессивно. Тогда волосы, окружающие железу, взъерошиваясь, обнажают ее, и она испускает специфические «ароматы».

Недругам, соизмеримым по силе, даманы угрожают весьма странно: вздыбив волосы вокруг спинной железы и обнажив ее тем самым для лучшего обозрения, поворачиваются задом к врагу.

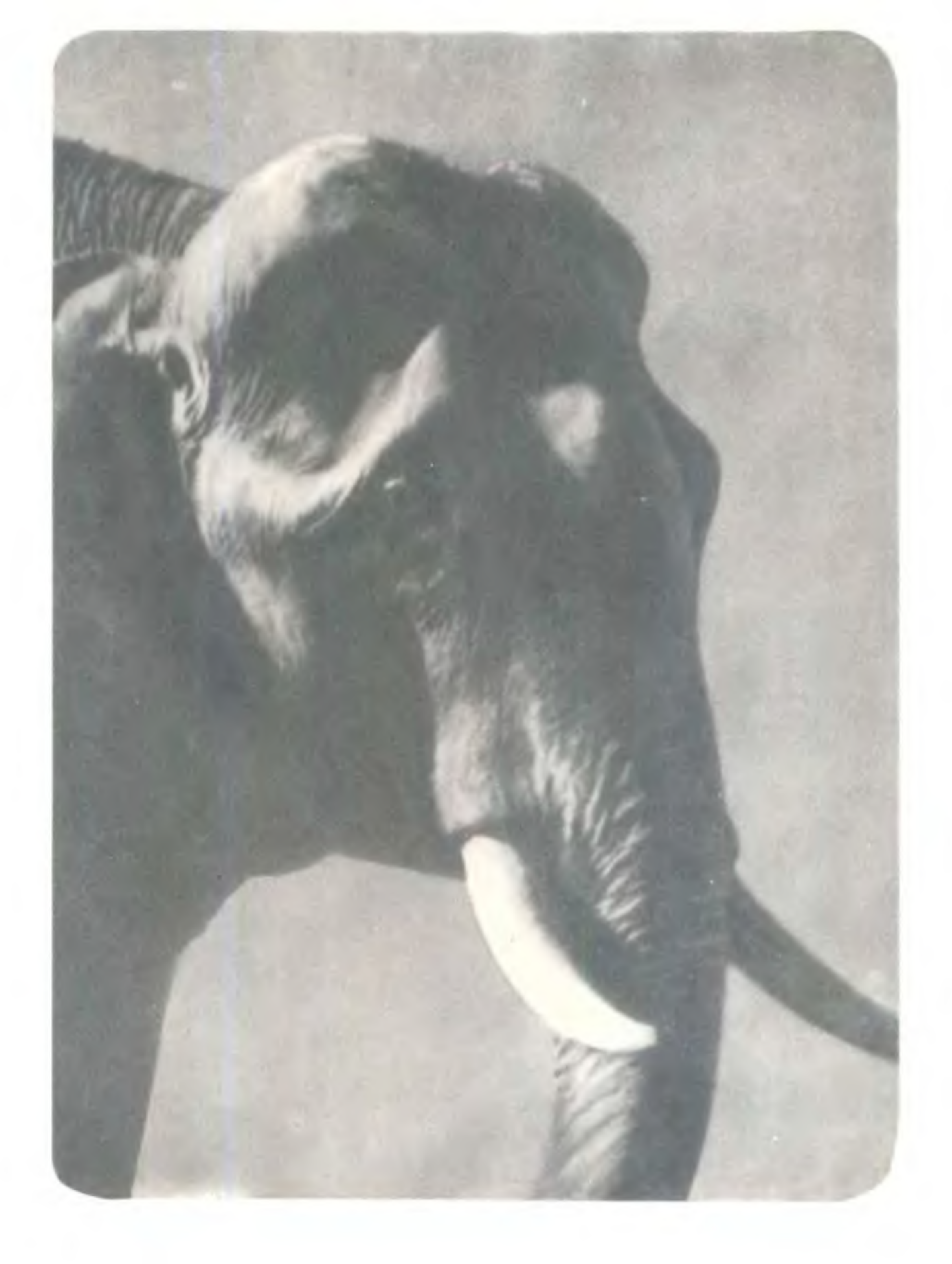
Так во всяком случае поступают древесные даманы, те, что живут не на скалах, а на деревьях лесов Центральной и Южной Африки и на островах Фернандо-По и Пемба. Вниз, на землю, почти не сходят, днем спят в листве и дуплах (скальные даманы спят ночами). После захода солнца древесные даманы оглашают леса громкими отрывистыми криками.

Древесные даманы живут не колониями, а семьями: отец, мать и один-два детеныша. Они моногамы, а скальные — полигамы: у самцов гаремы из нескольких самок, как у «дедушки» их — слона.

ХОБОТНЫЕ

В отряде слонов, или хоботных, два вида, по мнению некоторых зоологов — три. Прежде слонов, мамонтов и мастодонтов было побольше: пять семейств и сотни видов. Некоторые вымерли совсем недавно: мамонты в ледниковую эпоху, десять — пятнадцать тысяч лет назад, а американские мастодонты, по-видимому, лишь перед самым приходом в Америку первых людей. Древние слоны обитали на всех континентах, кроме Австралии и Антарктиды. Водились даже в Англии. У иных было по две пары длинных и прямых бивней.

У современных слонов бивней только одна пара — удлиненные верхние резцы, эмаль покрывает только самые концы их и быстро снашивается. Нижних резцов и клыков нет. Ложнокоренных и коренных зубов по шесть в каждой челюсти. Но они никогда не присутствуют в полном наборе, и каждый новый зуб вырастает после того, как старый износится и выпадет, обычно по кускам. Растут новые зубы, вытесняя старые, не снизу вверх, как у других зверей, а сзади наперед. Обычно функционируют примерно по 6—10 лет только четыре жующих зуба (по одному в каждой челюсти справа и слева), иногда и второй, новый зуб, вытесняющий старый, частично принимает участие в пережевывании пищи. Смена зубов совершается шесть раз. Поэтому можно считать, что у слонов вместе с бивнями 26 зубов.

Скелет массивный, 12—15 процентов от веса зверя. Толстая кожа покрыта редкими волосами, в основании которых нет сальных желез, смазывающих волосы у большинства зверей. Слонята рождаются с более длинными и густыми волосами. Между глазом и ухом у слонов выводной проток особой железы, которая функционирует, по-видимому, как сексуальный эвокатор.

Самая удивительная морфологическая особенность — хобот: сросшиеся воедино

нос и верхняя губа. Хобот сложен из одних мышц и сухожилий, ткань его так упруга, что нож разрезает ее с трудом. Сила в хоботе огромная: слон поднимает бревно весом в тонну и с такой силой выбрасывает струю воды, что может потушить костер.

ПОДВИГИ РАТНЫЕ

Почти до самого начала нашей эры и почти во всех крупнейших битвах древности участвовали слоны. Соответственно обученные, с металлическими щитами на лбах, с укрепленными на спинах башнями, в которых прятались стрелки из луков, предварительно разъяренные и опоенные алкоголем, всесокрушающей лавиной устремлялись они в бой. Боевой слон был своего рода живым танком древности. Управлял им один корнак. Он сидел на шее слона, прислонясь спиной к башне, и заостренной железной палкой с крюком у конца, ангом, гнал «танк» на прорыв вражеских фаланг или когорт. А на случай, если раненый и взбешенный слон выйдет из повиновения, что часто и бывало, корнак имел в запасе железный клин, который молотком вбивал в затылок слона, чтобы, умертвив его, избавить своих солдат от разрушительной ярости потерявшего управление «танка».

Погонщиков часто называли индами: в этом видно прямое указание на ту страну, где слонов впервые ввели в боевые действия. Индийцы во все времена были лучшими корнаками. Их часто призывали на службу полководцы и цари других стран.

Долго велись споры между историками военного искусства: были все боевые слоны древности даже в войсках африканских и европейских народов родом из Индии или для военных целей приручались и африканские слоны. Окончательно этот спор еще, по-видимому, не решен. Однако скорее всего правы те, кто доказывает, что карфагеняне, например, да и римляне вывозили слонов из Нумидии и более близких окрестностей Карфагена. В ту пору слоны там еще водились.

Карфагеняне почти ни одной крупной войны не вели без слонов.

В Карфагене было триста слоновников — больших и отлично оборудованных помещений, где содержались боевые слоны. В войнах с Римом карфагеняне даже в Европу везли слонов. Но при переходе через Пиренеи все слоны Ганнибала, как известно, погибли от холода и голода, что, однако,

не помешало ему побеждать римские легионы на их же земле.

А может быть, именно потому (без слонов!) он и побеждал? Вопрос, возможно, несерьезный. Но есть, однако, какая-то парадоксальная непонятность в истории боевых слонов: они часто наносили больший урон своим войскам, а не вражеским! И все-таки многие крупные полководцы древности стремились приобрести боевых слонов. Даже Цезарь, который отлично обходился и без них.

Слоны участвовали во многих крупных битвах. В сражении при Тапсе, у небольшого североафриканского города, в одной из последних войн Цезаря, живые «танки» предприняли свое последнее и опять-таки неудачное наступление.

Обычно в бой вводили несколько десятков слонов, но иногда и почти полтысячи: например, в сражении при Ипсе в 301 году до нашей эры, где слоны и решили исход битвы. Но не всегда так получалось. Чаще пользы от слонов для своих войск было мало, а вреда много: так решили историки.

«Ни в одном достоверном описании сражения мы не находим ничего существенного, совершенного слонами, наоборот, сторона, имевшая в своем распоряжении больше слонов, терпела в большинстве случаев поражение... Не указано ни одного примера, где бы слоны прорвали фронт сомкнутой пехоты» (Ганс Дельбрюк).

Слоны успешно действовали там, где встречались с солдатами, которые видели их впервые или плохо знали, как с ними бороться, были плохо обучены и недисциплинированны. Лошади, заранее не приученные к виду слонов, тоже их пугались, и потому конница, как правило, отступала перед слонами.

«Мне стыдно, что мы обязаны своим спасением этим шестнадцати животным», — сказал сирийский царь Антиох I, когда в его страну вторглись галаты и он в критическую минуту неожиданно ввел в бой шестнадцать боевых слонов. Кони врагов в панике кинулись на свою же пехоту и смяли ее колесницами. В честь слонов, героев триумфа, царь приказал на монументе победы высечь изображение слона.

ТРУДОВЫЕ ПОДВИГИ

Такова военная история слонов. Едва ли стоило бесцельно калечить их на полях сражений. Но в мирной жизни в сельском хозяйстве и даже в промышленности, на охоте помощь от слонов всегда была большая и весьма реальная. В Индии, на Цейлоне, в Бирме и Индокитае слон приручен

давно. Он умен и послушен, силен и добросовестен. Он складывает бревна в штабеля так тщательно и аккуратно, как редкий человек сумел бы сделать. Он с одинаковой легкостью идет с тяжелым грузом по непроходимым джунглям, горам и болотам. На лесоразработках таскает бревна, которые не под силу и десятку людей. Запряженный в плуг пашет не хуже трактора и, как недавно подсчитали индийские специалисты, экономичнее его. Он и как транспортное средство экономичнее, а главное проходимее автомобиля. Одно только неудобство — тряская походка, и многих непривычных езда на слоне укачивает. Да и скорость невелика — 6—7 километров в час. И еще беда: ночью на неосвещенных дорогах и улицах происходят столкновения автомобилей со слонами. Поэтому в Индии новые правила уличного движения обязывают «водителей» слонов зажигать в сумерки на своих толстокожих вездеходах яркие фонари.

Когда слону исполнится восемь лет, начинается его трудовая жизнь. Сначала на спину ему кладут небольшие ноши, и с ними он переходит вброд реки, взбирается на холмы (гимнастика и первые уроки производственной дисциплины). Учат собирать хворост и складывать в кучи. Помогает он, как может, и взрослым слонам: распутывает, например, цепи, застрявшие в кустах и бревнах. Подает человеку на слоне топор с земли. Он знает уже многие команды, которые рабочий слон не должен забывать. Потом наука будет сложнее, а работа тяжелее.

Примерно с девятнадцати лет и до самой смерти слон работает по восемь часов в сутки с небольшими перерывами на обед и купанье. Не всегда эта работа изнурительна, особенно в небольших крестьянских хозяйствах, где слонов любят и берегут, как членов семьи. Но на лесоразработках и лесопильнях, например, труд тяжелый, принудительный и без всякого вознаграждения, потому что часто даже пропитание слонам приходится добывать самим (по ночам в окрестных лесах).

На лесопильнях Рангуна, Моулмейна, Мандалая слоны таскают бревна, подают их под пилы, уносят и очень аккуратно складывают штабелями распиленные доски, сдувают с них опилки. Но как только колокол возвестит о конце рабочего дня, ни один хобот не пошевелится ради производства. Свои трудовые права слоны знают точно и умеют их твердо отстаивать.

Обычно слонов содержат в огромных стойлах, подобных карфагенским элефантериумам, иногда сотнями, а бывало, и тысячами. У каждого слона выжжен особый знак или номер, на каждого заведена «рабочая книжка», в которую вносятся его трудовые заслуги.

Нельзя сказать, что слонов на лесопильнях безжалостно эксплуатируют. О них заботятся здесь, пожалуй, больше, чем о людях. День слонов строго нормирован. После двух часов

утренней работы — первый перерыв: купание в реке или озере, затем обед в стойлах — бананы, сено, сахарный тростник. Это в самую жару, которую слоны не любят. Потом колокол или сирена снова зовут их на работу, и так до темноты.

Слоны работают с июня по февраль, обычно лишь по двадцать дней в месяц и восемь часов в день. Три самых жарких месяца Бирмы — у них отпуск. В среднем рабочий слон трудится 1300 часов в год.

Это почти на 500 часов меньше, чем человек в странах с нормированным рабочим днем. Прокормить слона стоит, казалось бы, очень недешево: в зоопарках он съедает больше ста килограммов разных растительных кормов в день, а на воле аппетиты у крупных слонов вдвое выше — 225 килограммов травы, листьев, кореньев, плодов, древесной коры. Когда слон работает, кормить его надо еще обильнее. Расчет примерно такой: 365 килограммов сена, бананов и прочее на каждого рабочего слона. Да и сам он стоит недешево, от 600 до 3000 долларов. Цены сильно колеблются, влияют на них местная и общая экономическая конъюнктура и рабочие способности живого товара. Напрашивается вопрос: рентабельно ли заставлять слона работать вместо людей и машин?

Оказывается, рентабельно. Тут важно учитывать следующие обстоятельства: дорогая в наших широтах пища в тех тропических странах, где трудятся слоны, растет вокруг в изобилии. Во-вторых, слонов-самцов, которые составляют основной рабочий контингент, специально держат на полуголодной диете, чтобы они были послушнее и, главное, чтобы никакие сексуальные мотивы не отвлекали их от труда, не раздражали, не ссорили друг с другом и с людьми.

В-третьих, многих слонов, самых послушных, на ночь отпускают кормиться в окрестные джунгли.

Слон уходит обычно не дальше десяти километров от дома. Утром корнак (его действительный хозяин либо наемный, нанятый владельцем лесопильни) идет в джунгли по следу своего слона, который он не спутает со следами тысяч других. Он отлично знает все его привычки, вкусы и повадки и всегда направляется именно туда, куда он ушел. Корнак знает и помет своего слона и, рассмотрев его, определяет по содержанию, что ел ночью слон и, следовательно, где его искать — в зарослях бамбука, в камышах у реки, в гуще лиственного леса или (это просто беда!) на плантациях ананасов. Когда человек чувствует, что слон рядом, то зовет его. И умный серый великан послушно идет к своему другу.

Профессиональные навыки у слонов весьма разнообразны: они таскают бревна на лесоповалах тиковых деревьев в Бирме, и не по дорогам, а часто через, казалось бы, совершенно непроходимые джунгли. Тут слон в зависимости от местности то несет бревно в хоботе, поддерживая его клыками, то волочит по земле сквозь узкие проходы между деревьями. Нередко ему приходится вставать на колени и толкать лбом ствол тяжелого дерева, втрое более прочного, чем дуб, через завалы и сплетения лиан.

Слоны подносят свои ноши к ущельям и обрывам и точно сбрасывают вниз, чтобы потом по крутой тропе спуститься и. подхватив бревно, нести его дальше к реке и лесосплаву. Работают и на лесосплавах: если случится затор, входят в воду и хоботами разбирают запруду, направляя бревна точно вниз по реке.

Они пашут. Собирают хворост для очага и фрукты для обеда. Возят людей. Для одних такая поездка — удовольствие, даже выспаться, говорят, можно, плавно покачиваясь в такт неторопливым шагам. Для других — чистое мученье: укачивает, как в шторм, и тряско.

Однако для охотника, особенно на крупного зверя, слон, укачивает он стрелка или нет, — отличный передвижной и довольно безопасный махан.

В былые времена тысячи слонов отправлялись с магараджей на такие охоты. Да и сейчас еще охота на слонах не вышла из моды. Слоны идут через джунгли и луга широким фронтом, охватывая флангами в полукольцо особенно добычливые места. Стреляют всех вылетающих и выбегающих из кустов и травы птиц и зверей: фазанов, павлинов, оленей, кабанов, леопардов. Но самая желанная добыча — тигры. Прежде на одной охоте их убивали десятками, и нередко охотничьи слоны всей своей мощью принимали и сокрушали яростные атаки раненых или загнанных, что называется, в угол полосатых хищников.

Сражение при Тапсе было последним, в котором приняли участие боевые слоны. Однако события недавних лет внесли существенную поправку в эту историческую справку.

На вооружении XIV британской армии, действовавшей в начале второй мировой войны в Бирме, было много сотен слонов. Они работали на строительстве дорог и мостов, перевозили военное снаряжение и пушки. 70 километров пути по бездорожью в день и по полтонны груза на каждого слона, в горах не больше 350 килограммов, — такова порой была норма труда на оборону.

Когда началось отступление английских войск, японцы среди других трофеев захватили много слонов вместе с их корнаками. Из добычи они извлекли двойную выгоду: слонов использовали для перевозки военного снаряжения, а их бивни пустили для продажи. Отпилили их у самцов до самого основания, отчего, конечно, рабочие качества слонов понизились.

А когда британцы начали контрнаступление, впервые в истории на поле сражения встретились живые «танки» древности и боевая техника наших

дней. Английские пикирующие бомбардировщики атаковали японские транспорты, и в одном из таких налетов погибло сразу сорок слонов.

Для захваченных в плен раненых слонов англичане, ценя прежние их заслуги и будущие выгоды, устроили полевой лазарет. Врачи, работавшие в нем, скоро убедились в исключительной способности слонов быстро излечиваться от тяжелых ран.

К концу войны подсчитали, что из множества слонов, мирно трудившихся прежде в Бирме, Ассаме и Бенгалии, уцелело только четыре тысячи. Одни погибли, другие разбежались и вернулись к вольной жизни в джунглях, присоединившись к стадам диких слонов. Тогда-то некоторые оставшиеся без слонов и, следовательно, без работы корнаки решились на смелый план: по двое, по трое на ручных слонах вторгнуться в стадо диких. А там, заметив слона с тавром на крупе, подойти поближе, быстро пересесть на его спину и затем управлять им по своему усмотрению, так как надеялись, что одичавшие слоны не забыли старых команд. Ведь память у них изумительная и дисциплина примерная.

«Об удаче или неудаче этой экспедиции в джунгли ничего не известно» (Ганс Бауэр).

Как ни абсурден на первый взгляд такой план, он в принципе возможен. Ведь ловят же диких слонов с помощью ручных.

«Но почему, когда загоняют дикое стадо, слоны не стаскивают людей с ручных слонов?

Этот вопрос я часто задавал сам себе. Я не могу на него дать ответа. Все, что я знаю, — это что человек, который сидит на спине ручного слона, остается посреди дикого стада в полнейшей безопасности» (Чарлз Майер).

Ручные слоны в неволе размножаются редко, поэтому, чтобы пополнить их число, приходится ловить диких, обычно полувзрослых, но нередко и вполне взрослых, которые, однако, как это ни странно, быстро привыкают к человеку и бывают так же послушны, как родившиеся в неволе.

Ловят диких слонов разными способами. На больших охотах загоняют дикое стадо в крааль, заранее сооруженный из толстых бревен, связанных лианами. А затем въезжают в него на прирученных слонах: те стискивают с боков дикого слона и держат его, пока люди, накинув петли на ноги дикарю, привяжут его к дереву или врытому в землю столбу. Дикарь особенно и не сопротивляется. Возможно, тут играет роковую роль развитое у слонов товарищество и взаимопомощь. Ведь часто так, зажав с боков и поддерживая своими телами, уводят слоны раненых или больных товарищей. Это не охотничьи басни: многие заслуживающие полного доверия биологи видели своими глазами эти трогательные сцены звериного товарищества, которые особенно в обычае у африканских слонов. Но странно: самцам помогают самцы и самки, но самцы самкам, по-видимому, никогда.

Знакомство с трудовыми буднями слонов на Цейлоне побудило некоторых бельгийских чиновников заставить слонов рабо-

тать так же производительно и на берегах Конго. Но первоначальный проект был такой: привезти из Азии и акклиматизировать в Африке индийских ручных слонов.

И вот в гавани Бомбея четырех слонов погрузили на корабль, а 1 июня 1879 года выгрузили в порту Дар-эс-Салам. Слонам предстояло пересечь поперек всю Африку.

«Но ни одно животное не достигло цели. Все погибли в пути на новую родину. Путешествие протекало при драматических обстоятельствах, которые дали бельгийскому писателю Бюрто материал для романа» (Г а н с Б а у э р).

Однако позднее, в 1909 году, сначала в Апи, на севере бывшего Бельгийского Конго, затем в Ару и других местах были основаны экспериментальные станции по приручению африканских слонов. Распугивая выстрелами и шумом стадо, ловили молодых слонов, связывали их, затем приручали, дрессировали. Станция в Ару функционирует и до сих пор, там около пятидесяти прирученных слонов, которые работают на плантациях. Но большой практической пользы из этого опыта пока не извлекли.

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

Европейское имя слона «элефант» с разными местными и национальными вариациями в произношении ведет начало свое от древнего санскритского названия слона «ифа». Семиты прибавили к нему свой артикль «эль», и получился «эль-ифа». В греческом языке свершилось новое небольшое преобразование — «элифас», а в латинском — «элефантус». В таком виде это слово и вошло в науку и европейские языки (с небольшими изменениями). В обиходной речи европейцев оно встречается очень часто, так же как слова «убивать», «исчерпать», «изготовить», «действие», «резина». Из названий неевропейских животных только лев превосходит слона по популярности в народном лексионе, а из европейских — лишь лошадь и собака. Но слово «кошка» в разговоре встречается реже, чем «слон».

Сколько раз был уже упомянут слон и на страницах этой книги. И с «расовыми» определениями «индийский», «африканский». Пора представить того и другого читателям, интересующимся зоологией.

Максимальный рост самцов африканского слона до 4 метров, вес до 7 тонн. Средний вес 3—5 тонн, а самок — 2. Самая высокая точка тела — плечи.

Рост индийских слонов до 3 метров и вес до 5 тонн. Самая высокая точка — макушка головы.

У африканского слона уши огромные: Карл Экли из одного уха сделал стол. Диаметр его был 2,5 метра, за ним удобно могли разместиться восемь человек!

Уши индийских слонов сравнительно небольшие.

У африканских слоних есть бивни, правда, менее крупные, чем у самцов. Бивни самцов огромны — двух-трехметровые. Рекорд — 4,1 метра (весили они 148 килограммов). Длина и вес бивней не всегда соответствуют: самые тяжелые бивни были у слона, убитого в 1898 году у Килиманджаро, — 225 килограммов в обоих клыках!

У индийских слоних нет бивней, а если у некоторых есть, то снаружи они не видны. У самцов бивни длиной метр-полтора.

Два хватающих «пальца» на конце хобота африканского слона, у индийского — один такой «палец» сверху над ноздрями.

У степных африканских слонов обычно четыре пальца с копытцами на передних ногах и три — на задних. У лесных — на каждой ноге на один палец больше.

Это слон, сомнений нет. Но какой? Смотрите на уши: их диаметр метр, полтора и порой даже два метра. Такие огромные уши бывают только у африканского слона.

На передних ногах индийских слонов пять пальцев с копытцами, на задних — четыре.

Во времена исторические, около двух тысяч лет назад, жили африканские слоны в лесах и степях всей Африки, от севера до юга, даже в Египте и других пограничных с ним странах. Сейчас в Южной Африке, кроме парка Крюгера, слонов нет, нет их и севернее Южного Судана.

Дикие индийские слоны живут в джунглях Индии, Цейлона (тут их осталось, по-видимому, не больше тысячи), Бирмы, Индокитая, Юго-Восточного Китая, а также на Суматре. Очень немного слонов на Калимантане — сюда завезли их, очевидно, несколько столетий назад. Обитали слоны и в Передней Азии, но давно там истреблены.

Живут слоны стадами. В стаде 15—30 слоних со слонятами, молодых слонов и обычно один старый слон. Вожаки, как правило, старые слонихи. Такое стадо — одна большая семья, в нем все близкие родственники. В Африке в стада иногда собираются вместе до нескольких сот и даже тысяч слонов. Старые слоны часто коротают жизнь в одиночестве. А молодые иногда бродят — слонихи со слонихами, а слоны со слонами.

У индийских слонов определенного сезона размножения нет. Слонихи рожают в любое время года одного, реже двух слонят. Они очень крупные — весом около центнера, ростом в метр. Сосут молоко и пьют воду первое время ртом, а не хоботом. Растут долго: первые три года — 5—8 сантиметров в год, затем по 20—25. Это в высоту. Только в восемь-двенадцать лет они сами могут стать родителями. А полный рост и возмужание — к 25 годам.

У индийского слона уши много меньше.

У африканских слонов слонята появляются обычно в июле — августе. Стадо, окружив новорожденного, дня два ждет не снимается с места, пока он не окрепнет. Первые дни слоненок ходит под брюхом у матери. Когда надо быстро убегать, она подхватывает его хоботом и несет. А если мать нерадивая, неопытная, малыша усыновляет старая слониха, у которой есть и свой детеныш. Так как сосут слонята до пяти лет, то в стаде всегда найдется кормящая опытная мать, если молодая не хочет или не может воспитывать свое дитя. Продолжительность жизни у слонов — как у человека. Каждая слониха за 50—70 лет четыре-пять раз бывает матерью.

Беременность у слоних 21—23, а то и 25 месяцев. Кажется, ни у кого больше не бывает, даже у китов.

Соски у слоних на груди, и, чтобы малыш мог до них дотянуться, матери приходится первое время кормить его, встав над бугорком. Ведь слонихи кормят и рожают стоя.

В обычае у слонов и спать стоя. Особенно у старых. Молодые нередко спят лежа на боку, вытянув ноги и хобот. Но индийские слоны спят или дремлют и лежа на животе, вытянув передние ноги вперед.

Старый африканский слон, когда спит стоя, тяжелые бивни кладет обычно на суки дерева или термитник. В неволе упирает их в стену или в проемы решетки.

Спят слоны мало: два-три часа в сутки, обычно в самые жаркие полуденные часы, часто пробуждаются, чтобы принюхаться, прислушаться. Спит не все стадо: одни лежат — эти спят, другие дремлют стоя. Потом караульные ложатся, и на вахту встают другие, которые до этого спали лежа.

После человека и человекообразных обезьян, пожалуй, самое умное существо на земле — слон. Так утверждают многие. Но правильно будет, наверное, не делать категорических заключений, поскольку точных экспериментальных данных об испытании интеллектуальных способностей животных еще мало. Лучше зачислить слона, как это мы сделали с медведем, в первую пятерку самых умных зверей: обезьяна, слон, собака, медведь, дельфин (или кошка, свинья, лошадь, крыса вместо дельфина, как доказывают другие эксперименты).

Рассказов об уме слонов, равном или почти равном человеческому, очень много. Еще древний грек Элиан уверял, будто слоны способны изъясняться полатыни и на других языках, изображая хоботом нужные знаки алфавита. Экспериментальных данных о психических способностях слонов, к сожалению, мало, в этом плане исследовали их значительно реже, чем собак, дельфинов, крыс, обезьян или даже кур и дождевых червей. Но то, что мы знаем о жизни слонов на воле и в неволе, бесспорно, доказывает: слон животное умное. Цирковые трюки, которые они проделывают неуклюже, но умело (ездят даже на водных лыжах за катером!), трудовые навыки рабочих слонов (правда, здесь к уму слона следует прибавить ум дрессировщика), их товарищество и взаимопомощь, удивительная память и умение целесообразно действовать палкой или камнем говорят о многом.

Память у слонов великолепная. Даже музыкальная: из двенадцати чистых тонов, на которые его дрессировали, один слон и через год узнавал девять! Человека, который обошелся с ним плохо или хорошо, помнят всю жизнь. Помнят даже ситуации и местность, в которых с ними приключились несчастья или, наоборот, приятные происшествия.

Слоны, например, часто болеют расстройством пищеварения и простудой. В таких случаях в цирках

и зоопарках их нередко лечат довольно крепким грогом с сахаром. Напиток этот им нравится, и, чтобы получить его еще раз, слоны симулируют отдельные симптомы болезни, при которых, они помнят, их поили сладким грогом.

Как-то, дело было перед второй мировой войной в Дрезденском зоопарке, африканский слон Джамбо заболел животом. Его перевели на строгую диету, но он всегда ухитрялся вырвать лакомый кусочек у одной из индийских слоних, которые жили вместе с ним. Заметив это, доктор Ганс Пецш сделал так: в горбушку хлеба вложил горькое лекарство и протянул ее слонихе. Джамбо быстро подошел, вырвал горбушку, проглотил и... пришел в бешенство. С тех пор доктору нельзя было показаться на глаза злопамятному слону. Он сейчас же собирал хоботом камни и швырял их в своего обидчика удивительно метко и сильно.

Слоны любят купаться, плавать и нырять.

Когда нет достаточно обширного водоема, способного вместить гигантскую тушу, слоны строят запруды, перегораживая ручьи камнями и корягами. А если нет поблизости даже маленького ручейка и в глубокие ямы, которые роют слоны, не набежала подпочвенная вода, а слону жарко, очень жарко, и огромные уши, которые он раскинул навстречу ветерку, не охлаждают, тогда слон рискует принять душ, «черпая» воду из своего неприкосновенного запаса. В носоглотке слона (полагают некоторые исследователи) есть особый резервуар, в котором на всякий случай хранится немало воды. Так вот, засунув в рот конец хобота, слон набирает из «запасника» воду и поливает себя.

Ямы, которые в засуху роют слоны в ложбинах и на дне пересохших озер, спасают от гибели многих диких животных Африки. Тут африканский слон — благодетель и спаситель страдающего от жажды дикого зверья саванны. Слоны пьют много: сто-двести литров в день (во всяком случае, в зоопарках). Воду набирают в хобот, литров десять-двадцать, и выливают ее в рот. Но слонята первый год жизни хоботом пить воду не умеют и сосут ее ртом, встав перед водоемом на колени.

Реки слоны переходят вброд по дну, выставив над водой лишь концы хоботов, точно перископы. Но и плавают отлично.

В Индии ручных слонов нередко перегоняют с места на место не по суше, а вплавь по реке. Широкое устье Ганга они переплывают без труда, а вниз по реке плывут часами. Волны океана их тоже не страшат. Пролив между Африкой и Занзибаром слоны пере-

плывали не раз. Одного такого пловца, сообщали недавно газеты, разорвали акулы.

В 1906 году старому слону, видно, наскучило развлекать дачников в парке курортного острова к югу от Нью-Йорка, и, отдавшись на волю волн, отправился он на континент и переплыл пролив шириной в 70 километров.

Большую часть жизни слоны проводят на ногах и почти всегда в пути. Неторопливо бредут, объедают ветви деревьев и кору (ее, обсосав, выплевывают). Только в полдень остановятся, чтобы провести жаркие часы дня под тенью баобабов и акаций. В полночь обычно отдыхают у водопоев. И опять идут. На ровном месте лошадь может обогнать слона: резвее 45 километров в час он не бегает. Но в местности, сильно пересеченной, никакой скакун не угонится за ним.

С удивительной легкостью этот неуклюжий на вид зверь идет по равнине, карабкается по крутым горам (слонят взрослые заботливо поддерживают хоботами!). Слон на «подбитых каучуком» подошвах — его ступни опираются на подушки эластичной ткани — пробирается через чащу бесшумно, как кролик (лишь громкое бурчание в животе часто выдает его). Горящая степь для него не преграда и снега Килиманджаро — тоже: видели, как слоны спокойно маршировали через то и другое. По болоту он ходит едва ли не лучше всех других животных. Ноги его устроены очень хитро. Когда слон опирается на ногу, она набухает, «полнеет». А когда вытаскивает, освобожденная от тяжести тела нога сжимается и легко выходит из топи. Поэтому слон может погрузиться в болото хоть на метр: засасывание, страшное для других животных, не мешает ему идти.

Бесспорно, слоны — удивительные, умные и благородные животные. Но судьба их, кажется, предрешена. По-прежнему убивают слонов! Сейчас в Африке немало заповедников, национальных парков, ограничена, а местами и запрещена охота на слонов. Но есть там и браконьеры. Драгоценные бивни — по 100 фунтов стерлингов в среднем за пару продавали их прежде — стали проклятьем рода толстокожих. Часто, убив слона, берут только бивни, а мясо остается гиенам.

В умело организованном охотничьем хозяйстве с планомерным, без невосполнимых потерь для стада, отстрелом старых самцов доход от слона был бы немалый. Чистого мяса — около двух тонн, слоновой кости — 30—50 килограммов, шкура — 35 квадратных метров отличного материала для шлифовки ювелирных изделий и деталей точных механизмов.

Старая английская статистика оценивала среднюю продолжительность жизни профессиональных охотников на слонов в два года. Слона стрелять нужно умело, метко, спокойно и с близкого расстояния. По существу, у него только два убойных места: между глазом и ухом (мозг) и чуть за лопаткой (сердце). Стрелять в иные места — что в кучу песка: слон будет ранен, но успеет расправиться с охотником.

Однако и в древние времена, и в наши дни — всегда находились и находятся смельчаки, готовые, рискуя жизнью, добыть драгоценную слоновую кость. Тысячелетиями украшали ею инды и персы, троянцы и греки, римляне и китайцы свое оружие, дворцы, сбрую, коней, статуи богов. Сейчас из слоновой кости режут различные безделушки, табакерки, ларцы, книжные закладки, ножи для бумаги, рукоятки для ножей, а главное — бильярдные шары и клавиатуру.

В 20-е годы нашего века лишь в одной Германии было больше двух тысяч профессиональных резчиков по слоновой кости, которые перерабатывали в год 100 тонн этого материала, вся Европа — 250 тонн, а весь мир — 600 тонн. Чтобы удовлетворить сейчас полностью мировой спрос на слоновую кость, нужно убивать ежегодно около 45 тысяч слонов! Такие потери в своих рядах слоны не смогут восстановить.

ЗАГАДКИ И ОТГАДКИ

Страх и ужас, паника и трубный рев — истеричная реакция слонов, оставленных один на один с мышами и крысами. Об этом написано много. Но странно, ни в Африке, ни в Индии, нигде как будто бы никто и не слышал о мышебоязни, приписанной молвой толстокожим исполинам. И некоторые эксперименты эту молву опровергают.

Серую мышь, привязанную за хвост, Бернгард Гржимек подсунул однажды прямо под головы пяти слонам. Паники никакой не случилось. Правда, слоны сначала от неожиданности слегка отпрянули назад. Подошли затем и обнюхали мышь. Потом одна слониха убила мышь. В другом случае слон, правда, осторожно и нерешительно, но без страха пытался раздавить задней ногой белую мышь, которую Гржимек пустил к нему во двор.

Молва уверяет, что мыши еще потому будто бы страшны слону, что способны заползти в хобот и натворить там разных неприятностей. Но ведь стоит слону посильнее дунуть, и мышь пулей вылетит из хобота, если ей вздумается испытать такое невероятное приключение.

Английский зоолог Бенедикт, желая проверить и эту версию, посадил мышь прямо на хобот слону. Не только страха — вообще никакой эмоции слона на эту диверсию он не заметил. Однако подметил другое: всякие шорохи и шуршание, которые производят мыши, бегая, например, по бумаге, пугают и настораживают слонов. Но такова их реакция на всякие подозрительные шумы.

Так опасны ли мыши и крысы слонам?

Возможно, именно потому и опасны, что слоны не знают страха перед ними, и грызуны, пользуясь этим, калечат сонных богатырей, обгрызая подошвы ног.

Еще одна нерешенная загадка — внезапное безумство или просто бешеная ярость, которая порой одо-

левает слонов. И тогда такой слон-амок, или, как называют его в Индии, роуг, одержимый неукротимой жаждой разрушения и убийства, сметает все на своем пути. Он врывается в деревни, ломает дома, сокрушает заборы, убивает всех людей и животных, которые попадутся. Один бешеный слон бросился в лобовую атаку на паровоз и разбил свою буйную голову.

Прежде некоторые роуги буйствовали годами: жители тех мест покидали деревни, дороги пустели. Теперь слон-амок, объявленный вне закона, как и тигр-людоед, быстро сходит со сцены.

Бешеные слоны появлялись и в Африке, но гораздо чаще в Индии и на Цейлоне. Действительное ли это бешенство, причиненное вирусом, опьянение некоторыми алкогольными или ядовитыми растениями, ярость ли от боли после укусов змей и пчел? Или его вызывают иные причины? Пока еще не ясно.

Белые слоны — еще одна тема для размышлений. Рассказов о них много, но науке белые слоны, что называется, неизвестны. Более светлые, телесного цвета, с пятнами блеклой окраски попадались на глаза зоологам, но чисто белые никогда. Однако в храмах и королевских дворцах Таиланда и других стран Южной Азии жили, как уверяют, белые слоны. Издалека они действительно вроде бы белые. По-видимому, дело не обошлось здесь без разных подделок и ухищрений жрецов и других людей, кого быт и профессия обязывают поддерживать веру в мнимую белизну священных животных. Когда поймают в диком стаде светлого, «розоватого» слона, частичного альбиноса, его припудривают, подкрашивают, «отбеливают» тамариндовой настойкой и другими способами. В этом, очевидно, и отгадка тайны белых слонов.

Две другие нерешенные загадки — реальные или мнимые кладбища слонов и слоны-карлики.

Животные редко умирают естественной смертью. Многие кончают жизнь в когтях у хищников, многих губят и болезни. Редко кто доживает до глубокой старости. Но и тут ему не дают спокойно умереть: даже львов, когда они стары, бывает, рвут гиены, тигров — дикие собаки, а медведей — волки. Если лев еще силен, хоть и стар, и на живого гиены напасть не решаются, то они сидят невдалеке и ждут, когда он умрет. И грифы его уже заметили и давно кружат, требуя своей доли. Когда он умрет, вся эта веселая компания набросится на него и съест.

Вот почему и еще потому, что, умирая, они забиваются в чащу, ущелья, норы, трупы диких животных редко попадаются людям на глаза.

Потому-то и странно, что иногда находят целые, можно сказать, залежи костей, например, слонов. Не древние кости, не ископаемые, а свежие «залежи».

Впечатление такое, будто слоны умирают не где попало, а в определенных местах. О кладбищах слонов сочинено немало разных историй, легенд, былей и небылиц. Но что в них правда, а что ложь, я решать не берусь.

В 1900 году немецкий зоолог Пауль Мачи описал новый вид африканского слона, круглоухого. Уши у него были менее угловатые, без сильно вытянутой вниз «мочки», кожа темнее и не такая морщинистая, как у обычного африканского слона. Бивни небольшие, более темного, голубовато-серого оттенка, направлены не косо вперед, как у длинноухого слона, а почти вертикально вниз: круглоухие слоны низко носят голову. И вообще они более «сутулы»: крестец у них выше переда. У обычного, длинноухого, или, как его еще называют, степного, слона плечи выше крестца. И сам степной слон заметно крупнее круглоухого, или лесного. Последний выше трех метров не бывает, а средний его рост два с половиной метра. Длинноухие слоны обитают в саваннах, степях, в камышах по берегам рек и озер, в перелесках — в общем, на открытых пространствах и в негустых лесах.

Круглоухие — жители сырых, больших тропических лесов и не любят длинных путешествий: корм в изобилии растет вокруг. На границах больших лесов и саванн встречали и смешанные стада этих разновидностей слонов, но бывают ли между ними помеси — неизвестно.

На каждой ноге у лесного слона на один палец, вооруженный копытцем, больше, чем в норме у степного слона. Но интересно: у эмбрионов степных слонов число этих пальцев такое же, как у лесного слона. Поскольку, следуя известному биогенетическому закону «филогенез — в онтогенезе», каждое животное в своем эмбриональном развитии как бы в сокращенном виде проходит некоторые стадии предшествующего развития своих предков, доктор Инго Крумбигель считает, что большие степные слоны произошли от низкорослых лесных. Он полагает также, что круглоухие и длинноухие слоны принадлежат к разным видам. Другие специалисты (их, кажется, большинство) эти два типа африканских слонов считают лишь подвидами одного вида.

Давно уже из Африки приходят сообщения о слонах-карликах, которые якобы водятся в глубине ее девственных лесов. Эти «игрушечные» животные еще мельче круглоухих слонов.

Палеонтологи установили, что на островах Средиземного моря — на Мальте, Кипре, Сицилии и Сардинии — миллионы лет назад действительно жили слоны-карлики.

Звероловы не раз привозили и из Африки карликовых слонов в зоопарки Европы и Америки (например, в Берлинский, Антверпенский и Нью-Йоркский). Странные животные жили в неволе годами, и даже в самом зрелом возрасте рост немногих из них чуть превышал два метра.

В разное время и в разных местностях Африки было обнаружено и описано еще 12 видов и подвидов слонов. Разбираться в этой невероятной путанице круглоухих, длинноухих, лесных, болотных, водяных, южных, северных и прочих слонов стало не под силу и искушенным специалистам.

Нужна была серьезная, как говорят зоологи, ревизия, то есть пересмотр всех описанных видов.

Инго Крумбигель в 1943 году попытался произвести такую ревизию, в которой доказывал, что в Африке лишь два вида слонов — слон степной, длинноухий, и слон лесной, круглоухий.

А как же слоны-карлики? Крумбигель считает их подвидами лесного слона. В западных и восточных районах зоны тропических лесов Африки образовалось два высокорослых и два карликовых подвида лесных слонов.

СИРЕНЫ, ИЛИ МОРСКИЕ КОРОВЫ

В отряде сирен два семейства, дюгони и манаты, два современных рода и четыре вида. Сирены — животные морские, обитают в теплых прибрежных водах Атлантического, Индийского и Тихого океанов. Кормятся водорослями, морской травой, разными другими водяными растениями и илом. На берег никогда не выходят, рождаются и умирают в воде.

Внешне сирены немного похожи на тюленей, но задних ластов у них нет, только передние, зато есть хвостовой плавник: округлые (у манатов) или с небольшой вырезкой (у дюгоней) лопасти его расположены не вертикально, как у рыб, а горизонтально, как у китов. Скелет задних конечностей редуцирован почти полностью. От крестца остались лишь две или четыре кости. Кожа толстая, до 5 сантиметров, складчатая, почти безволосая, лишь редкие щетинки разбросаны в ней.

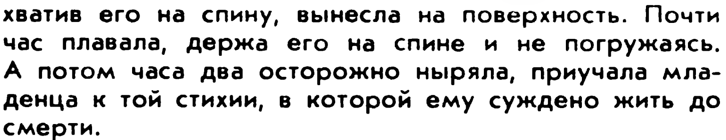
Клыков нет (были у некоторых вымерших видов), верхние резцы, похожие немного на бивни (длиной до 20 сантиметров), лишь у самцов дюгоней. Коренных зубов у манатов до десяти в каждой половине челюсти, верхней и нижней, и обычно лишь по три у дюгоней. Как и у слонов, по мере износа передние выпадают, а сзади нарастают новые. У самок пара сосков на груди, как у слоних. Эти и другие морфологические черты, особенно выраженные у вымерших сирен, указывают на их общее со слонами происхождение от древних первокопытных зверей, в память о которых некоторые манаты и по сей день носят на передних ластах рудиментарные «ногти».

ДЮГОНИ И ИМ ПОДОБНЫЕ

В воде, в окружении морской флоры и фауны, валики, самка-дюгонь родила свое единственное дитя и тут же, чтобы поникшие стенки легких новорожденного раздвинули первые глотки воздуха, под-

Обтекаемой формой тела и плавниками сирены, или морские коровы, похожи на китов. Прежде думали, что это особая разновидность растительноядных китов. Теперь доказано, что родичи сирен не киты, а... слоны. У самцов дюгоней, как и у слонов, есть даже небольшие бивни.

хватив его на спину, вынесла на поверхность. Почти час плавала, держа его на спине и не погружаясь. А потом часа два осторожно ныряла, приучала младенца к той стихии, в которой ему суждено жить до смерти.

И кормила его молоком (под водой!). Отец-дюгонь тоже был поблизости, но детеныша на спине не катал, ничем не кормил, польза в обороне от недругов тоже от него была невелика, лишь привязанность и сентиментальные чувства, а не ответственность влекли его к семье.

Дюгони — животные крупные, но безобидные и беззащитные. И довольно скучные, по мнению многих наблюдателей. Целыми днями едят, насыщая себя морской травой, глотают ее, почти не пережевывая. Едят под водой, в которой пребывают, не всплывая дышать, минут десять. Длина самого крупного из точно измеренных самцов от носа до конца хвоста — два метра девяносто сантиметров. Вес самых упитанных —200—300 килограммов. Из такого толстяка можно вытопить 56 литров сала! И жир, и мясо, и «слезы» дюгоня (жировая смазка глаз, которая стекает в углы глаз, когда пойманного дюгоня вытащат на берег) — все в местных суевериях сулит удачу или выздоровление от разных недугов. Оттого на дюгоней охотятся всюду и с копьями, и сетями, оттого их теперь мало.

Обитают дюгони в прибрежных водах Красного моря, в Индийском океане у восточного побережья Африки, вдоль побережья и у островов Бенгальского залива, Цейлона, Индонезии, Северной Австралии, Молуккских островов и Филиппин.

А по западному берегу Африки, в тропической зоне, живут ламантины — из иного, чем дюгони, семейства сирен. За-

плывают из моря в реки, загадочным образом добрались даже до озера Чад и там обосновались. Родичи ламантинов — манаты нашли подходящее для себя местожительство по ту сторону Атлантики, у восточных берегов Америки. Обычный манат (от Северной Каролины до северо-востока Южной Америки) и манат бразильский: реки бассейна Ориноко и Амазонки.

Внешне манаты отличаются от дюгоней лишь округлым хвостом и более раздвоенной верхней губой, обе половинки которой могут двигаться независимо друг от друга. Правда, манаты крупнее дюгоней. Старые самцы длиной до четырех с половиной метров и весят до 680 килограммов. Но такие теперь редкость, обычны двух- и трехметровые. Старые путешественники рассказывали и о семиметровых манатах, но в наши дни никто подобных не видел.

Отличает манатов и более короткая беременность — пять-шесть месяцев (у дюгоней одиннадцать). Детенышей может быть и два, с родителями живут они около двух лет, из которых полтора года сосут мать. Она кормит малыша под водой, распластавшись горизонтально брюхом вниз, и не поддерживает ластом, не встает по грудь вертикально из воды, как часто, говорят, бывает у дюгоней.

Странно, но именно эта приписанная сиренам молвой «человекоподобная» манера кормить дитя и породила, по-видимому, легенды, сказки и мифы о морских девах. Так считают исследователи этих легенд. Однако, возможно, и дюгони не кормят своих малышей, прижав к груди ластом и подняв голову из воды. Впрочем, точно это пока неизвестно. Но за

Манатов и ламантинов легко отличить от дюгоней по хвостовому плавнику: сзади он округлый, а у дюгоней — с небольшой вырезкой, похожей на рыбий хвост. Сирены кормятся только растениями.

кормящими манатами много раз наблюдали в аквариумах и зоопарках, и никто не видел ничего подобного.

Естественная история морских коров довольно заурядная, поведение не блещет проявлением особого интеллекта, образ жизни однообразен. Но сверхъестественная, мифологическая их история весьма романтична, интересна и уходит первородными корнями далеко в глубь тысячелетий — в Древневавилонское царство. Оттуда мифы о рыбохвостых девах (первоначально — мужчинах!), попутно меняя форму и содержание, перекочевали в Финикию, Древнюю Грецию и затем в другие страны.

Двести лет назад и в наших морях водились сирены (не сказочные, а натуральные!), сумевшие приспособиться к весьма прохладным водам севера Тихого океана. Ведь манаты и дюгони живут только в теплой воде, не ниже 20 градусов, но и такая слишком холодна для них. Они в ней лишь сонно дремлют, зимуя и дожидаясь лета, когда морские и речные воды на севере обитаемого ареала станут теплее.

Командорских сирен, или стеллеровых коров, открыла в 1742 году экспедиция Беринга. Имя «стеллеровых» они получили в честь молодого исследователя, «адъюнкта натуральной истории» и врача этой экспедиции Георга Стеллера, который первым описал жизнь и внешность капустниц, или капустников, — так назвали русские командорских сирен, которые кормились бурыми водорослями, по-местному — морской капустой. Не только природной склонностью к прохладным водам (и некоторыми морфологическими чертами) отличались капустницы от своих экзотических родичей, но и ростом: длиной были метров до девяти, а весом до четырех тонн.

«А той одной коровы мясо всем тридцати трем человекам на один месяц с удовольствием происходило в пищу» (Петр Яковлев, обер-гитенфорвальтер).

Были! Мехопромышленники, устремившиеся на Командорские острова вскоре после экспедиции Беринга, перебили их всех. Последнюю, говорят, съел с товарищами некий Попов в 1768 году.

КИТООБРАЗНЫЕ

Отряд китообразных систематики разделяют на три подотряда: древних (все вымерли 30 миллионов лет назад), зубатых и усатых китов.

Хотя китообразные произошли 70 миллионов лет назад, по-видимому, от каких-то хищных, близких к предкам собак, зверей (а возможно, и от насекомоядных!), все связи с сушей у них давно утеряны, а приспособления к жизни в морях, некоторых озерах и реках выражены лучше, чем у всех водных млекопитающих. Тело похоже на рыбье, но с горизонтальными лопастями хвостовых плавников. Передние конечности эволюция преобразовала в ласты, задние исчезли совсем, сохранились лишь рудименты костей таза, у гладких китов также и бедер, не связанных с позвоночником. У большинства китообразных есть спинной плавник, впрочем без костной основы.

Тело бесшерстное, кожа гладкая, с очень толстым слоем подкожного жира, который и служит термоизолятором. У кашалота, горбача и полосатиков толщина его в среднем до 18, а у гладких китов — до 50 сантиметров! Немного щетинок уцелело лишь на морде. Некоторые киты, например нарвал, совершенно безволосы. Потовых и сальных желез нет. Слюнных желез тоже нет, или они недоразвиты.

Желудок велик (у крупных китов вмещает тысячу литров!), устроен сложно: из трех камер. В первой камере пища мнется и «пережевывается» мускулатурой желудка, проглоченными камнями (у зубатых китов) и костями съеденных рыб. Почки относительно вдвое крупнее, чем у наземных зверей, так как удаляют из организма много проглоченных с морской водой солей. Нет трубчатых костей, все пористые, сильно пропитаны жиром.

Зубатых китов отличают от усатых прежде всего зубы: их может быть и 272 (рекорд

для зверей!) у амазонских дельфинов, и только одна пара (клюворылы и ремнезубы), либо лишь один левый верхний клык — почти трехметровый, направленный прямо вперед сквозь верхнюю губу (у самцов нарвалов, у самок недоразвитый зачаток этого клыка). Все зубы однообразны по форме, обычно конические.

У китов усатых нет никаких зубов, вместо них по бокам верхней челюсти растут роговые поперечные пластины с бахромчатыми изнутри краями — цедилка, которая, когда кит закроет рот, выпускает лишь воду, а мелкие рачки, рыбы и кальмары остаются во рту.

У зубатых китов череп по непонятной причине асимметричный и только одна ноздря, или дыхало; усатые сохранили обе ноздри и симметричный череп. Размеры зубатых китов от метра с четвертью до 20 метров (кашалот), усатых — от 6 метров до 33. У первых самцы крупнее самок, у вторых наоборот.

У китообразных нет обоняния, зрение относительно слабое, но слух отличный. Исследования последних лет показали, что эти животные сигналят друг другу, ориентируются в пути и эхолоцируют пищу с помощью ультразвуков, как летучие мыши.

Беременность дельфинов — 10—12, усатых китов — 11, а у кашалотов — 16 месяцев. Почти всегда один детеныш, двойни и тройни очень редки. Соски — одна пара снизу, у корня хвоста, в похожих на карманы складках — сокращением особых мышц впрыскивают в рот детенышу очень питательное молоко. В нем не больше 50 процентов воды. Полосатики кормят детенышей молоком полгода, дельфины-фоцены и горбачи — 8—10 месяцев, большинство других китов — почти год.

На превосходном молоке новорожденные киты растут очень быстро: китенок-блювал,

например, в первые семь месяцев в среднем прибавляет ежедневно по 100 килограммов в весе и почти 4 сантиметра в длину! Большие киты половозрелы в 4—6 лет, а некоторые дельфины и в полтора года. Самки крупных китов рожают через два с половиной года. Поскольку живут они лишь 30—40 лет, едва ли больше, то каждая, наверное, только 10—12 раз бывает матерью.

Китобойные флотилии всего мира уничтожили за последние 70 лет около миллиона крупных китов. Некоторые виды истреблены почти полностью.

СПЕРМАЦЕТОВЫЙ КИТ

Кашалот — зверь необыкновенный. И среди китов, и среди других созданий на земле. У него много редких качеств. Он обладатель многих относительных и абсолютных рекордов планетарного масштаба. Почти в любой детали строения этого кита есть нечто необычное.

Кишечник — орган весьма прозаический. Но у кашалота, помимо веществ, полагающихся по законам природы, он нередко содержит нечто загадочное — драгоценную амбру. Само слово, ее обозначающее, звучит экзотически-сказочно. И несмотря на непотребное местонахождение, цена амбры — на уровне золотого паритета.

Длина кишечника — 160 метров: абсолютный рекорд! Зачем плотоядному зверю кишки такой протяженности? Ведь добыча, которая питает его пятидесятитонное тело, хорошо переварима и усваивается без труда: кальмары и рыба. Первая загадка.

Загадка вторая — ноздря кашалота. Точнее, ее топография на «местности», которую представляет собой кит. У всех его родичей, зубатых китов, единственная ноздря на самой высокой точке головы, на темени. Ее пребывание там вполне обоснованно: так существу, наделенному легкими, удобнее дышать, выставив из воды лишь верхнюю оконечность головы. Но у кашалота носовой проход в черепе устремляется не вверх, как у его родичей, а косо вперед и открывается узкой щелью в переднем левом углу морды, рыла или головы (как еще назвать это колоссальное, похожее на нос дредноута, сооружение на черепе спермацетового кита?).

Еще пять редких и в значительной мере таинственных свойств у кашалота, представляющих не только

специальный, но и общий интерес. Первые три касаются поведения кита, два других — веществ, им производимых. По пунктам назовем их так:

1. Рекорды ныряния (разумеется, абсолютные).
2. Битвы со спрутами (гигантскими!).
3. Глотание людей (целиком, не разжевывая).
4. Спермацет («семя кита»).
5. Амбра (что это такое?).

Человек с аквалангом без особого вреда может погрузиться в пучину вод на 300 метров. А кит? Многие дельфины ныряют обычно не глубже 25 метров, а афалины — 300. Киты-полосатики промышляют морских рачков и мелких рыб в десяти-пятнадцати метрах от поверхности, но ныряют порой, если судить по показаниям манометра на гарпуне, и на 350 метров. Бутылконос охотится на кальмаров и рыб на глубинах в 500 и больше метров.

А кашалот?

Известно, что кашалот способен пребывать под водой не дыша час и полтора. Но как далеко уходит он в глубины морского пространства?

Аварийные суда уже 14 раз поднимали со дна океана у берегов Перу и в других местах оборванные телеграфные кабели с... кашалотами, попавшими в них как в силки! Семь раз такие аварийные ситуации случались на глубинах от 120 до 855, а пять — от 910 до 1128 метров. Возможно, попавшие в беду кашалоты принимали кабель за щупальце спрута. Схватив его зубами и пытаясь вытащить мягкотелого, но неслабого противника из укрытия в подводных скалах, кашалот опутал петлями толстого провода нижнюю челюсть, а затем и хвост, которым усердно помогал себе в борьбе с мнимым чудовищем. И, не сумев освободиться от силков, которые сам на себя накинул, погибал, захлебнувшись.

Если эта догадка верна, то, следовательно, охотничьи рейды часто приводят кашалотов на глубины в километр и больше, где чудовищное давление соленых вод (в сто атмосфер!), казалось, должно было бы сплющить кита и раздавить. Но этого, как ни удивительно, не случается. Почему?

«Величавые киты, что плавают в море воды, в то время как море масла плавает в них» (Ф у л л е р).

Это «масло» и другие жидкости, на 90 процентов наполняющие кита, под давлением, как известно, почти не сжимаются: расплющить кита ста атмосферами невозможно. Нс вот легкие, уносящие с поверхности многие кубометры воздуха, грозят глубоко нырнувшему киту опасностями прямыми (могут лопнуть) и косвенными (кессонной болезнью). Но тут мы наблюдаем парадоксальные соотношения: оказывается, что у китов, ныряющих глубоко (кашалот

и бутылконос), объем легких относительно вдвое меньше, а у китов, ныряющих неглубоко, напротив, в полтора-два раза больше, чем у сухопутных зверей.

Парадокс в том, что, ныряя глубже, казалось бы, следовало обеспечить себя и большим запасом воздуха, ведь дышать не придется целый час. А мы наблюдаем обратное.

Оттого, что легкие по отношению к общей массе кита невелики, эмболия, или кессонная болезнь, которая погубила многих водолазов, слишком быстро возвращавшихся с глубин, китам не опасна. Ведь тут что происходит: азот, захваченный легкими вместе с воздухом, под большим давлением переходит в кровь, из нее в ткани. При быстром подъеме на поверхность его микроскопические пузыри, внезапно освобождаясь из пересыщенного раствора, так как давление резко падает, закупоривают мелкие кровеносные сосуды и промежутки между клетками. Вот вам и эмболия, тяжелые страдания и часто смерть.

Кашалот же уносит в легких относительно мало воздуха, а с ним и азота. Кроме того, кровь его, плазма и обильные жировые массы обладают, по-видимому, повышенной способностью растворять азот, не позволяя этому газу, так сказать, пузыриться.

Есть и такая гипотеза: в крови кашалота живут какие-то симбиотические микроорганизмы, интенсивно поглощающие азот. Один исследователь обнаружил их будто бы не только у китов, но и в крови свиней, которых корабельные повара держали на палубе. Но другие эксперименты ничего подобного не доказали.

Если воздуха в легких у кашалота относительно меньше, чем, скажем, у дельфина, как может он нырять глубже и продолжительнее, чем дельфин? Тут природа предусмотрела немало хитрых дополнительных конструкций.

Во-первых, запасной резервуар для воздуха кашалот носит в своей чересчур массивной голове. Больше трети всей длины этого кита приходится на нее! Правая его ноздря намертво заросла, но правый носовой проход, пронзающий насквозь спереди назад всю голову, не зарос, а, напротив, как бы разбух, сильно увеличив свой номинальный объем. В нем, утверждают некоторые знатоки, хранит кашалот на всякий случай почти столько же воздуха, как и в легких. Не только для дыхания, но и для звуковой сигнализации и эхолоцирования.

Во-вторых, мельчайшие бронхиоли легких кашалота, усатых китов и клюворылов снабжены кольцевыми сфинктерами — особыми мускулами, которые, сокращаясь, наглухо замыкают легочные альвеолы. Это увеличивает время соприкосновения воздуха с кровью в альвеолах и более полное, следовательно, насыщение ее кислородом. Киты вентилируют свои легкие при выдохе и вдохе на 85—90 процентов их объема, а человек, к примеру, и наземные звери лишь на 15 процентов.

В-третьих, не только в легких можно хранить кислород. Даже у человека его здесь лишь 34 процента, остальное: 41 процент в крови, в гемоглобине, 13 в мускулах, в миоглобине, и 12 в клетках тканей. У китов эти пропорции изменены не в пользу легких: в них лишь 9, в крови — 41, в мускулах — 41, в тканях — 9 процентов кислорода. Миоглобина в мышцах кашалота в 8—9 раз больше, чем, например, у быка.

Крови у китов, особенно у кашалота, очень много. Не вся циркулирует, когда в этом нет особой надобности, а, как говорят, депонирована, то есть хранится до поры в различных сплетениях «чудесных сетей», которыми в изобилии наделено тело кита, в венозных пазухах печени, в мешковидном расширении полой вены и в селезенке.

Чтобы все это обилие крови, когда требуется, из запасных депо перекачать (да еще под давлением!), киту нужен сверхмощный насос. И он у него есть: сердце весьма внушительное. Его параметры метр на метр.

Спрашивается, а зачем кашалоту нырять так глубоко, разве у поверхности мало привлекательной добычи? Нет, не мало, даже больше, чем на глубинах. Но ведь и охотников до этой добычи на поверхности больше — разные киты, дельфины, косатки, акулы, тунцы, морские птицы... Ныряя поглубже и промышляя глубоководных рыб и кальмаров, кашалот там, по существу, вне конкуренции: ведь хищники глубин невелики, среди них нет таких, кто, поедая других, сам не опасался бы более удачливых охотников.

Лишь одного достойного противника встречает кашалот во мраке океанской бездны...

Это спрут — гигантский кальмар, головоногий моллюск (родич улиток — по дальней линии, каракатиц и осьминогов — по ближайшей). В мире беспозвоночных нет никого крупнее гигантских кальмаров: некоторые обладают десятиметровыми щупальцами и весят тонну. Сражения спрутов с кашалотами, которые немногие видели, — самые грандиозные битвы в природе. Ведь и кашалот гигант отменный: в мир он приходит четырехметровым, растет быстро, двадцатиметровые кашалоты прежде встречались нередко, теперь же самые большие — по восемнадцать метров. Даже червь-паразит, который живет в плаценте кашалота, восьмиметровый.

Старый кашалот весит больше 50 тонн, иные и под 100. Его узкая трех-четырехметровая нижняя челюсть вооружена полусотней массивных зубов длиной сантиметров по двадцать и весом по килограмму, иные зубы — по три кило!

Но вот «крики» кашалотов совсем не так внушительны, как сила и рост: короткие щелчки, стоны, похожие на скрип дверных петель, стук быстро печатающей машинки.

Исследования последних лет принесли нам сведения о максимальной скорости кашалота: 37 километров в час. Крейсерская же скорость его дальних передвижений — около 10 километров в час, на кормежках или когда зверь сыт и отдыхает — еще меньше.

Гладкие и серые киты плавают медленнее: 3—5, максимально 11 километров в час. Горбач резвее их. Но самые быстрые

пловцы киты-полосатики и дельфины: от 22 до 50 километров в час.

«Ради бога, мистер Чейс! Что случилось?» — Я ответил: «Судно столкнулось с китом, и корпус пробит» (Оуэн Чейс, старший помощник капитана китобойца «Эссекс»).

Год 1820-й: взбешенный кашалот дважды таранил китобоец «Эссекс» и потопил его вместе с командой, кроме тех немногих, что сидели в поврежденной шлюпке.

Небольшие деревянные корабли, соизмеримые по тоннажу с китом, на которых прежде охотились на кашалотов, часто погибали, пробитые головами исполинских зверей. Трудный это был промысел и опасный.

Кашалоты таранили суда, разбивали шлюпки, моряки тонули. Но интересно бы узнать, съел хоть раз кашалот кого-нибудь из этих отважных людей?

Доктор Гаджер, неутомимый исследователь разных странностей в природе, нашел старые описания невероятного происшествия с Джемсом Бартли, китобоем со шхуны «Звезда Востока». Кашалот разбил шлюпку и проглотил Бартли. Позднее, когда кита убили и стали разделывать, в его желудке увидели несчастного матроса. Он пришел в себя и выжил. Только его кожа будто бы потеряла пигменты, стала бледной. Рассказывают, что Бартли, бросив китобойное дело, ездил по ярмаркам Америки и показывал себя за деньги, как нового Иону, явившегося из чрева кита.

Много спорили о том, мог ли кашалот проглотить человека и мог ли проглоченный пролежать в китовом желудке несколько часов и не задохнуться.

Проглотить человека кашалоту не стоит особого труда. Глотка его достаточно широка и для двенадцатиметровых кальмаров, и для трехметровых акул. Пожалуй, сгоряча и в ярости это может случиться. Находили в желудках кашалотов вещи, к пропитанию отношения не имеющие: резиновые сапоги, деревянные брусья «с гвоздями на обоих концах», капроновые сумки и прочие вещи, случайно, надо полагать, попавшие в пасть.

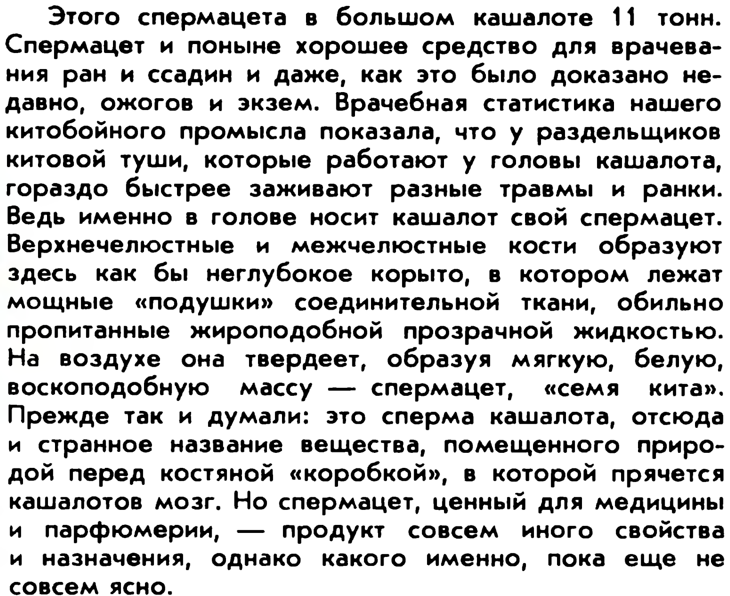
Но чем дышал проглоченный Джемс Бартли? Может быть, бок и желудок кашалота были пробиты гарпуном? Может быть, через эту дырку и попадал воздух в чрево кита?

От этого сомнительного происшествия перейдем теперь к вещам вполне реальным, к пункту четвертому перечисленных в начале этой главы особых свойств кашалота.

«И хвалил мне спермацет
Как лучшее лекарство от контузий».

(Шекспир)

Этого спермацета в большом кашалоте 11 тонн. Спермацет и поныне хорошее средство для врачевания ран и ссадин и даже, как это было доказано недавно, ожогов и экзем. Врачебная статистика нашего китобойного промысла показала, что у раздельщиков китовой туши, которые работают у головы кашалота, гораздо быстрее заживают разные травмы и ранки. Ведь именно в голове носит кашалот свой спермацет. Верхнечелюстные и межчелюстные кости образуют здесь как бы неглубокое корыто, в котором лежат мощные «подушки» соединительной ткани, обильно пропитанные жироподобной прозрачной жидкостью. На воздухе она твердеет, образуя мягкую, белую, воскоподобную массу — спермацет, «семя кита». Прежде так и думали: это сперма кашалота, отсюда и странное название вещества, помещенного природой перед костяной «коробкой», в которой прячется кашалотов мозг. Но спермацет, ценный для медицины и парфюмерии, — продукт совсем иного свойства и назначения, однако какого именно, пока еще не совсем ясно.

Не вполне ясно и что такое амбра. Прежде она ценилась на вес золота как средство от многих недугов и великолепный жизненный эликсир. Амброй лечили эпилепсию, бешенство, насморк, болезни сердца, добавляли ее в кадильницы для аромата и даже в вина! За последние 20 лет цена амбры резко упала, все-таки в зависимости от спроса и добычи один килограмм стоит от ста до четырехсот долларов. Значит, амбра лишь в десять или в два с половиной раза дешевле золота. Ее находят в кишках кашалотов либо в море, или на берегу.

За более подробными сведениями обратимся к известному знатоку китов:

«Одни ученые принимают амбру за патологический продукт выделений желчного пузыря больных кашалотов, другие — за нормальную секрецию желез прямой кишки здоровых животных, третьи считают защитным образованием кишечника после раздражения паразитами или хитиновыми клювами головоногих моллюсков. Замечательно, что амбру извлекали только из кишечника самцов. Первоначально она пахнет землей, но, полежав в закупоренном сосуде, приобретает запах мускуса или жасмина. Она высоко ценится в парфюмерии как лучший фиксатор цветочных ароматов. Говорят, что смоченный амбровыми духами носовой платок пахнет годы... Томас Бил из высушенных экскрементов кашалота будто бы получил вещество, напоминающее амбру; однако его рецепт до нас не дошел. Сейчас вновь пытаются приготовить таким путем амбру, и, возможно, недалек тот день, когда на китобойных флотилиях будут собирать испражнения кашалота для переработки их в благовонный продукт. Вопреки прежним представлениям амбра не относится к исключительно редким находкам: наши китобои ее находили в толстой и прямой кишках 4—5 процентов просмотренных кашалотов. Крупнейшие куски амбры, обнаруженные когда-либо

в этих китах, достигали 420 килограммов» (профессор А. Г. Томилин).

Кашалоты плавают во всех океанах, кроме Северного Ледовитого. Летом они из субтропиков и тропиков мигрируют в умеренные и холодные воды. Самцы добираются до Шпицбергена, Баренцева и Берингова морей. Самки обычно не выходят за пределы сороковых широт. Летом кашалоты заплывают в Средиземное и Балтийское моря. Зимуют они у берегов Западной Африки, а в Тихом океане — южнее Японии и в других тропических районах. Кашалоты и еще горбачи, кажется, единственные киты, которые, как показало меченье, иногда переходят в своих ежегодных миграциях экватор.

Самцы-кашалоты большую часть года живут небольшими стадами, некоторые — в одиночестве. Самки с детенышами и молодыми китами, нередко в сопровождении старого самца, — отдельно, в своей компании. Они дружны и помогают попавшему в беду товарищу, раненому или больному, окружают его, защищают и, если он тонет, подплыв снизу, выталкивают на поверхность.

С мая по октябрь, в основном в июле — августе, рожают кашалотихи одного, очень редко двух четырехметровых, весом по тонне с четвертью, детенышей. Кормят молоком 10—11 месяцев. Новорожденные растут быстро: в 4—6 лет (а не в 8—12, как слоны) молодые кашалоты уже половозрелы.

ПАРАД ЗУБАТЫХ КИТОВ И ДЕЛЬФИНОВ

СЕМЕЙСТВО КАШАЛОТОВЫХ. С большим кашалотом мы уже знакомы. В семействе спермацетовых китов еще один или два вида карликовых кашалотов, или когии. Рядом с большим кашалотом когия действительно карлик: больше четырех метров не растет, а весит 180—320 килограммов. Но с большим собратом его, несомненно, роднят и спермацетовый мешок на голове, и 18—30 мелких зубов в нижней челюсти, зубы верхней недоразвиты, и единственная ноздря слева, но не на конце морды, а отступя от него, почти посередине головы. Живут когии парами, стаями или в одиночку — точно неизвестно, в тропических и субтропических водах Мирового океана, летом плывут на север, но лишь до широты Голландии и Хоккайдо. У нас, возможно, гостят с весны до осени у южных островов Курильской гряды.

СЕМЕЙСТВО КЛЮВОРЫЛОВЫХ. Пять родов и приблизительно 14—15 видов. Клюворылые внешне несколько похожи на дельфинов, но отличить их можно: 1) по хвосту — он без вырезки по заднему краю (у дельфинов более или менее «ласточкин» хвост); 2) по дыхалу — оно, впрочем, как и у дельфинов, на самой верхней точке головы, но, когда закрыто, образует полулунную щель, обращенную выпуклостью назад (у дельфинов — вперед); 3) по зубам — они только в нижней челюсти и не больше двух с каждой стороны.

Некоторые клюворылы, как и кашалот, носят спермацет в голове.

Тасмацетуса, пятиметрового кита, наука открыла только в 1937 году. От всех клюворылых его отличают мелкие зубы, в обеих челюстях их до 90. В руки ученых попали кости только двух тасмацетусов, одного добыли около Новой Зеландии, в море Тасмана.

Бутылконосы и берардиусы — лоб высокий, круто вздымается над узким рылом, две пары зубов, реже одна, длина взрослых больше семи метров.

Северный, или высоколобый, бутылконос — Северная Атлантика, заходит в Средиземное и Балтийское моря, в устья некоторых рек. Держатся небольшими стадами, но иногда собираются вместе и по тысяче бутылконосов. Ныряют, по-видимому,

почти так же глубоко, как и кашалот, и остаются под водой по два часа. Кормятся кальмарами и рыбами.

Южный, плосколобый бутылконос (моря южного полушария от Атлантики до Западной Австралии) — животное более редкое.

Берардиус, или плавун, — самый крупный из клюворылых китов (до 13 метров длиной). Два вида: плавун Бэрда (север Тихого океана) и южный берардиус (антарктические воды Тихого океана).

Ремнезубы — лоб некрутой, плоский и зубов лишь пара. Тело обычно короче семи метров.

Ремнезубов, или мезоплодонов, во всех океанах, кроме приполярных вод, восемь-девять видов: одни трехметровые, другие — до семи метров. У всех лишь пара крупных, плоских, похожих на обрывки ремня зубов (в нижней челюсти), у некоторых видов есть и мелкие зубы. Кости рыла «плотномордого» ремнезуба так уплотнены и тяжелы, что их относительный вес на 34 процента больше, чем у бивней слона! Девятый вид ремнезубов открыли и описали японские исследователи в 1957 году! С тех пор, кажется, никаких дополнительных сведений о нем не поступало.

СЕМЕЙСТВО НАРВАЛОВЫХ включает два рода и вида: нарвал и белуха. Некоторые систематики объединяют их в одно семейство с дельфинами. Но у нарваловых, как, впрочем, и у некоторых дельфинов, нет спинного плавника.

Хвостовой плавник с вырезкой по заднему краю, едва заметной у нарвала и глубокой у белухи. У белухи в верхней и нижней челюсти по 16—20 зубов, у нарвала-самца лишь один невероятной длины (до трех метров!) бивень слева в верхней челюсти. Он извитой, как мавританская колонна, прямой и острый, как рапира. В прежние времена этот «рыбий зуб» очень ценился как лучшее средство от ядов и болезней. Цена доходила до 100 тысяч талеров!

«Легко себе представить силу пробойного удара, если нарвал весом в одну-две тонны и при скорости 30—40 километров в час пробивает льдину бивнем снизу. Через пробитое отверстие дышат все члены стада... Спиральный орнамент на поверхности бивня придает ему исключительную прочность» (профессор А. Г. Томилин).

Живут нарвалы зимой и летом в окружении льдов: в Арктике Америки и Евразии, на севере почти до полюса. Зимой редко, но можно встретить их и в Белом море, у Мурмана, Новой Земли, Норвегии и Исландии. Наверное, обороняются они своей рапирой и от косаток, которые при случае не прочь съесть нарвала. (Хотя таких наблюдений, кажется, и нет.)

Взрослые нарвалы пятнисты, словно леопарды, а белухи, или белуги, — белые с желтизной. Моряки называют их «морскими канарейками» не только за окраску, но и за «песнопения», нередко весьма музыкальные.

«Она может громко хрюкать, глухо стонать и свистеть, издавать звуки, напоминающие плач ребенка, удары колокола, женский пронзительный крик, отдаленный шум детской толпы, игру на музыкальных стеклах или на флейте с переливчатыми трелями, как у певчих птиц... Сравнивали ее голос со звуками струнного оркестра во время настройки, услышали в нем звуки, похожие на свист, визг, тиканье и клохтанье, а также мяуканье и щебетанье» (профессор А. Г. Томилин).

Такова белуха, прославленная в поговорке «реветь белугой», собрат и сосед меченосного нарвала. Живет она у берегов, обычно не заплывает севернее Земли Франца-Иосифа, в холодные зимы мигрирует в умеренные воды и устья рек: в Балтийское море, к Японии, в Амурский лиман, Обь, Енисей, Анадырь, Юкон и даже в Рейн.

В мае 1966 года белуха объявилась в Рейне и устремилась на 400 километров вверх по течению этой мутной реки. Гости-

ла в ней месяц. Немцы пытались ее поймать с помощью разных наркотических средств, но безуспешно, и в июне заблудившийся кит благополучно нашел дорогу обратно в море.

СЕМЕЙСТВО РЕЧНЫХ ДЕЛЬФИНОВ. Четыре рода и четыре вида — гангский дельфин, или платаниста (Инд и Ганг с большими притоками), китайский дельфин (озеро Дунтинху в провинции Хунань), амазонский дельфин, или иния (Амазонка и Ориноко с притоками), и ла-платский дельфин (Ла-Плата и прилегающие прибрежные зоны Атлантики). Самые древние и примитивные из всех китообразных. В реках прозрачность воды малая, потому все речные дельфины плохо видят. А гангский и вовсе слеп — глаза есть, но хрусталиков в них нет. Рыло узкое, длинное, на нем всю жизнь растут осязательные щетинки: помогают нащупывать добычу в иле. Ориентируются эхолокацией. Длина от полутора до трех метров (рекорд 4 метра: самка-платаниста). Зубы мелкие, и много их — у инии до 272 (рекорд для зверей!). В паводки амазонские дельфины вместе с водой, заливающей леса, по мелким протокам устремляются к подножиям деревьев затопленной сельвы, в озера и болота. Китайский «белый» дельфин — он серо-голубой сверху и белый снизу, — о котором наука узнала в 1918 году, весной в половодье плывет из озера Дунтинху в реки и там будто бы размножается. Ла-платский, самый маленький из речных дельфинов, обычное свое местопребывание — Ла-Плату — покидает, напротив, зимой и мигрирует вдоль берегов Бразилии на север, в субтропики.

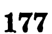
СЕМЕЙСТВО ДЛИННОРЫЛЫХ ДЕЛЬФИНОВ. В некоторых тропических реках посолились и другие дельфины — длиннорылые. Генетически они ближе к настоящим морским дельфинам, но сохранили, однако, ряд примитивных черт. Это небольшие, как правило, светлые дельфины (один вид розовый!), с длинными челюстями. Их пять родов и восемь или одиннадцать видов. Не все живут в реках: многие в морях, солоноватых бухтах, устьях и заливах.

По великой Амазонке плавают соталии, к которым индейцы относятся очень уважительно, почитают местами как священных за то, что нередко эти дельфины спасают утопающих людей и отгоняют от них крокодилов.

Камерунская суза, или белый западноафриканский дельфин (устья рек Камеруна и Сенегала), цветом вопреки названию серый, бурый, лишь снизу светлее. В роде суза еще 4 вида, из них лишь китайский дельфин из прибрежных вод Южного Китая и калимантанская суза по-настоящему, пожалуй, белые, но первый — с красноватыми плавниками, второй — с серыми пятнами.

Когда поймали первого «белого» камерунского дельфина, ученых поразило, что желудок его полон листьев, травы и плодов. С тех пор и думали, будто этот странный дельфин — вегетарианец. Только в 1958 году в руки зоологов попало еще несколько дельфинов этого вида. Желудки их с нетерпением взрезали: полным-полны рыбой и ни одного листочка! Очевидно, первый, удививший ученый мир камерунский дельфин получил свою необычную вегетарианскую пищу из... желудков проглоченных им рыб. Впрочем, это еще не решено окончательно.

СЕМЕЙСТВО НАСТОЯЩИХ ДЕЛЬФИНОВ очень обширное (15 родов и 51 вид), очень интеллектуального (по мнению многих, не менее, чем обезьянье племя!) и очень «говорливое» в весьма широком диапазоне акустических частот — от тех, что слышит наше ухо, до ультразвуков в двести килогерц Странно тут то, что голосовых связок у китов и дельфинов нет: «звучат», очевидно, их воздушные носовые мешки, складки гортани, горловые мешки, у китов усатых вибрирующие перегородки ноздрей и прочие, казалось бы, к «шумовому оформлению» не относящиеся органы.

В последние годы много писали о выдающемся для зверя интеллекте дельфинов, о редких талантах в обучении даже английскому языку: дрессированные дельфины сносно будто бы говорят и «бай-бай», и «прекрати это!», «да, все отлично!», «брызни воду!», «дай еще рыбы!» или «нет» (когда дельфин сыт, а его кормят), считают до десяти и произносят «тонкими детскими» голосами небольшие фразы из британского лексикона.

Писали и о том, что дельфины — представители второй земной цивилизации и с ними можно будто бы наладить разумную и отнюдь не телепатическую, а разговорную связь, обучив человеческому языку или расшифровав смысловую логику их сигнализации. Тогда интересно и со знанием дела дельфины расскажут о своей жизни, о затонувших кораблях, полных драгоценностей, о вражеских подлодках и прочих нужных в мирное и военное время вещах. Некоторые исследователи всерьез верят в реальность такого.

Бесспорно, дельфины очень сообразительны, как и другие умные звери, в океанариумах они подают людям брошенные в воду предметы. Одна девушка уронила фотоаппарат — дельфин нырнул за ним и вернул ей! В морях спасают своих раненых собратьев, сообща или в одиночку выталкивая их из воды, чтобы пострадавшие могли дышать, и не раз спасали так людей. Они умеют выгнать из-под камней забившуюся туда аппетитную рыбу, взяв в пасть... колючую скорпену (другую рыбу!) и уколов ее иглами ту, что хотят съесть. Они, желая поиграть на просторе в мяч, тащат к стенкам бассейна морских черепах, которые им мешают. Много удивительных трюков проделывают дельфины самых разных видов: играют в баскетбол, прыгают в огненные кольца, буксируют лодки. Все это говорит об их уме, но, увы, не большем, чем у многих других зверей — собак, слонов, обезьян, каланов и прочих интеллектуалов дочеловеческого ранга. Но то, что ум и речевые способности дельфинов равны или почти равны человеческим, не доказано и едва ли будет когда-нибудь доказано.

Обо всем этом написаны интересные книги, их вы читали или прочтете (особенно я рекомендую новую книгу А. Г. Томилина «Дельфины служат человеку»). Здесь же я представлю вам дельфинов с другой стороны: пройдут они небольшим парадом в рядах, составленных для них учеными-систематиками по правилам зоологической классификации.

Продельфины, род стенелла. Одиннадцать видов продельфинов плавают по всем тропическим, субтропическим и умеренным зонам океанов до Гренландии, Канады и Японии на севере. Они невелики, до 3 метров и 165 килограммов, весьма зубасты, до 208 зубов. Некоторые пятнисты, другие продольно-полосаты. Корабли преследуют довольно резво — 15 узлов, то есть 27 километров в час. Из них только сине-белый про-

дельфин, возможно, заплывает в наши воды у Курильских островов и в Балтийское море.

Умеренно удлиненной мордой и формами тела похожи на продельфинов дельфины-белобочки (три-четыре вида: один в умеренных и теплых водах всех океанов, другие более привязаны к определенным местам — Австралии, Южной Африке и Японии).

В Средиземном и Черном морях белобочка, пожалуй, самый обычный дельфин, собирается нередко тысячными стадами. Он сверху почти черный, снизу белый. Кормится в Черном море в основном хамсой и шпротой, зимой стаи этих дельфинов кочуют к берегам Турции, а летом — к Крыму и Кавказу. Встречаются они в Охотском и Японском морях, попадаются и в Балтийском.

В неволе очень послушны, а на воле прославились как неутомимые спутники кораблей и самые быстрые из китообразных. Способны, устремившись вперед со скоростью пятидесяти километров в час, обогнать любой корабль.

Серый дельфин, или грампус, самый крупный в семействе настоящих дельфинов после косаток и гринд: длина 3—4 метра, вес полтонны. Удлиненного рыла у него нет, голова спереди обрезана тупо, как у белухи, нарвала, гринд и косаток. Верхняя челюсть беззубая, а в нижней лишь 6—14 зубов. В одиночестве или небольшими группами плавают серые дельфины в Атлантике, в Тихом океане, в Средиземном и Красном морях. Один из этих милых дельфинов по кличке Пелорус-Джек, резвясь и играя, два десятилетия, с 1896 по 1916 год, сопровождал корабли как лоцман, указывая им путь между двумя островами Новой Зеландии, от Нельсона до Веллингтона, за что новозеландский парламент даровал ему охранную грамоту, запрещавшую убивать и обижать любезного дельфина.

Афалина, или турзиопс, внешностью очень похожа на обычного дельфина-белобочку. Игривостью и сообразительностью значительно, однако, превосходит его. В дельфинариумах, учрежденных в последнее время во многих странах, афалина — обычный гость. Здесь за этими дельфинами много наблюдали и много с ними экспериментировали.

Афалины широко распространены в теплых и умеренных водах всех океанов и во многих внутренних морях, например в Средиземном и Черном. Заходят в устья больших рек и предпочитают прибрежья открытым водам океанов. Всюду — и в Черном море, и особенно у восточных берегов США — весьма многочисленны. У нас обычны у берегов Крыма. В Черном море афалины сравнительно некрупные: в полтора центнера и длиной с 2—2,5 метра. В Атлантике и Тихом океане нередки до 3,5 метра и весом до 200—400 килограммов. Обычно афалины темно-серые, почти черные сверху, а брюхо белое. Морда умеренно длинная, но лоб более крутой, чем у белобочки. А зубов во рту 100 с небольшим.

Афалин два вида: обычная афалина-космополит и красноморская (Красное море, Индийский и Тихий океаны). Другие специалисты полагают, что есть еще три вида афалин. Все они обитают в Тихом океане.

В дельфинариумах, наблюдая за афалинами, увидели много интересного. Здесь я расскажу о том, как рожают афалины и как они спят. По-видимому, все это типично и для многих других китообразных.

Самец, обычно весной, несколько суток подряд игриво, прыгая из воды и резвясь, изгибаясь «в эффектных позах», ухаживает за самкой. Они обнимаются плавниками, касаются, «обнюхивают» друг

Умнейший из дельфинов — афалина. Не раз видели, как афалины помогают раненым или больным сородичам. Подплыв с двух сторон и подсунув головы под плавники раненого, выносят его на поверхность, чтобы он мог дышать. Иногда так же спасают и тонущих людей.

друга. Он коротко и визгливо «лает», если она уплывет к другому самцу, которого он гонит прочь, довольно громко щелкая зубами. И вот результат: через год самка готова стать матерью. Перед ответственным моментом она много занимается «физкультурой»: изгибает раз за разом спину и хвост, «зевает». Эти ее упражнения магнетически действуют на других самок в стаде. Они окружают роженицу с боков и снизу, а когда новорожденный, обычно хвостом вперед, выбирается в мир, роженица и ее эскорт

плывут к поверхности. Там детенышу помогают вынырнуть и наполнить воздухом легкие. Дитя рождается крупное — в треть длины матери и весом 10—12 килограммов.

Мать и обычно еще две добровольных «няньки» чутко охраняют детеныша с двух сторон. Других дельфинов мать к нему не подпускает. Она строго следит, чтобы он не уплывал от нее дальше чем на три метра. Если малыш ослушается, она наказывает его, прижимая мордой ко дну, и держит так («в углу»!) полминуты. Есть и другой метод наказания — удаление из воды. Подплывает под него и, вытолкнув неслуха из воды, держит там, на воздухе, недолго.

Когда плывут, малыш всегда рядом с ней и чуть выше, на уровне ее спинного плавника.

Спят афалины и некоторые другие киты, распластавшись в полуметре от поверхности с опущенным вниз хвостом и на полсекунды закрывая глаза. Потом на секунду-две открывают их и вновь на мгновение закрывают. Часто спят «вполглаза»: один глаз смотрит, другой нет. Каждую минуту слабый удар хвоста заставляет спящего подняться к поверхности, и здесь дыхало его автоматически, точнее рефлекторно, открывается, и дельфин дышит, чтобы затем вновь дремотно погрузиться. Детеныш лежит возле хвоста или спинного плавника матери, и поднимаются дышать они вместе.

Короткомордые дельфины, или лагеноринхусы (пять-девять видов) общими контурами тела похожи на афалин и белобочек, но морда у них короче и без всякой границы, «перелома», постепенно и незаметно переходит в покатый и невыпуклый лоб. На боках светлые и темные отметины в виде косопродольных полос. Живут они небольшими или очень большими (тысяча-две) стадами: некоторые виды в морях южного полушария, другие кто в Северной Атлантике, кто в северной части Тихого океана.

У дельфина Коммерсона (воды южного полушария) голова примерно такого же типа, как у лагеноринхусов. Окрашен он замечательно: пегий! Черные голова, плечи, плавники и хвост, все остальное белое. Еще два-три вида похожих на него дельфинов живут там же, где и он.

Гринды и косатки, самые крупные из дельфинов, объединены систематиками в одно подсемейство, хотя по характеру и поведению, казалось бы, они несовместимы: косатки — исполинские и свирепые хищники, подобных которым мир не знал со времен тиранозавров, а гринды весьма дружелюбны и миролюбивы.

У гринд круглые, тупые спереди головы без выступающего рыла (такого же в общем типа, как у белухи, нарвала, серого и иравадского дельфинов и некоторых морских свиней), спинной плавник сильно выдвинут вперед, а грудные необычно длинные. Цветом гринды черные, нередко с белой полоской на горле и брюхе, а ростом очень велики — самцы до 8,5 метра и весом до трех тонн.

Обычная, или черная, гринда живет небольшими стадами в Северной Атлантике, в Тихом океане (тоже в северной его части), в Индийском и в субантарктических водах. У нас встре-

Дрессированные тихоокеанские короткомордые дельфины. Средняя длина этих дельфинов два метра, значит, верхний дельфин летит над поверхностью воды более чем в четырех метрах.

чается в Балтийском и Баренцевом морях, но более обычна у Курильских и Командорских островов.

У Ньюфаундленда ежегодно добывают 3—5 тысяч гринд, мясо которых увозят в Канаду и США на корм собакам и лисам на зверофермах. У Фарерских островов за триста предшествовавших нашему столетию лет истребили 118 тысяч гринд.

Иравадский дельфин головой похож на гринду, но маленький, двухметровый. Знаменит тем, что, обитая в прибрежных водах Южной Азии — от Бенгальского залива до Калимантана, постоянно и очень далеко, на полторы тысячи верст, поднимается вверх по реке Иравади в Бирме.

Наконец, косатки. Большая, черная и фереза — все разных родов. От большой косатки в панике бегут многие пернатые, теплокровные и холоднокровные обитатели морей. Охотятся косатки на кальмаров и рыб, включая акул, но хватают и глотают дельфинов, тюленей, пингвинов. Редко, но нападают даже на не очень крупных моржей, сивучей, белух, нарвалов и даже — вообразить такое трудно! — на огромных усатых китов. На этих набрасываются, как волки, всей стаей и рвут острыми, массивными зубами куски жира и мяса из плавников, из губ, из горла кита, вырывают у него язык. Кит, теряя кровь, слабеет, и тогда косатки доедают его или, насытившись, бросают.

Белый дельфин!

Заметив на льдине тюленя или пингвинов, ведут хитрую атаку: нырнув и подплыв под льдину, чудовищным ударом снизу вверх ломают ее, даже если толщина льда больше метра. Упавшая в воду добыча в полной их власти. Часами патрулируют косатки окраины льдов: время от времени прерывают патрульный обход и, выставив вертикально из воды тупые головы, внимательно осматривают ледяные просторы — нет ли на них какой живности, которую можно утопить, расколов лед.

В желудке одной косатки нашли будто бы остатки 24 тюленей, другой — 13 дельфинов и 14 тюленей! И косатка эта была не очень велика — всего каких-то шесть метров. А бывают и побольше — десятиметровые и восьмитонные. У таких лишь спинной плавник, узкий и высокий, похожий немного на косу (но с широким лезвием!), вздымается над водой метра на два, когда косатка плывет у поверхности.

Окрашены косатки эффектно и контрастно: черные с белым брюхом, горлом и пятнами над глазами. Обитают во всех океанах, от тропиков до полярных льдов. Заходят даже в некоторые реки и моря: Средиземное, Балтийское, Баренцево, Белое, Карское (западные его районы), Берингово и Чукотское (южная часть). В отличие от других китов косатки, по-видимому, рожают детенышей каждый год, так как после родов самки их скоро опять беременны.

Этот прожорливый и огромный дельфин, глотающий целиком тюленей, опасен ли он людям? В морях — возможно. Но в неволе косатки очень послушны и миролюбивы. В аквариуме Сиэтла (США) четырехтонная косатка стала настолько ручной, что брала корм из рук сторожа, а он, чтобы покормить ее, безбоязненно заходил в воду. Больше того, этот человек даже катался на спине «свирепого» кита в лагуне, в которой косатка жила.

Когда другую косатку привезли в океанариум Ванкувера (Канада), она сначала ничего не хотела есть в неволе. Тогда спустили воду, подошли по дну бассейна к дельфину-гиганту, раздвинули его чудовищную пасть толстой палкой, просунули в глотку и дальше в желудок пожарную кишку и насосом «перекачали» два пуда селедочной пасты. Так кормили косатку через день целый месяц, а потом сама стала есть. Эта косатка жила в нежной дружбе с самкой короткомордого дельфина, которого в море, возможно, не задумываясь, проглотила бы. В океанариуме Сан-Диего (Калифорния) дельфин той же породы, но только самец, играл и долго ухаживал, проявляя полное мужское расположение, с косаткой женского пола. Она терпеливо переносила его навязчивый

флирт, порой переходящий границы дозволенного, но не разорвала и не съела кавалера-карлика.

Так что нрав косаток, по-видимому, не так уж и свиреп, как часто об этом пишут.

Ложная, или черная, косатка похожа немного на большую, но вся черная, голова у нее не туповатая, а удлиненная. Длина до 6 метров, вес до 1,5 тонны. В холодные воды, к кромке льдов ложная косатка не заплывает, обитает в умеренных и субтропических водах Мирового океана. Встречается в Средиземном и реже в Балтийском морях.

Интересно, что в 1846 году известный британский зоолог Роберт Оуэн описал черную косатку как кита вымершего. Ее череп нашли в болоте Ланкашира, на востоке Англии. Только через 16 лет эти косатки вдруг неожиданно «воскресли» для науки. Целая сотня их оказалась на берегу Кильской бухты.

Фереза, называемая карликовой косаткой, нелегко дается в ученые руки: только четыре экземпляра этого дельфина были изучены зоологами. Добыли их в Тихом океане и у Сенегала в Атлантическом. Цветом фереза темно-серая с белыми губами и длиной чуть более двух метров.

Остается рассказать о китовидных дельфинах (лиссодельфисах) и морских свиньях.

Первые тонким и длинным двухметровым телом и общими очертаниями напоминают китов-полосатиков. Как и у гладких усатых китов, у китовидных дельфинов нет спинного плавника. Нет его также у серых китов, бесперых морских свиней, нарвалов и белух. Морда длинная и без выпуклого лба. Лиссодельфисов два вида — северный (Тихий океан от Берингова моря до Японии и Калифорнии) и южный (антиподная часть Тихого океана и, возможно, все южное полушарие).

Бесперой морская свинья рода неомерис названа потому, что спинного плавника у нее нет. Это, кажется, самый маленький из дельфинов: длина 1,6 метра, голова, как у гринд, круглая, без рострума, выступающего рыла, а цвет кожи почти черный. По хребту тянется полоса мелких роговых бугорков. Живут морские бесперые свиньи на мелководьях у берегов Японии, Китая, Индокитая, Индонезии, Индии, Восточной Африки и в Персидском заливе. Часто заходят в реки: вверх по Янцзы на 1600 километров.

Белокрылых морских свиней из рода фоценоидес отличает от настоящих морских свиней (род фоцена) прежде всего окраска: белые полосы или пятна по заднему краю спинного и хвостового плавников и белые бока, резко, без переходных границ заметные на черном фоне тела.

Фоцен четыре вида. Самая обычная обитает на севере Тихого океана, в Северной Атлантике, в Баренцевом, Белом и изредка в Карском морях. Немало морских свиней и в Черном, Азовском и Балтийском морях. Держатся они у берегов, на мелководьях, кормятся бычками, хамсой и другими мелкими рыбами. Заходят нередко в устья рек, по Неве фоцены однажды поднялись в Ладожское озеро. Зимой из Азовского моря уплывают в Черное, а из Белого — в Баренцево. Мясо морской свиньи ценилось в Англии во времена Генриха VIII как лучшее королевское блюдо! Теперь его там и нищие не едят — так переменчивы вкусы человеческие...

ОБ УСАХ И ТРОПИКАХ

Пути эволюции зубатых и усатых китов разошлись очень рано. Произошли они, очевидно, от разных предков: усатые от короткохвостых, зубатые от длиннохвостых. Но каких «хвостых»? Копытных? Насеко-

моядных? или хищных зверьков креодонтов? Все названные возможные предки китов условно могут быть приняты до поры, когда наука лучше разберется в этом. Однако более вероятно, что китовыми предками были насекомоядные или креодонты, породившие также волков, медведей, гиен и кошек.

Усатыми названы киты за чрезвычайно полезное в их жизни оборудование: китовый ус — роговые, книзу клинообразно суженные пластины с волосовидной бахромой по всему внутреннему краю, обращенному в пасть. Они растут по бокам нёба кита, сверху вниз, друг за другом, как кулисы, и ориентированы плоскими сторонами вдоль продольной оси кита. Высота пластин китового уса у разных видов разная: от четверти метра, малые полосатики, до четырех с половиной метров у гладких китов. А всего таких пластин или усов у кита 260—800.

Ус — отличная цедилка! Набрав в пасть-корыто морскую воду с рачками, мелкими рыбами и кальмарами, кит ее закрывает, поднимает низ рта и язык и выталкивает воду обратно в море, прогоняя ее между пластинами своей цедилки. Вода вытекает, а вся мелкая живность остается во рту, на бахроме уса. Эту живую кашу кит глотает.

Таков процесс фильтрации в общих чертах: на деле все более сложно. Местами море не так уж богато кормом: за один глоток из него выцедишь немного съедобного. Поэтому киту приходится долго плыть с открытой пастью, пропуская через нее многие кубометры воды и дожидаясь, когда во рту наберется побольше живности, прежде чем закрыть его. Киты-полосатики фильтруют планктон; возможно, иначе: «полосы» — складки на их горле и брюхе, расправляясь и расширяясь вниз, позволяют им делать гигантские глотки. В одном таком «глоточке» пищи уже немало. Но у них другая проблема. Не очень-то легко, например, блювалу закрывать свою пасть: силы гравитации тянут чересчур тяжелую нижнюю челюсть, переполненную пищей, вниз. Кит ложится на бок, порой даже на спину переворачивается, и тогда под действием тех же сил его пасть сама захлопнется.

У берегов Антарктиды летом (антарктическим!) прежде кормились бесчисленные табуны китов. Море там в эту пору кишит довольно крупными (в шесть сантиметров) рачками эвфаузиидами — крилем. Эвфаузииды, калянусы и другие мелкие планктонные рачки — главная пища усатых китов. Правда, полосатик Брайда, а в некоторых морях, например в Северной Атлантике, и финвал кормятся в основном рыбой. Много рыбы и кальмаров поедают при случае и дру-

гие полосатики, но рачки все-таки их «хлеб насущный».

Осенью (южной, то есть в марте и апреле) плывут киты из Антарктики на север, в теплые воды, там плодятся, а весной снова возвращаются в царство криля. Плывут очень исхудавшие в теплых водах субтропиков.

Около Курильских островов, вдоль западного побережья Америки и по обеим сторонам Атлантического океана плывут весной (уже нашей!) на север, а осенью на юг большие стаи кальмаров, пелагических осьминогов, всевозможных рыб, рачков, медуз и других морских скитальцев. А за рыбами и кальмарами, за рачками и крылоногими моллюсками устремляются в далекий путь киты. Из года в год киты мигрируют одними и теми же путями, словно дорога их размечена невидимыми нам указателями.

И вот что интересно — зимовать плывут в тропики, но экватор крупные киты, кроме кашалота и горбача, как правило, не переходят! Почему? Жары и перегрева боятся!

Плавники китов, богато наделенные кровью, как доказал А. Г. Томилин, и есть те отдушины, через которые кит отдает лишнее тепло. У горбача плавники очень велики, до 10 процентов всей его поверхности. Поэтому и в тропиках он неплохо остывает. А кашалот, когда ему чересчур жарко, ныряет глубоко, как никто из китов не может, туда, где вода всегда холодная, как у берегов Антарктиды.

ПАРАД УСАТЫХ КИТОВ

Три семейства: гладкие, полосатики и серые.

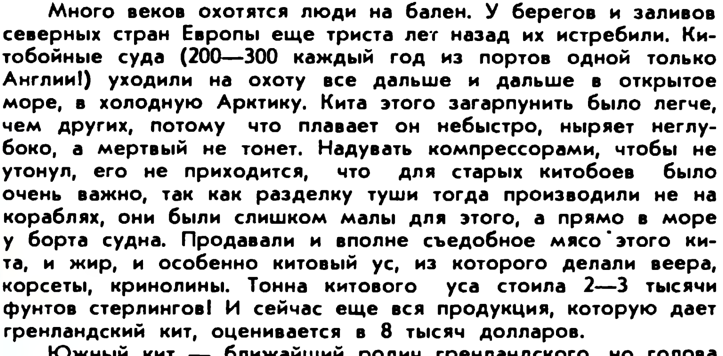
Балена, или гладкий гренландский кит,— это та чудо-юдо рыба-кит, о которой рассказывают сказки, легенды, о которой писал еще Аристотель, предполагая в «ней» не зверя, а только рыбу, хотя и кормящую своих отпрысков молоком и наделенную не жабрами, а легкими. Только в 1693 году англичанин Джон Рей доказал, что кит не рыба, а зверь.

Тот стилизованный образ кита, который мы видим обычно на иллюстрациях к сказкам, скопирован более или менее точно с гренландского. У него, как и у других гладких китов, нет «полос»— складок на горле и брюхе, нет и спинного плавника. Голова огромная, треть всей длины, кверху куполом выпуклая, во рту с каждой стороны по 320—325 узких темно-серых роговых пластин, самые большие 3,5 метра длиной. Длина самого кита 18—22 метра, вес до 100 тонн. Родина — Арктика, зона дрейфующих полярных льдов. Следуя за ними, гренландские киты плывут летом на север, в высокие арктические широты, зимой — на юг

и заплывают до Камчатки и северных Курильских островов.

Сейчас гренландский кит взят под охрану международным соглашением (так же как южный гладкий кит, горбач и блювал), убивать его разрешено только жителям Чукотки и Аляски. Уцелели считанные единицы этих китов.

Много веков охотятся люди на бален. У берегов и заливов северных стран Европы еще триста лет назад их истребили. Китобойные суда (200—300 каждый год из портов одной только Англии!) уходили на охоту все дальше и дальше в открытое море, в холодную Арктику. Кита этого загарпунить было легче, чем других, потому что плавает он небыстро, ныряет неглубоко, а мертвый не тонет. Надувать компрессорами, чтобы не утонул, его не приходится, что для старых китобоев было очень важно, так как разделку туши тогда производили не на кораблях, они были слишком малы для этого, а прямо в море у борта судна. Продавали и вполне съедобное мясо этого кита, и жир, и особенно китовый ус, из которого делали веера, корсеты, кринолины. Тонна китового уса стоила 2—3 тысячи фунтов стерлингов! И сейчас еще вся продукция, которую дает гренландский кит, оценивается в 8 тысяч долларов.

Южный кит — ближайший родич гренландского, но голова у него меньше, четверть всей длины, и ус не столь велик — до 2,6 метра, снаружи пластины не выпуклы, а прямые или даже вогнутые, на конце нижней челюсти нет обычного для гренландского кита белого пятна, но есть зато странной формы и происхождения роговой нарост вроде огромной бородавки.

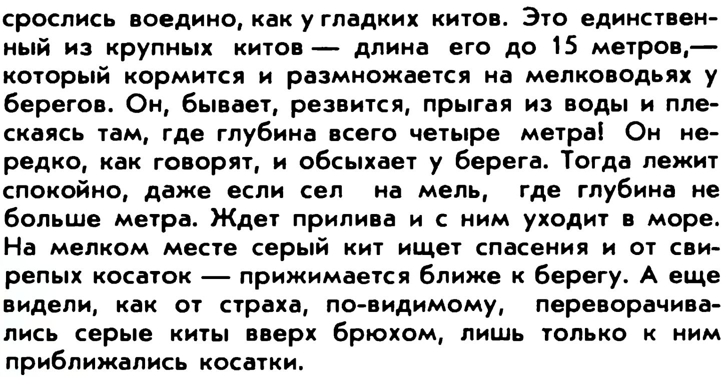
Обитают южные киты в Атлантике и Тихом океане, южнее гренландских, но так же редки сейчас, как и те. Еще в XI веке баски охотились на этих китов у берегов Испании, где зимовали киты. Всемирно известное ныне слово «гарпун», кажется, заимствовано у басков.

Одни исследователи считают: все южные гладкие киты (за исключением карликового) одного вида, другие — трех разных видов: бискайский южный кит (Северная Атлантика), японский (север Тихого океана) и австралийский (умеренные воды южного полушария). Жарких тропиков все эти киты избегают. Когда выныривают на поверхность, узнать их легко по двухструйному фонтану, обе половины которого бьют на три-четыре метра из головы кита под углом в 45 градусов.

Фонтан — это сгущенное в пар дыхание кита: воздух, вырвавшись под давлением из легких, тут же быстро расширяется и, расширяясь, охлаждается. Оттого и виден как «выхлоп» пара.

Карликовый гладкий кит — самый маленький из усатых китов, 6 метров длиной. Он черный, но, странно, с белым языком и пастью! Ус тоже очень светлый, цвета слоновой кости, а на спине небольшой плавник. Ребер у этого необычного кита больше, чем у всех других, — 34 пары. Только два позвонка непосредственно перед хвостом без ребер! Встречали китов-карликов у Южной Африки, Южной Америки, у Австралии и Новой Зеландии.

Серый кит — странный кит! Некоторыми своими чертами он напоминает гладких китов, некоторыми — полосатиков, но в близком родстве ни с теми, ни с другими не состоит. На горле у него две-четыре недлинные полосы, но вместо спинного плавника несколько небольших бугров. Шейные позвонки не

срослись воедино, как у гладких китов. Это единственный из крупных китов — длина его до 15 метров,— который кормится и размножается на мелководьях у берегов. Он, бывает, резвится, прыгая из воды и плескаясь там, где глубина всего четыре метра! Он нередко, как говорят, и обсыхает у берега. Тогда лежит спокойно, даже если сел на мель, где глубина не больше метра. Ждет прилива и с ним уходит в море. На мелком месте серый кит ищет спасения и от свирепых косаток — прижимается ближе к берегу. А еще видели, как от страха, по-видимому, переворачивались серые киты вверх брюхом, лишь только к ним приближались косатки.

Еще в исторические времена серые киты обитали в Северной Атлантике, ныне уцелели лишь в Тихом океане. Тут их два главных стада: одно зимует и плодится у берегов Калифорнии и Мексики, второе — у Южной Кореи. Летом и те и другие плывут, следуя за очертаниями берегов, на север. Корейские серые киты — в Охотское море, калифорнийские — к Британской Колумбии, многие и дальше — в Берингово море, но и там не все остаются, часть через Берингов пролив выходит в Чукотское море. Большинство из них, мигрируя, проплывает лишь в трех-пяти километрах от берега. На севере, поедая много придонных рачков-амфипод, равноногих рачков, червей-полихет и даже водоросли, серые киты жиреют и, придя на свои зимние квартиры на юге, почти ничего здесь не едят.

В начале нашего столетия казалось, что серых китов истребили. Позднее небольшие их группы снова стали появляться то тут, то там. Перед второй мировой войной, когда осталось только 250 серых китов, охоту на них запретили. Сейчас у берегов Калифорнии и Мексики зимует около шести тысяч серых китов, а по ту сторону Тихого океана, по-видимому, лишь единицы.

Можно ли пройти мимо и не подивиться тому исключительному феномену, что серый кит кормит (не по своей воле, разумеется) самого длинного из известных науке паразитов — сорокаметрового глиста! Для червей это рекорд. Самый длинный из них, не паразитов,— немертина линеус, обитатель атлантических прибрежий Европы — до 30 метров.

В семействе китов-полосатиков шесть видов. Пять — блювал, финвал, сейвал, полосатик Брайда и малый полосатик — для наблюдателя со стороны как бы уменьшенные в порядке перечисления копии друг друга. Блювал, или синий кит, самое большое существо, когда-либо обитавшее на земле. Средняя длина его около 24 метров, но попадались и 33-метровые блювалы. Вес до 160 тонн! Значит, один такой кит уравновесит

собой 40 слонов, 180 быков, полк солдат с полной выкладкой или 2300 мирных людей без походного снаряжения. Язык синего кита весит 4 тонны — как большой слон! — а новорожденный семиметровый китенок — 2 тонны!

Финвал поменьше блювала — 18—20 метров, максимум 27, вес 50—60 тонн, максимум 100. Сейвал еще меньше — 15—18 метров, максимум 21, 12—16 тонн. Полосатик Брайда — 13 метров. Малый полосатик — 7—9 метров, 5—10 тонн.

У полосатиков снизу, на горле и брюхе, 50—118 продольных борозд-полос. Только у горбача их не больше 40.

Эти киты, кроме полосатика Брайда, который не выходит за пределы субтропических широт и круглый год обитает около Южной Африки, Вест-Индии и на северо-западе Индийского океана, плавают по всем океанам, летом, особенно блювал, даже в высоких широтах Арктики и Антарктики. Синие киты встречались прежде и в Балтийском море, а малых полосатиков в прошлом веке дважды видели в Черном! (Этих миниатюрных китов отличают белые «перевязки» на грудных плавниках.)

Синие киты теперь под охраной закона, но их осталось очень мало: 2—5 тысяч, по подсчетам 1963 года. Финвалов в том же году, как предполагают, было 32 тысячи. Горбачей чуть больше 10 тысяч.

Горбач очень своеобразен, пожалуй, даже уродлив: головастый, на вид какой-то нескладный, с наростами вроде бородавок на губах, грудные плавники непомерно длинные, до трети общих размеров кита (пяти-шестиметровые, поскольку сам кит длиной 15—18 метров). Привлекают его мелководья, бухты и устья рек, куда горбачи иногда заходят. Заходили прежде, когда их было много, в Балтийское море и Финский залив. Весной горбачи южных стад мигрируют от берегов Австралии, Южной Африки и Южной Америки в Антарктику. А из северных субтропиков, тихоокеанских и атлантических, — в Берингово, Чукотское и Баренцево моря.

Горбач неуклюж лишь с виду, он ловок и подвижен, скачет нередко из воды, выписывая над морем настоящие мертвые петли, брюхом вверх, спиной вниз и с громким плеском плюхается сорокатонной тушей в океан, завершая свое умопомрачительное сальто уже под водой. С особым усердием все эти трюки осенью и зимой проделывают самцы-горбачи, когда ухаживают за самками. Затем следует ритуал более контактного ухаживания. Он плывет за ней, оба пускают к небу фонтаны. Он ее настигает, животные ложатся в воде на бок, брюхом к брюху, и хлопают друг друга плавниками, да так звонко, что, говорят, их игривые шлепки слышны за мили. Перевернулись на другой бок и вот стали в странную позу тет-а-тет: солдатиками, головами вниз, а хвостами вверх, выставив их над водой. Все пока игра. Завершают ее самые настоящие объятия в вертикальной позиции, но головами теперь вверх и над водой.

В таких вертикальных объятиях зачинают детенышей и многие другие киты. Но не дельфины, которые совершают все это мимолетно, на ходу, но тоже после предварительного ритуального ухаживания.

ЛАСТОНОГИЕ

Ластоногие (моржи, тюлени) близки к хищным сухопутным зверям. Хвост короткий, ушных раковин совсем нет или они недоразвитые.

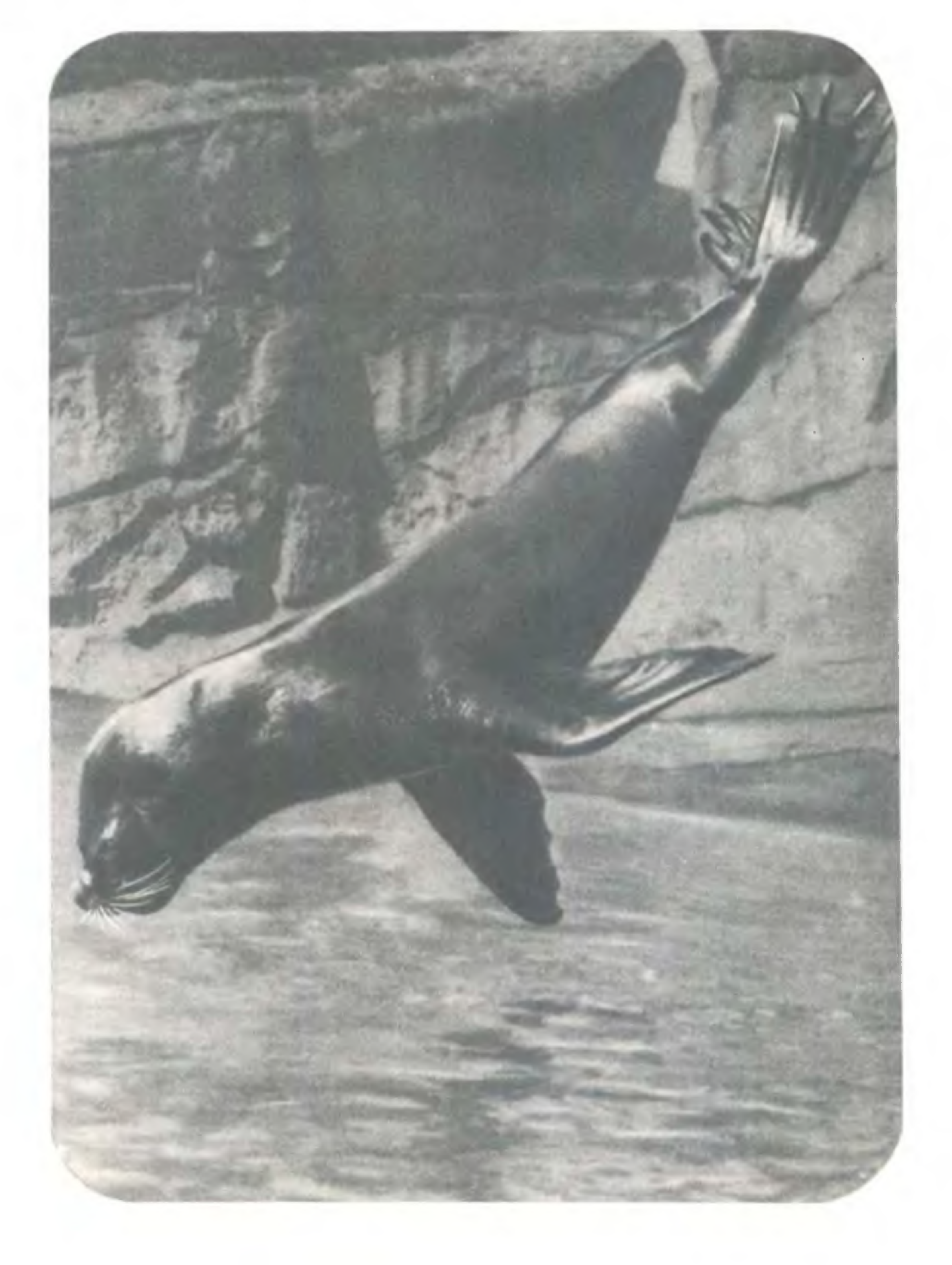
Распространены ластоногие по всем умеренным и холодным морям. Немногие, например тюлени-монахи, калифорнийские морские львы и некоторые южные котики, живут в тропиках и субтропиках. Животные в основном морские, но заплывают и в реки, обитают в озерах (Байкал, Ладожское и другие) и Каспийском море. На берег или на льды выходят главным образом лишь для линьки и размножения.

Беременность 8—12 месяцев. Настоящие тюлени — моногамы, кроме серого тюленя и морского слона, ушастые и моржи — полигамы, для размножения собираются на уединенных островах, куда плывут, например, котики, иногда за тысячи верст. Здесь в радиусе 50 километров собиралось порой больше миллиона разных ластоногих. Самки рожают одного, реже двух детенышей. Растут они быстро, в молоке около 50 процентов жира. Половозрелость в 2—3 года, живут до 40 лет. Плавают со скоростью около 30 километров в час. Ныряют до 110 метров (котики) и даже до 600 (тюлень Уэдделла).

Самые крупные из ластоногих — антарктические морские слоны (длина до 7 метров, вес до 3,5 тонны). Самые мелкие — арктическая раса кольчатой нерпы (70—75 сантиметров).

КОЕ-ЧТО О ЛАСТОНОГИХ

Колумб открыл Америку со всей ее весьма своеобразной флорой и фауной. Кого первого из этой фауны описали в науке? Тюленя-монаха! Множество их встретили испанцы в Карибском море во время второго своего «пришествия», в 1494 году. Колумбовы матросы тюленей ели, и все, кто пришел за Колумбом, их ели, и к концу прошлого века съели почти всех. Последнего карибского тюленя-монаха видели на Ямайке в 1952 году.

Матерые самцы южноамериканских морских львов весят полтонны: можно представить, с каким шумом и плеском приводнится этот тюлень! Южноамериканские морские львы обитают на обширной территории (10 тысяч километров) вдоль берегов Южной Америки от Бразилии до Магелланова пролива и дальше вдоль тихоокеанских берегов до Перу. Предполагают, что их здесь около миллиона.

У тюленей-монахов новорожденное дитя не белое, а бурое или черное до блеска: отсюда, наверное, имя. Два вида тюленей-монахов еще обитают — один у Гавайских островов, второй у Мадейры в Средиземном море и в Черном, у берегов Турции, Румынии. Лет 70 назад встречался и у нас в Крыму.

Три семейства ластоногих: ушастые тюлени, настоящие тюлени и моржи. У первых — небольшие ушные раковины, задние ласты подгибаются вперед, и животные на берегу опираются ими о землю. У вторых все наоборот: ушных раковин нет, задние ласты вперед не подгибаются, и, передвигаясь по суше или льду, эти тюлени быстро перебирают передними ластами, а задом юлят вправо-влево.

У моржей нет ушных раковин, но задние ласты сгибаются вперед, выполняя роль опоры. Кроме того, отчетливо выделяют взрослых и полувзрослых моржей всем хорошо известные большие верхние клыки — третий природный источник «слоновой кости», помимо бивней самих слонов и мамонтов. Клыки — метровые у самцов, до 60 сантиметров у самок.

Ушастые тюлени — это морские львы: патагонский, калифорнийский, австралийский, новозеландский. Это сивучи (северо-запад Северной Америки и северо-восток Азии) и морские котики — северный (сосед сивучей) и южные (другой род, шесть-семь видов — Южная Африка, Австралия, Южная Америка, Фолклендские и Галапагосские острова, юго-запад Се-

Самый крупный из ушастых тюленей — сивуч. Матерые самцы почти четырехметровые и весят до 1,1 тонны, самки — не больше 350 килограммов. 60—150 тысяч сивучей обитает на севере Тихого океана.

верной Америки, Кергелен и некоторые другие субантарктические острова).

Настоящие тюлени — это нерпы, самые мелкие из ластоногих. Кольчатая нерпа — Ледовитый океан и северные окраинные моря Европы, Азии и Америки, Балтийское море, Ладожское и Сайменское озера. Байкальская нерпа — озеро Байкал, порой поднимается в Ангару, Селенгу и Баргузин. Каспийская нерпа — Каспийское море, заплывает в низовья Волги и Урала.

Ларга, иначе — пестрая нерпа (умеренные и субарктические воды Европы, Северо-Восточной Азии и Северной Америки, на юг до Кореи, Желтого моря и Калифорнии).

Крылатка (тюлень, изящно разрисованный белыми циклическими полосами) встречается на юге Чукотского, Берингова и Охотского морей.

Лысун, или гренландский тюлень (взрослый белый с двумя большими в форме крыльев буро-черными пятнами на спине, до 4—5 лет — серо-пятнистый), живет в высоких широтах Атлантики и Арктики. Белоснежных (с желтизной) детенышей рожают в феврале — марте на льдах Белого моря, у Ньюфаундленда, на Ян-Майене (и больше нигде!).

Тевяк, серый, или длинномордый, тюлень, — от залива Св. Лаврентия и Гренландии до Ла-Манша, Скандинавии, Балтийского моря, Мурмана, Шпицбергена и Земли Франца-Иосифа.

Лахтак, или морской заяц, — моря Ледовитого океана на север до полюса, на юг до Лабрадора и Японского моря.

Четыре близких рода — крабоед, морской леопард, тюлени Росса и Уэдделла (все в Антарктике и ближайших морях).

Ушастых тюленей на земном шаре приблизительно четыре миллиона, из них около половины морских котиков. А еще 60 лет назад котиков было немногим более 100 тысяч. Обитают они только в северной части Тихого океана. Размножаются летом на Алеутских, Командорских и некоторых других островах, к зиме уплывают на юг, преодолевая за год до 10 тысяч километров.

Калифорнийский морской лев обитает у западного побережья Северной Америки, на Галапагосских островах и, возможно, сохранился у южных берегов Японии. Общее число этих тюленей, по приблизительным подсчетам, 70—150 тысяч.

Морской леопард пятнистый, как сухопутный зверь, именем которого назван, хватает и рвет пингвинов, других морских птиц и небольших тюленей. Зубы у него, как у настоящего хищника, и он грозит ими, разевая пасть, даже человеку, но первым никогда не нападает.

Его сосед крабоед — один из самых многочисленных на земле тюленей и самый быстрый на суше: человек и бегом не догонит! — кормится в основном мелкими рачками-эвфаузиидами (крилем), как усатые киты. Для такой пищи у него есть приобретенная эволюционным путем своя особая цедилка: коренные зубы прорезаны глубокими щелями и похожи на гребни. Глотнув побольше планктонного «супа», крабоед закрывает пасть и через зубы-гребни процеживает морскую воду, а рачки и рыбешки остаются во рту.

Еще три вида тюленей: хохлачи, северные и южные морские слоны — все способны раздувать свой нос.

Хохлач обитает в арктической и субарктической Атлантике, мигрируя, заплывает на юг иногда до Флориды и Португалии. Правда, это очень редкие случаи: у Флориды видели хохлача только один раз. Нос хохлач раздувает до внушительного, шестилитровой вместительности пузыря.

Северные морские слоны встречаются у побережья Кали-

У морского леопарда челюсти вооружены острыми зубами, которые длиннее, чем у всех тюленей. Попадаются и темно-серые, почти черные морские леопарды, но обычно они серые с темными пятнами. Самки немного крупнее самцов, длиной до 3,5 метра и весят до 400 килограммов. В Антарктике примерно 100—300 тысяч морских леопардов.

форнии. Закончив там репродуктивные дела с осени до весны, многие плывут на север до Британской Колумбии. Южный морской слон населяет субантарктические воды, на север до Южной Аргентины и Южных Шетландских островов. Эти, закончив репродуктивные дела, плывут на север до широты острова Св. Елены. Нос свой морские слоны не раздувают так интенсивно, как хохлачи. Однако небольшой «хобот» у их самцов надувается и исторгает сдержанный свистящий рев, не очень громкий и неблагозвучный.

Моржи — один вид. Зона обитания прерывистым кольцом охватывает «прибрежные и отмельные районы Северного Ледовитого океана и смежные участки Атлантики и Берингова моря». Однако видели моржей и у самого полюса. Размножаются весной, беременность и лактация около года. Это почти годовое кормление молоком примечательно: многие ластоногие детей поят молоком недолго — десять дней, четыре недели, три месяца (котики, сивучи и байкальские нерпы). Но ведь и это немного, если сравнить с другими крупными зверями.

Моржей два подвида: у восточного ноздри, если смотреть спереди, прямо во фронт, не видны, у западного видны.

Эти странные «гребни» зубы тюленя-крабоеда, весьма оригинальная модель цедилки, изобретенной природой. Когда тюлень закроет пасть, вода через щели в зубах вытекает наружу, а добыча — рачки и рыбешки — остается во рту.

Свое странное сооружение на носу тюлень-хохлач способен раздуть до ярко-красного пузыря шестилитровой вместимости. У самок носовой пузырь меньше, и сами они не так : велики, как самцы, которые вырастают нередко до 3,5 метра и весят 400 килограммов. Самцы серые, пятнистые, самки палевые с менее четкими пятнами, новорожденные детеныши белые.

Питаются рыбой, ракообразными, головоногими и другими моллюсками. Моржи иногда убивают и едят тюленей, поедают и водоросли. В желудках моржей находили куски кожи и мясо китов — нарвалов и белух, но немного. Возможно, моржи не сами их убили, а съели мертвых. Главная же пища моржей — морские моллюски, реже — морские черви (гефиреи) и голотурии.

В неволе ластоногие едят и пресноводную рыбу, но без жирной морской долго прожить, по-видимому, не могут.

Жирная пища необходима ластоногим для теплоизоляции, для пополнения слоя подкожного сала. Толщина его — до восьми сантиметров (у моржей до 15). Но жирная «шуба» (в ней четверть веса тюленя) местами тонка — это отдушины. На отдушинах у морского слона — их по три на каждом боку — кожа нагревается до 29—34 градусов. Всюду на теле только 18 градусов. Эти «радиаторы» быстро подсыхают и на серо-буром фоне еще сырой шкуры смотрятся золотисто-желтыми пятнами. Морской слон может и

Бивни моржей — не удлиненные резцы, как у слонов, а клыки. У самцов они вырастают до метра и весят каждый по 5 килограммов. У самок клыки короче и тоньше. По-видимому, лишь 45—90 тысяч моржей уцелело в Арктике.

прекратить теплоотдачу, очевидно сокращая приток крови к коже, и тогда всего за пятнадцать секунд ртуть в термометрах, приложенных к «желтым пятнам», с отметки в 34 градуса падает до 21!

У молодых морских слонов этот необходимый для жизни во льдах термомеханизм еще не функционирует: тепло они отдают всем телом и так много, что лед тает под ними, и несчастные малыши постепенно, медленно, но неуклонно погружаются в ледяные ямы. А так как они долго лежат на одном месте, то ямы получаются довольно глубокие, из которых малыши не в состоянии вылезти, и матери спасти их оттуда не могут. До пяти процентов молодых морских слонов погибает в таких жутких ледяных могилах.

Некоторые ластоногие, тюлень Уэдделла например, ныряют за рыбами и кальмарами так глубоко, как и не всякий кит может (до шестисот метров!) и, не дыша промышляют под водой четверть часа и больше. Рекорд — 43 минуты 20 секунд!

Едят тюлени немало — до 16 килограммов в день всего, что в зубы попадается. Но и поститься умеют долго: тюлени-монахи голодали в неволе по четыре месяца, а морские слоны и по сто дней! Морские слоны и на воле, когда у них родятся малыши (весьма полновесные, кстати сказать,— полцентнера!), месяца два лежат с ними на берегу и ничего не едят.

РУКОКРЫЛЫЕ

Рукокрылые единственные из зверей овладели истинным, машущим полетом. Происхождения древнего: миллионов 60—70 назад у каких-то первобытных древесных насекомоядных развились вначале летательные перепонки по бокам тела, подобные тем, которые мы видим сейчас у кагуана и которые затем были преобразованы эволюцией в настоящие машущие крылья.

Крылья ящеров-птеродактилей натянуты были, помимо плеча и предплечья, на очень длинном мизинце. У рукокрылых перепонку крыла поддерживают кости четырех очень длинных пальцев «рук». Третий палец равен обычно длине головы, тела плюс ноги! Лишь конец первого, то есть большого, пальца свободен, выступает из переднего края перепонки и снабжен острым когтем. У большинства крыланов свободен и крохотный коготь второго пальца. Пальцы задних конечностей — с когтями и от перепонки свободны. Ими рукокрылые, отдыхая днем или в зимней спячке, цепляются за ветки и другие предметы: повиснут вниз головой, плотно прижав к телу свои эластичные крылья, мускулатура которых, сокращаясь, стягивает и уменьшает их поверхность.

На мускулы, приводящие крылья в движение, приходится лишь 7 процентов веса животного (у птиц в среднем 17). Однако на грудине у рукокрылых вздымается небольшой, подобный птичьему киль, к которому крепятся главные из этих мышц.

Все рукокрылые днем спят, активны в сумерках и ночью. Обитают во всех странах света, за исключением Арктики и Антарктиды, за Северный полярный круг проникает лишь один вид. Новорожденных один, редко два, сосков у самок одна пара на груди. Только у рода лазиурус четыре соска. Детеныши растут быстро. Живут летучие мыши сравнительно долго, 15—20 лет.

Длина тела рукокрылых 3—40 сантиметров, размах крыльев 18—150 сантиметров, вес 4—900 граммов. В отряде рукокрылых два подотряда: летучие мыши и крыланы. Первые все без исключения наделены ультразвуковыми эхолотами, у вторых, по-видимому, — лишь немногие виды.

МИР КРЫЛАТЫХ ЗВЕРЬКОВ

Обязательные обследования каждого нового помещения, в котором впервые оказывается летучая мышь, создают в ее мозгу из разрозненных «эхокусков» достаточно полную, хотя, очевидно, и мозаичную, картину окружающего пространства, но картину не зримую, а услышанную! И в дальнейшем, ориентируясь в обследованном месте, этот удивительный зверек с крыльями полагается в первую очередь на свою превосходную память, доверяя ей, кажется, больше, чем позволяют изменчивые условия нашего непостоянного мира.

Дрессированных летучих мышей кормили из рук, держа их на определенной высоте. Привыкнув к этому, зверьки отлично запоминали положение кормящих рук, и, когда человек вдруг опускал руку с кормом, проголодавшись, они устремлялись к тому месту в пространстве, где, как помнили, прежде была пища, и летали, явно недоумевая, куда девались постоянно ждавшие их тут раньше мучные черви.

Привыкнув жить в клетке с открытой дверцей, летучие мыши, всякий раз возвращаясь из ночных полетов, безошибочно находили вход. Но стоило чуть переставить клетку или передвинуть входом в другую сторону, как они первое время не могли его найти, хоть был он рядом, и кружились у прежнего места, куда направляла их память, словно не веря в реальность сигналов от эхолотов.

У крыланов взмахи крыльев плавны и не так часты, как у небольших летучих мышей. Ширококрылые летучие мыши, например ночницы, так сказать, степенны. Полет у них спокойный, небыстрый, 15—16 километров в час. Узкокрылые вечерницы в резвом темпе одолевают за час 50 километров.

Набрав достаточную скорость, летучие мыши могут и парить немного, а крыланы по ветру скользят на распростертых крыльях немало.

Стартуя с ветки или иного какого предмета, одни

Рыжая вечерница закусывает кузнечиком. Вылетает она рано, еще в сумерках, а нередко и перед закатом, и парит тогда на фоне тускнеющего неба вместе с ласточками и стрижами.

летучие мыши просто падают вниз, а потом, расправив крылья, летят. Другие еще в положении вниз головой машут крыльями, с силой вздымают свое тело вверх, быстро разжимают лапки и летят. Не всегда летучие мыши спят, повиснув вниз головой. Многие, например, в пещерах лежат на горизонтальных выступах и карнизах. С них взлетают, как с земли, если случится на нее сесть: прыгнув в воздух.

По земле многие летучие мыши (но не подковоносы!) вопреки ожиданию бегают неплохо, а некоторые и весьма проворно. Опираются при этом на мозоли кистевого сгиба крыльев и подошвы задних ног. Лазают по вертикальным плоскостям тоже ловко, цепляясь когтями больших пальцев, которые торчат спереди из перепонки крыла, и когтями задних лап. И вода, если упадут в нее, зверькам не страшна: хлопая крыльями и прыгая вроде бы по воде, довольно быстро выбираются из нее на берег.

Летучие мыши, это всем известно, днем прячутся по разным щелям, дуплам, чердакам, колокольням, пещерам, погребам, а ночами охотятся за насекомыми. Правда, вечерницы и некоторые другие вылетают на охоту за майскими и прочими жуками рано, еще засветло, сразу после захода солнца. Ночью у

них перерыв, отдых в дуплах, а перед рассветом они опять охотятся над вершинами деревьев.

На некоторые удобные ночевки, обычно в пещерах и гротах, собираются прямо-таки умопомрачительные множества летучих мышей разных пород. В Карлсбадских пещерах Нью-Мексико, США, ночует девять миллионов этих зверьков! В сумерках они 20 минут вьются над выходом из пещеры семиметровым в поперечнике столбом, издали (за две мили!) похожим на дым пожара.

Обычно, когда самки беременны или кормят детенышей, самцы ночуют отдельно от них, мужскими компаниями в других укромных местах. Но у некоторых (у южного подковоноса) правило это не соблюдается. Семейственные это «мышки», и больше того, у них, кажется, самки кормят детенышей сообща!

Многие летучие мыши улетают, как и птицы, зимовать на юг, юго-запад, где нет больших морозов. Одни сравнительно недалеко, километров за 100—150, другие за 300 — прудовые вечерницы. Большие ночницы с Украины «эмигрируют» осенью в Венгрию. А североамериканские и канадские летучие мыши из рода лазиурус зиму проводят на лазурных берегах Флориды и Бермудских островов, до которых тысяча верст пути над бурным в осеннюю пору океаном! Впрочем, не все лазиурусы переселяются так далеко: некоторые, особенно самцы, предпочитают зимовать в летаргической спячке у себя на родине или немного южнее.

Рыжие вечерницы в южных районах нашей страны зимуют в дуплах толстых деревьев, на чердаках, в нишах и за оконными рамами заброшенных и полузаброшенных домов. Но из Прибалтики они улетают в Чехословакию, Германию, из-под Воронежа — в Крым, на Кавказ и даже дальше, в Болгарию. А один крошечный нетопырь-карлик, длиной несколько сантиметров и весом три-пять граммов, окольцованный под Днепропетровском, через 70 дней, осенью, объявился уже в Южной Болгарии, пролетев 1150 километров!

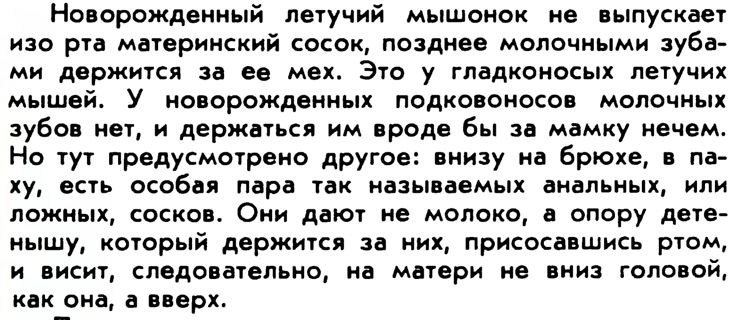
Летучие мыши, зимующие в пещерах, висят, завернувшись в крылья, под потолком и на карнизах вниз головами, иные лежат на горизонтальных выступах стен. Одни плотно друг к другу, в тесноте, так теплее, другие, малые подковоносы например, — поодиночке. Но все холодные, если пощупать их. Температура тела падает порой до нуля. А в лабораториях понижали ее даже до минус 4—5 градусов, и летучая мышь после этого не умирала! Кто еще из теплокровных на такое способен? Дышат они в зимнем сне лишь 5—6 раз, а сердце бьется 15—16 раз в минуту. В движении летом ритм дыхания и сердцебиения совсем другой — соответственно 96 и 420 в минуту.

Ушан в полете. Конструкция крыльев летучих мышей видна здесь, как на рентгене.

Спят не все: призрачные тени мечутся тут и там по пещере. Иных влечет что-то и на волю, из пещеры в пещеру. Что ищут они среди зимы? Толком мы этого не знаем. Правда, возможно, просыпаются те из них, кто осенью по той или иной причине не успел справить свадьбы.

Оплодотворение произойдет только через несколько месяцев, весной (всю зиму сперматозоиды хранятся в половых путях самки). Беременность, которая, впрочем, длится по-разному в зависимости от температуры воздуха, у ночниц приблизительно 54 дня, у ушанов — 56—100, у вечерниц — 73 дня. Детеныши, слепые и голые, рождаются в июне — начале июля. Месяца через два они на вид почти взрослые, а до тех пор матери сначала носят их на себе. Днем, когда спят, прикрывают, чтобы согреть, крылом.

Новорожденный летучий мышонок не выпускает изо рта материнский сосок, позднее молочными зубами держится за ее мех. Это у гладконосых летучих мышей. У новорожденных подковоносов молочных зубов нет, и держаться им вроде бы за мамку нечем. Но тут предусмотрено другое: внизу на брюхе, в паху, есть особая пара так называемых анальных, или ложных, сосков. Они дают не молоко, а опору детенышу, который держится за них, присосавшись ртом, и висит, следовательно, на матери не вниз головой, как она, а вверх.

Позднее крылатые мамаши, улетая ночью на охоту, оставляют своих чад в убежищах, и те сами уже умеют, зацепившись задними лапками, висеть вниз головой. Когда на рассвете родители возвращаются, малыши попискивают, каждый как-то, по-видимому, по-своему, потому что матери узнают голоса своих

детей и летят к ним, если у них не в обычае, как замечали у некоторых видов, кормить сообща и своих и чужих младенцев.

А позднее подросший мышонок отправляется на своих уже крыльях в ночные рейды. Обычно ультразвуками мать сигналит ему, и он летит следом. Если потеряет акустический ориентир, то кричит, и она возвращается. И он за ней, стараясь больше эхопеленг не потерять.

Летучие мыши умеренных широт размножаются лишь раз в году, но тропические — раза два-три. Бывает, мать одного детеныша еще кормит молоком, а второго или двух других уже носит в чреве.

Врагов у летучих мышей немного: хватают их по ночам совы, а в сумерках — хищные птицы. В тропиках некоторые змеи наловчились охотиться на спящих в дуплах летучих мышей, иные крупные рукокрылые поедают более мелких, а один тропический сокол (в Африке и Индонезии) приспособился кормиться почти исключительно летучими мышами!

В наших широтах летучие мыши страдают больше не от хищников, а от паразитов: блох, клещей, бескрылых мух из семейства никтербиид, клопов, но не наших постельных, хотя некоторые исследователи утверждают, что есть у летучих мышей и они, унаследованные от былого совместного с человеком обитания в пещерах. Губит многих и быстро наступающая на пустоши и леса цивилизация. Мало осталось мест, пригодных для зимовок и дневного сна летучих мышей, оттого кое-где число их сильно сократилось.

ИЗБРАННЫЕ РУКОКРЫЛЫЕ

Числом видов рукокрылые уступают только грызунам. О многих из них рассказать невозможно. Ограничимся избранными: интересными или типичными.

Прежде — наши летучие мыши. Три семейства — подковоносы, гладконосые и бульдожьи. Последних представляет в нашей фауне (Кавказ и Средняя Азия) один вид — широкоухий складчатогуб. Верхние губы у него собраны гармошкой в мясистые складки, уши козырьком нависают над мордой, хвост длинный, мышиный, торчит из перепонки больше чем наполовину. Складчатогубы попадаются редко, у нас их немного. Но в тропиках и субтропиках — несколько десятков видов. Поселяясь в гротах и искусственных башнях в США, они дарят предприимчивым людям превосходное гуано. (Больше 100 тысяч тонн его вывезли из Карлсбадских пещер в Нью-Мексико.)

У нас складчатогубы прячутся в расщелинах скал, летают поздно, в полной темноте, без резких поворотов, прямолинейно, быстро, как стрижи.

Подковоносы, напротив, медлительны, но курс их тоже прямолинеен. Хвост короткий, наружу из перепонки не торчит, а морда украшена голыми наростами, которые спереди и вокруг ноздрей образуют подкову, над ней — седло (кожаный гребень), за ним — ланцет, торчащий вверх кожистый лепесток. В СССР подковоносы живут только на юге Украины, в Крыму, на Кавказе и в Средней Азии. В тропиках и умеренных странах Старого Света их больше 50 видов. Ползать по горизонтальным плоскостям, как другие летучие мыши, не умеют и потому спят в убежищах с широкими входами, в которые можно влетать, а не с узкими щелями и дырами, в которые надо вползать.

Гладконосые — без подков и прочих наростов на морде — самые обычные наши летучие мыши. Их много, и они разные: ночницы, вечерницы, ушаны, нетопыри, кожаны, трубконосы, длиннокрылы...

Если летучая мышь охотится в сумерках, сразу после захода солнца (в лесах лиственных и смешанных), и летает быстро, высоко, на уровне верхних крон деревьев, сама довольно большая, узкокрылая, рыжеватая, ловит хрущей, майских жуков и других крупных насекомых, то скорее всего это рыжая вечерница.

Нетопырь-карлик тоже не ждет полного мрака, отправляется на охоту рано, после захода солнца, но летает у опушек, в парках, на улицах деревень невысоко, у низа крон, вертко, с частыми поворотами. Сам невелик — размах крыльев около 20 сантиметров. День проводит на чердаках, за наличниками окон и в дуплах. Родич его — крохотный африканский банановый нетопырь, как правило, спит в молодых, свернутых кульком листьях бананов.

Ночницы (в СССР — 11 видов, а во всем мире — 70) летают поздно, в полной темноте, небыстро, спокойно, прямолинейно, без резких бросков и поворотов. Лишь некоторые — быстро и беспорядочно. Крылья широкие. Прудовая и водяная ночницы охотятся низко над прудами, реками и озерами. Ночница Неттерера тоже любит промышлять у воды или среди листвы, летает небыстро, плавно, невысоко. Хвост опускает вниз, не подгибает к телу, как другие ночницы.

Ушаны (с огромными не по росту ушами: их длина около 4, а тела и головы — 5—7 сантиметров) отправляются на промыслы в полной темноте. Полет у них медленный, порхающий. Трепеща крыльями, повисают порой у листвы или стен на одном месте в воздухе, высматривают насекомых, чтобы схватить с листа или стены и съесть. Спят ушаны в дуплах, на чердаках, в развалинах, положив уши на спину и спрятав их под крылья. На юг осенью не улетают, зимуют там, где жили летом, но в местах более теплых — в погребах, пещерах, на утепленных чердаках, в дуплах толстых деревьев и в колодезных срубах. Забираются туда поздно, в октябре — ноябре, а весной вылетают рано, в марте — апреле.

(Более подробно и интересно о наших летучих мышах вы прочтете в прекрасной книге профессора А. П. Кузякина «Летучие мыши».)

А теперь отправимся в страны экзотические. Тут разнообразие рукокрылых превеликое.

Сначала несколько общих замечаний о размерах и нарядах.

Минимум 3,5 сантиметра длина головы и тела бананового нетопыря-карлика, одного из самых маленьких млекопитающих. Весит он 4 грамма. Меньше лишь некоторые землеройки, и самая крохотная из них средиземноморская сункус этрускус — 2 грамма! Максимум в размахе крыльев — 45—50 сантиметров, а вес — 100 граммов: южноамериканский большой ложный вампир и австралийская мегадерма, именуе-

мая тоже ложным вампиром. Немного уступают им в весе и росте малайские голые бульдоговые летучие мыши. Они действительно голые, то есть без шерсти, от который уцелели немногие волосики. У большинства других летучих мышей голые только уши, кожные наросты на морде, если они есть, и почти вся перепонка крыльев. По бокам тела у бульдоговых летучих мышей образуемые складкой кожи карманы, в которых, отдыхая, прячут они крылья, запихивая их туда задними ногами! На шее еще пара складчатых карманов для пахучих желез.

«Их запах так же поразителен, как и вид: напоминает интенсивный смрад давно не мытого человека. Если крепко держать животное в руке и открыть пальцем его странные шейные карманы с железами, то вонь становится невыносимой» (Десмонд Моррис).

Красочными нарядами летучие мыши обычно не блещут: бурые, серые, кто посветлее, кто почти черный. Но есть и красно-бурые, и оранжево-красные, и кремовые, и даже белые! Совсем неподходящий, казалось бы, для полуночных прогулок наряд.

Щелемордые летучие мыши с уникальным в животном царстве раздвоенным на конце хвостом. Едят они и скорпионов!

У некоторых южноамериканских ложных вампиров белые продольные полосы на голове и спине. У африканца эптезикуса крылья белые, но тело бурое. А у одной африканской ночницы крылья черные как ночь, а шерсть на теле желтая или оранжевая — отличный контраст!

Бывает, что самки бурые, а самцы оранжево-красные, или у тех и других разные цветовые, как говорят, фазы — светлые и темные.

Насекомые — исконная и обычная пища большинства летучих мышей. И не только комары, как часто думают, для многих даже главным образом не комары, а жуки, пойманные на лету, на земле и в листве (навозники, жужелицы, хрущи), сверчки, мотыльки, даже гусеницы, пауки и... скорпионы! Хватают добычу широким ртом, а если схвачена она неудобно, подгибают под живот перепонку, натянутую между задними ногами. Сунут туда голову, как в чашу, по-

ложат на секунду жука в образовавшийся сзади карман и, перехватив его поудобнее, съедят. Проделывают все это и на лету и сидя.

У большинства летучих мышей хвост на всю или почти на всю длину обтянут летательной перепонкой, у иных, как у наших складчатогубов, торчит из нее на полдлины или около того. У некоторых вообще нет хвоста.

Но вот у ринопомы хвост! Тонкий, длинный, равен длине головы и туловища и торчит целиком из перепонки. Заползая в щели и пятясь задом, ринопомы хвостом прощупывают дорогу. Глаза у ринопомы большие, ноздри с клапанами, морда — ну прямо поросячья. Сзади тело голое, а под голой кожей на крестце, в основании хвоста и на брюхе спрятаны богатейшие запасы жира — они равны почти половине веса самого зверька.

Ринопом четыре вида (на Суматре, в Индии, два других — от Египта и Судана на восток, один — до Ирана, другой — до Таиланда). Все предпочитают сухие, открытые, безлесные пространства. Египетские ринопомы пользуются как квартирами пирамидами фараонов и тысячелетиями устилают их переходы и погребальные камеры своим гуано.

В Передней и Южной Азии, Африке и на Мадагаскаре обитает 10 видов щелемордых никтерид. У всех морды прорезаны двумя странными, довольно глубокими продольными каналами, в передних углубленных концах которых лежат ноздри. По-видимому, это рупоры для ультразвуков. Никтериды, подобно подковоносам, кричат не ртом, а «носом». Но издают звуки модуляционного типа, как у гладконосых летучих мышей. Именно эти щелемордые едят в Африке скорпионов!

Хвосты у них прямо небывалые! На концах разветвились, Т-образно раздвоились, и получилась из хвоста вилка, как ни у кого больше в мире. Обе половинки ее поддерживают задний край летательной перепонки.

К щелемордым близки мегадерматиды, или ложные вампиры, Старого Света. Их пять видов (Африка, Южная Азия, Австралия). Они бесхвосты, как и многие южноамериканские ложные вампиры, и, как те, совершили естественный и несложный переход от чистого насекомоядства к хищничеству. Достаточный рост и сила челюстей позволили им хватать и есть мелких птиц, ящериц, лягушек и маленьких собратьев своих — летучих мышей. Четыре больших ложных вампира за девять дней пути из Тринидада в Нью-Йорк начисто обглодали двух голубей, которыми их кормили в пути. Родич их и земляк, филлостомус, за

Вампир!

одну ночь съел трех мышей. Другой филлостомус, когда его посадили в клетку с бульдоговой летучей мышью, вдруг раскинул свои почти полуметровые крылья, упал на нее сверху, аки демон, прокусил голову и спину, а потом всю сожрал.

Ложные вампиры едят и фрукты (даже цветы рвут и глотают!), но многие предпочитают оставлять вегетарианские продукты, так сказать, на закуску, если есть возможность поймать некрупного теплокровного или холоднокровного.

Мелкие родичи южноамериканских ложных вампиров, трепеща крыльями у цветка, как колибри или нектарницы из мира пернатых, длинным тонким языком вылизывают нектар и пыльцу. В неволе их кормили сахарной или медовой водой, зверьки лакали ее на лету прямо из плоской чашки. Нередко эти лету-

чие мыши садятся прямо на цветок, обхватив его крыльями и лапками, и сосут, вернее, лакают сладкий сок. Едят они, как и колибри, также и насекомых.

Бесспорное приспособление крылатых зверьков и цветов друг к другу доказывает, что их взаимные услуги практикуются в природе давно. У рукокрылых «нектарниц» морды узкие, языки длинные с щетинками на конце, среди которых застревают капли сока. А цветы у растений, которые опыляют летучие мыши, прочные, большие, колокольчатые, с широким входом, распускаются по ночам, и к этому же времени в них больше всего нектара. Запах у них обычно какой-то кислый, затхлый, но летучих мышей он привлекает. Растут эти цветы на концах самых длинных веток либо прямо на стволах, внизу под кроной, чтобы рукокрылым опылителям удобнее было до них добраться.

Фрукты, орехи и семена едят многие листоносы. Названы они так за причудливой формы нашлепки на морде, иногда вытянутые вверх в виде длинных стилетов, например у лонхорины: стилет — 2, а все тело лишь 4 сантиметра длиной! Фруктовые вампиры — это стенодермы, кароллии, артибеусы. Последние — мировые рекордсмены: их пищеварительный тракт растительная пища проходит за 15—20 минут. Прямо поточный метод! Конечно, за столь краткий срок семена фруктов перевариться не успевают, и поэтому роль летучих мышей как сеятелей велика.

Когда Колумб и последовавшие за ним привезли в Европу рассказы о крылатых демонах ночи, сосущих кровь человека, то Карл Линней скорее под их впечатлением, чем следуя обычной своей распорядительности, толком не разобравшись, назвал вампиром-призраком самую большую и довольно страшную на вид (со стилетом на носу!) американскую летучую мышь, с той поры именуемую большим вампиром. К этому незаслуженному имени необходимое ради точности и справедливости слово «ложный» не всегда даже и прибавляют. Так совершена была досадная ошибка, ибо истинные вампиры, сосущие кровь (а такие есть!), совсем не листоносы и не так огромны, как фруктоед и охотник за всякой живой мелочью большой ложный вампир. В размахе крыльев они втрое поменьше, а весом так и вчетверо. Впрочем, в семействе кровососов три разных рода и три вида. Все американские (от Мексики до Уругвая плюс остров Тринидад), у всех морды бульдожьи, курносые, у всех нет хвоста, резцы с острыми краями, клыки с отточенными (толщиной с волос!) вершинами,

чтобы молниеносно наносить деликатные порезы глубиной в 1—5 миллиметров, желудок длинный, кишковидный, много раз изогнутый, тонкостенный, растяжимый — весьма пригодный для обильного наполнения жидкостью. Такого же типа желудки и у других кровососов — пиявок и комаров.

И так же как у пиявок, в слюне вампиров, разумеется истинных, — особый фермент, который не дает крови свертываться, и какое-то еще, по-видимому, обезболивающее, анестезирующее вещество!

Анестезия нужна, чтобы люди, лошади, коровы, козы, свиньи, собаки, куры и другие домашние (как правило) или дикие (что не исключено) теплокровные (обязательно) животные не проснулись, не почувствовали бы раньше времени диверсии и не прогнали бы кровососа.

А вампир жаден и прожорлив: не улетит, пока не насосется крови так, что едва может двигаться. Один вампир в неволе за 20 минут вылакал полную миску крови! С трудом поднимается в воздух, и летит он куда-нибудь в дыру в скале, в пещеру, реже в дупло или под крышу, и, забившись туда, висит, дремлет несколько дней в одиночестве или в сообществе с тысячей таких, как он, или других летучих мышей, пока свою жуткую пищу не переварит и голод снова не выгонит его на охоту. Тогда вампир летит низко, в метре над землей, прямым курсом, эхолот зверька работает слабо, в тысячу раз слабее, чем у насекомоядных сородичей.

Атакуя кого-либо, вампир садится на спящего или дремлющего зверя тихо, осторожно, тот не чувствует прикосновения. Специально этой цели и служат мягкие подушечки на подошвах задних лап и кистевых суставах, которыми вампиры опираются при посадке. Не чувствует и молниеносного укуса, анестезия, видно, помогает. Но обычно вампир опускается около жертвы и проворно ползет к ней. Тогда он похож на огромного бурого паука. Рассказывают, будто трепетом крыльев вампир убаюкивает спящих и, чтобы не разбудить их, на лету, паря на месте, лижет кровь. Но зоологи этого не видели, и поэтому полной уверенности, действительно ли такое бывает, у нас нет.

Я сказал, что вампир лижет кровь, говорил, что и сосет, лакает. Как же все это свершается на самом деле?

«Процесс происходит скорее всего таким образом, что животное с помощью своих зубов делает в коже глубокую ранку. Обильно вытекающую кровь затем вылизывает языком или, возможно, также высасывает» (Мартин Эйзентраут).

Для крылана виноград никогда не зелен: до бананов и других лакомых фруктов он легко добирается с помощью крыльев, которые очень пригодились бы лисе-философу в известной басне.

«Язык кладет на рану так, что с глубокой бороздкой в центре нижней губы он образует трубку, по которой течет кровь. Боковые края языка отогнуты вниз, так что нижняя его поверхность получается вогнутой. Язык неторопливо то втягивается, то вытягивается, отчего во рту возникает неполный вакуум, и кровь, заполняя его, течет в рот» (Эрнест Уолкер).

Сами по себе раны, причиненные вампирами, не страшны. Опасны порой кровотечения: они длятся по восемь часов после укусов и нередко обильны. Одного ребенка, случилось это в Панаме, вампир укусил за большой палец ноги. Он не проснулся, только сильно беспокоился во сне. Это разбудило женщину, которая спала рядом, она посмотрела и ахнула! Ноги ребенка буквально плавали в крови, а кровать пропиталась кровью насквозь. После нападения вампиров люди от потери крови не умирают, но щенки в индейских деревнях местами погибают почти все. Взрослые собаки редко страдают от вампиров, так как тонкий слух помогает им вовремя услышать ультразвуковой шепот кровососа. Скот же домашний — мулы, лошади, коровы, из ночи в ночь питая вампиров своей кровью, худеют, беспокоятся, мечутся по пастбищам, плохо едят и гибнут. Мухи заражают личинками кровоточащие раны, всевозможные бактерии не отстают от них. Где вампиров много, скотоводство под угрозой, а местами и вообще невозможно. Ведь вампиры не только изнуряют животных, но и заражают бешенством и тяжелой болезнью муррина.

Наиболее обычны большие вампиры, или десмодусы. Они, скажем так, компанейские упыри: селятся в пещерах тысячами или сотнями, висят там плотно друг к другу, самцы и самки вместе. Или ползают быстро и проворно по вертикальным и горизонтальным стенам. Их поселения выдает весьма противный запах аммиака, исходящий от луж переваренной крови. Самки больших вампиров после трех-четырехмесячной беременности рожают детеныша, а затем в том же году еще одного. Детей не носят ни на груди, ни на спине, а, улетая за свежей кровью, оставляют висеть в подземельях.

Мохноногий вампир внешне похож на большого, но обычно меньше его. Нападает этот вампир и на ослов, лошадей, коров, но всякой другой предпочитает куриную кровь. Кусает кур в ноги, большой вампир обычно в гребни и, повиснув на курином хвосте вниз головой, в клоаку.

Такие же вкусы у белокрылого вампира (края крыльев белые!). В неволе он никак не хотел пить бычью кровь, а куриную пил. Напал и на морскую свинку. На воле атакует, кроме кур, также коз.

Во рту у белокрылого вампира, внутри на щеках, большие вздутые железы. Угрожая, он, открыв рот, выдвигает их вперед и злобно шипит, распространяя адское зловоние серы (и грибов!). Ну прямо черт...

Некоторые летучие мыши при случае ловят и едят рыб, макродермы например, но только ноктилио и

пизоникс приобрели в этом деле узкую и совершенную специализацию.

Ноктилио два вида: более мелкий рыб не ловит, и о нем говорить не будем. Большой ноктилио живет от Мексики до Северной Аргентины, на Антильских островах и Тринидаде. Самцы у него с оранжево-рыжей спиной, самки серые или бурые. Задние лапы сильные, длинные, а когти на них острые и кривые, как у скопы, только, конечно, не такие большие.

В сумерках, ночью (а иногда и после полудня, к вечеру, в компании с пеликанами) летают эти крупные летучие мыши низко над водой озер и морских прибрежий. Вдруг окунают в воду лапки, выхватывают рыбешку и тут же отправляют ее в рот. Там либо спрячут ее в защечных мешках, чтобы съесть позже в пещере или дупле либо съедят на лету. Ловят и морских рачков, сухопутных жуков, крылатых муравьев, но рыба — их главная пища. В неволе ноктилио пожирали за ночь по 30—40 небольших рыбешек каждый.

Рыболов-пизоникс — родич ночниц. Днем он прячется в расщелинах скал по берегам Калифорнийско-

Роузеттусы — немногие из крыланов, наделенных ультразвуковыми эхолотами. В отличие от других крыланов днем они спят не на деревьях, а в пещерах.

Странные «плоды», которыми усеяны деревья, — крыланы, или летучие собаки, рода птеропус. Спят днем, повиснув на суках. Распространение птеропусов по странам мира загадочно: они обитают в Юго-Восточной Азии, Восточной Австралии и на Мадагаскаре, но в Африке их нет. Почему? Летуны отличные: видели их в море за 200 миль от берега. Яванский калонг, самый крупный из крыланов (1,5 метра в размахе крыльев), тоже из этого рода.

го залива, в кучах камней, в пещерах. Даже в панцирях мертвых черепах и среди гнезд буревестников! «На рыбалку» вылетает вечером, еще засветло, и перед заходом солнца обычно возвращается в свои странные места уединения. Лапы у него такие же длинные, с острыми когтями, как у ноктилио, и, наверное, он так же, как тот, эхолотирует рыб под водой.

Второй подотряд рукокрылых — крыланы (летучие собаки, или летучие лисицы) — повадками похожи на летучих мышей, особенно тех, что едят фрукты. У большинства крыланов головы прямо собачьи, морды длинные, глаза большие, уши остренькие, вполне соразмерные, не гипертрофированные, как у многих летучих мышей. И нет на мордах у них этих неописуемой формы наростов — радарных мегафонов.

Только трубконосые крыланы, ноздри которых небольшими рупорами вытянуты в стороны, как и роузеттусы, по-видимому, владеют эхолотами.

Латинское название крыланов «мегахироптера» означает по-русски «гигантские рукокрылые», что не совсем соответствует истине. Самые маленькие из крыланов не больше средних по величине летучих мышей, крупные — яванский калонг — не больше полутора метров в размахе крыльев и весят около килограмма. Цветом крыланы в общем бурые, одни светлее, дру-

гие темнее, почти черные. В подсемействе эполетовых крыланов почти все самцы носят на плечах или на шее (или там и тут) пышные пучки волос, желтые либо белые. Эти знаки мужского достоинства, по-видимому, испускают соответствующие ароматы, так как под «эполетами» и «жабо» лежат железы.

Зоогеографическая загадка — распространение крыланов по странам мира. Живут они только в Старом Свете — во влажных, обильных фруктовыми деревьями тропических и субтропических областях Африки, Передней Азии, юга Аравийского полуострова и Ирана, в Индии, Южном Китае, Индокитае, Индонезии, на Филиппинах, тихоокеанских островах Полинезии, Микронезии, севере и востоке Австралии. Далеко ли от Австралии (а тут крыланов четыре вида!) до Тасмании и Новой Зеландии? Но там крыланов нет. Далеко ли от Западной Африки до Восточной Бразилии? Прямиком 2500 километров. Для обладателя сильных крыльев не так уж и много, но в Америке крыланов тоже нет. Больше того, крыланы-птеропусы, заселив Полинезию, Индонезию, Австралию, Индию, а на западе — Маскаренские, Сейшельские, Коморские острова, Мадагаскар и остров Пембу, в 35 морских милях от африканских берегов, в самой Африке почему-то не живут. Роузеттусы (немногие из крыланов, населяющих пещеры и наделенных эхолотами), всюду от Африки до Индонезии пожирающие тонны фруктов, плантации Австралии и Полинезии, к счастью для местных земледельцев, не разоряют: нет здесь роузеттусов, и тоже непонятно почему.

Крыланы-гарпии обитают только на Филиппинах и Сулавеси. И такая чересчур патриотичная привязанность к небольшим странам и районам у больших рукокрылых не редкость.

Леса и плантации тропиков с дикими и культурными бананами, апельсинами, разными манго, гуавами, папайями, панданами, финиками, момбинами, авокадо, плодами баобабов и мангров — обильный стол для крыланов в любое время года. Повиснув вниз головой на одной лапе, другой подносят сорванный плод ко рту и едят. Многие (если не все) даже не глотают мякоть плодов, а пожуют ее, высосут сок и выплевывают вместе с семенами и косточками. Некоторые прямо из плода сосут сок. Едят и цветы, а трубконосые иногда и насекомых. Длинноязычные крыланы, или макроглоссусы, присев на цветок тропических бегоний, баобабов, акаций, агав и сунув в него острую мордочку, подобно известным уже нам летучим мышам, сосут нектар.

Кормятся по ночам и в сумерках, днем спят на больших деревьях, в густых непролазных кустах (австралийские сероголовые и африканские эполетовые крыланы), в пещерах (роузеттусы, некоторые макроглоссусы и птеропусы, иногда и молотоголсвы) или даже в свернутом листе (карликовый макроглоссус). Тысячами висят крыланы на гигантских деревьях, сплошь усыпав их кроны. И порой их собирается так много, что сучья, не выдержав чрезмерной тяжести, с треском ломаются, крыланы с криками летят и виснут на новых. Шум и гам такой, что там, где летучие

Нет, не лошадь и не карикатура на нее; молотоголовый крылан.

собаки поселяются на деревьях городских парков, даже уличного транспорта из-за него не слышно.

Деревья выбирают большие, прочные и высокие, чтобы удобнее было к ним подлетать. Если прохладно, летучие собаки плотно со всех сторон укрывают себя, как одеялом, крыльями. Совсем холодно (ниже десяти градусов) — еще и морду сунут под крылья и дышат там воздухом, согретым собственным телом, и ногу одну туда же упрячут, а на другой висят. Когда тепло, крылья сжимают неплотно, чтобы ветерок обдувал. Если солнце печет жарко, совсем их распустят и крутят ими, изображая вентилятор. А если совсем жара немилосердная (под сорок и более градусов), то лижут свою грудь, живот и крылья. Влага, испаряясь, охлаждает зверьков.

Эполетовые крыланы склонны к уединению: для отдыха выбирают невысокие деревья, иногда кусты, и спят в одиночестве или небольшими компаниями. Среди них один крылан (эполетовый по роду-племени, но без эполет) ни на кого из всей собакоголовой своей родни не похож, ибо голова у него «дикая карикатура лошадиной морды, изображенной в профиль»! Ноздрястая, губастая, массивная — молотоголовом называют обладателя этого «сюрреалистического» сооружения. Родина его — Экваториальная Африка, от Уганды через Конго, Северную Анголу, Камерун до Гамбии (и острова Фернандо-По). Захва-

тив губастой мордой плод, молотоголов высасывает из него сок, а потом бросает.

«Ланг и Чэпин в «Летучих мышах Бельгийского Конго» (1917) пишут: «Ни в каком другом звере не подчинено все так полностью голосовым органам». Взрослые самцы обладают парой воздушных мешков, которые открываются по бокам носоглотки и могут быть по желанию надуты, а также огромной, увеличенной гортанью и голосовыми связками. Гортань «почти равна по длине половине позвоночного столба», заполняет большую часть грудной полости и оттесняет сердце и легкие назад и вбок. Крик, из всего этого возникающий, продолжительное кряканье или кваканье, поистине замечателен и, по-видимому, привлекает самок. Объединенные хоры напомнили Лангу и Чэпину «пруд, полный горластых лесных лягушек, увеличенный многократно и транспортированный на вершину дерева» (Эрнест Уолкер).

Молотоголовые самцы, в груди которых сердце уступило место духовому инструменту, ночи напролет через короткие интервалы квакают на деревьях. Плененные громкими признаниями, которые эхо разносит по лесам, подруги летят к ним, раскинув в ночи свои почти метровые крылья.

Поскольку у молотоголовов нет определенного сезона размножения, хоралы квакающих серенад ласкают уши крылатых дам в любое время года.

ПРИМАТЫ

В отряде приматов 194 вида: человек, 70 видов обезьян в тропических лесах Нового Света, 70 — в Старом и здесь же — 53 вида полуобезьян.

Произошли приматы от насекомоядных, сохранив некоторые их черты. С каждым новым исследованием наука убеждается, что резких границ между приматами и насекомоядными нет.

Тупайи, или древесные землеройки, — переходное, связующее звено между насекомоядными и приматами. Прежде тупай относили к насекомоядным (некоторые исследователи и ныне поступают так).

Нелегко дать общую характеристику всему отряду приматов, так как он объединяет животных очень широкого морфологического и экологического диапазона — от почти типичных насекомоядных тупай до человека. У приматов хорошо развиты, лучше, чем у всех зверей, большие полушария мозга и соответственно психические способности. Конечности, задние и передние, хватающего типа, с длинными, обособленными (редко частично сросшимися) пальцами, вооруженными, за немногими исключениями, не когтями, а плоскими ногтями. У всех, кроме тупай, большие пальцы (если они есть) на руках и ногах более или менее противопоставляются остальным пальцам, облегчая захват веток и других предметов.

Сосков у тупай одна-три пары, у руконожек — одна пара в паху, у всех других — два соска (у лемуров иногда и четыре) на груди или под мышками. У большинства обезьян определенного сезона размножения нет, а 27—52-дневный менструальный цикл, подобный человеческому.

Все обезьяны ведут дневной образ жизни, кроме южноамериканской дурукули; полуобезьяны — ночной, кроме тупай, лемуров

катта, индри и некоторых других. Поэтому обезьяны различают краски, а полуобезьяны нет (опять-таки кроме тупай и катта). Все американские обезьяны лесные и древесные. Большинство обитающих в Старом Свете — тоже. Но некоторые макаки и павианы перешли жить в травянистые саванны и в скалы (однако ночуют многие из них на деревьях). На земле в основном живут также гориллы, некоторые тупайи и лемур катта.

Самая маленькая обезьянка — мышиный лемур микроцебус. Ее длина без хвоста 12—13 сантиметров, вес — 45—85 граммов. Чуть крупнее карликовая когтистая южноамериканская обезьянка чичико (цебуэлла).

Самая большая — горилла. Ее вес 200—350 килограммов, рост два метра и больше, размах рук почти три метра, обхват груди до 175 сантиметров.

ЖИВОЙ ПРЕДОК

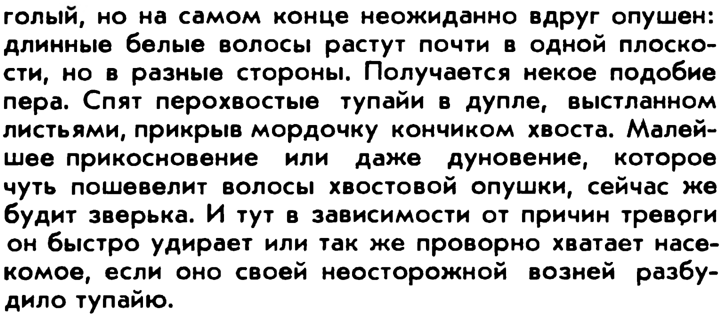
«Мы думаем, однако, что можно согласиться с тем, что загадочные тупайи действительно представляют живую модель того раннего предка, который когда-то сделал первые шаги от насекомоядных к приматам и, значит, принадлежит к ряду наших предков» (доктор Курт Коллар).

«У тупай немного признаков, общих с приматами, немного общих с сумчатыми, с грызунами и зайцеобразными. Наверняка тупайи не представляют собой никакого связующего звена между насекомоядными и приматами» (доктор Роберт Мартин).

Таковы эти путаники тупайи. Чем-то они и в самом деле напоминают белок: так же непоседливы, проворны, оживляют своей на первый взгляд бестолковой беготней леса и кустарники. Так же резко дергают хвостами, когда возбуждены, и едят, сидя на задних лапах, а в передних держат пойманное насекомое или какой-нибудь фрукт. На этом сходство с белками, пожалуй, кончается.

Родина тупай — Индия, Индокитай, Южный Китай, Индонезия и Филиппины. Их здесь 18 видов: 17 пышнохвостых и один перохвостый.

О последнем почти ничего не известно. Серо-бурый зверек с небольшую крысу, хвост длиннее тела,

голый, но на самом конце неожиданно вдруг опушен: длинные белые волосы растут почти в одной плоскости, но в разные стороны. Получается некое подобие пера. Спят перохвостые тупайи в дупле, выстланном листьями, прикрыв мордочку кончиком хвоста. Малейшее прикосновение или даже дуновение, которое чуть пошевелит волосы хвостовой опушки, сейчас же будит зверька. И тут в зависимости от причин тревоги он быстро удирает или так же проворно хватает насекомое, если оно своей неосторожной возней разбудило тупайю.

Перохвостые тупайи спят днем, все остальные ночью. Хотя они и названы пышнохвостыми, есть среди них два вида гладкохвостых, у которых хвосты тонкие, поросшие короткими волосами.

Живут тупайи на деревьях, на земле или невысоко в кустах. У каждой пары своя территория, которая охраняется весьма ревниво. Несколько раз на день самец обходит дозором свои владения: подновляет старые метки, оставляет новые. На горле у него, как у некоторых насекомоядных, особые пахучие железы. Пышнохвостый хозяин куста прижимает горло тут и там к веткам в пределах захваченного ревира (индивидуального участка). Трется горловой железой о камни и другие предметы. Но и этого ему мало: прохаживаясь или пробегая туда-сюда мелкими, нервными шажками, зверек прыскает на ветки каплями своей мочи (экономно, как и волк, чтобы не сразу весь запас истратить). Смазывает лапки той же жидкостью. И, снарядившись таким образом, отправляется в турне по своим владениям, автоматически их маркируя.

Вот почуял или увидел незнакомого сородича и поднимает такой крик и шум, такой писк и визг, что хоть уши затыкай! Если вокальная атака не устрашит незваного гостя, хозяин вцепится ему в хвост, и так крепко, что, удирая, тот долго волочит его. Иногда тупайи-дуэлянты боксируют, как кенгуру: встают на задние лапы, колотят друг друга передними и кричат. Не получив в боксе никакого преимущества, даже по очкам, хозяин падает вдруг на спину и верещит так пронзительно и противно, что противник бежит без оглядки.

Насколько сильно бьет этот визг по нервам, показали опыты. Зоологи записали на магнитофон боевые крики тупай и через усилитель заставили зверьков их прослушать. Что тут было! Безудержная паника, а у некоторых даже нервные судороги.

Энергии у тупайи хватило бы на многих: ничего не делать не может. Когда соперники изгнаны, а все пограничные пахучие «столбы» раскиданы где надо и

Перохвостая тупайя — очень редкостный зверек. В зоологических музеях мира хранится всего лишь несколько экземпляров. В зоопарках перохвостые тупайи, по-видимому, никогда не жили. Два подвида обитают: один — в лесах Малайи, второй — на Калимантане.

желудок полон, зверек бегает, очевидно, для того, чтобы не сидеть. Но и тут ни одного насекомого не упустит: хватает лапами и ртом. А почует какую живность под камнем, перевернет его и быстро слизнет ползающую мелочь. Набьет полный рот, потом жует. Мышь попадется, молодая крыса, лягушка, и их молниеносным укусом в затылок убьет и съест. (Одна ручная тупайя вытащила тритона даже из аквариума.)

Придет пора родиться детям (случается это несколько раз в году с промежутками месяца в три) — беготни и забот прибавляется. Самец готовит гнездо в дупле, выстилает листьями. Самка приносит двух-трех голых и слепых детенышей и кормит молоком два-три раза в день. Через месяц молодые тупайи

Обычная, или крысиная, тупайя обитает в лесах Юго-Восточной Индии, Индокитая, Южного Китая и, возможно, некоторых островов Индонезии. Ученые впервые познакомились с тупайями в конце XVIII века, когда один из спутников капитана Кука во время его третьего и последнего путешествия подстрелил в Индокитае тупайю. Вильям Эллис описал ее как новый вид белок. («Тупайя» по-малайски «белка».) Позднее тупай зачислили в отряд насекомоядных. Лишь в 1938 году у них обнаружили морфологические черты полуобезьян.

друг за дружкой выбираются из гнезда, а мать их уже через неделю опять беременна.

Однако с распорядком кормления новорожденных тупай не все ясно. Доктор Роберт Мартин наблюдал за ними в неволе и заметил: новорожденные детеныши, напившись в первый раз материнского молока, зарывались глубоко в листву гнезда. Мать приходила к ним только через 48 часов. Такой же ритм питания заметил он и у тупай-сирот, вскормленных людьми. Лишь раз в два дня детеныш пил молоко: немного, 10—20 граммов, и недолго, 4—10 минут, а потом зарывался в листву и спал.

Современная наука полагает, что место тупай в отряде приматов, подотряде полуобезьян и инфраотряде лемурообразных. Еще два инфраотряда входят в подотряд полуобезьян. Все вместе объединяют 53 вида, из которых, как я уже упоминал, 18 тупай.

К лемурообразным относятся тупайи и мадагаскарские лемуры (20 видов плюс один вид руконожек), лориобразные (три южноазиатских вида — тонкий лори, толстый лори и малый толстый лори, восемь африканских видов — ангвантибо, потто и шесть галаго) и три вида долгопятов — филиппинский, целебесский и зондский.

НЕМАДАГАСКАРСКИЕ ЛЕМУРЫ

Тонкий лори почти бесхвостый, круглоухий, большеглазый (среди зверей лишь у долгопятов относительно крупнее глаза!), желто-серый или бурый, медлительный, на длинных паучьих ногах... «бесшумной

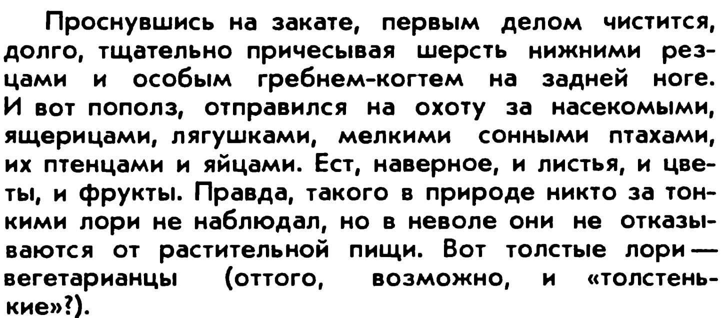
«Тише едешь — дальше будешь» — такой девиз, возможно, избрал бы тонкий лори. В ночных набегах на мелких птах и всех других малых обитателей леса он нетороплив. Лишь когда зоркие глаза приметят во мраке жертву и лори тайно и тихо подкрадется к ней вплотную с вытянутыми вперед руками, он быстро хватает ими добычу.

походкой скорее напоминает хамелеона, а не примата. Потревоженный, качается из стороны в сторону, ворча и вереща» (Десмонд Моррис).

«Походка» — только в шутку так сказать можно о лори! Медленно, осторожно передвигает он лапу за лапой — пока не ухватится за сук одной, вторую не отпустит. Он не прыгает, как лемуры. Никогда! И никогда, кажется, не гуляет по земле, даже низко не спускается. А если ухватится за что, так оторвать этого цепколапого крошку (в нем и весу-то меньше фунта!) даже человеку нелегко. Легче разорвать, если тянуть без жалости. Тут нужны две руки, чтобы разжимать упорные лапки зверька. Но пока одну разожмешь, вторая снова вцепилась.

И эти глаза! Совиные, круглые, их взгляд вызывает невольную дрожь. На базарах Индии их продают и покупают как средство от глазных и любовных недугов. Проклятое суеверие! Сколько животных, которые ни в пищу людям, ни на мех не годны, губит оно.

Ночью видит лори, надо полагать, не хуже совы. Ведь ночь для него полна приключений. Днем он спит в ветвях, изогнув спину дугой и спрятав голову меж бедер, и тогда совсем неприметен: комок мха.

Проснувшись на закате, первым делом чистится, долго, тщательно причесывая шерсть нижними резцами и особым гребнем-когтем на задней ноге. И вот пополз, отправился на охоту за насекомыми, ящерицами, лягушками, мелкими сонными птахами, их птенцами и яйцами. Ест, наверное, и листья, и цветы, и фрукты. Правда, такого в природе никто за тонкими лори не наблюдал, но в неволе они не отказываются от растительной пищи. Вот толстые лори — вегетарианцы (оттого, возможно, и «толстенькие»?).

К добыче, которую высмотрели глаза-плошки, лори подбирается медленно, как хамелеон, словно струясь по веткам. Но не стреляет, как тот, языком, а хватает ее обеими руками и убивает быстрыми укусами в голову. Осторожен. Никогда не схватит такого, в чем не уверен.

Всякая новизна, необычность, шум и яркий свет, даже солнечный, пугают зверька, нервируют до паники. В новой клетке, пока она не надушена собственными «ароматами», прячется в углу, в тени, а ночью выходит на разведку со всеми предосторожностями, готовый тотчас ретироваться. Обследуя, метит клетку так же, как тупайи, галаго и капуцины, смоченными мочой лапками. Только тогда обретает уверенность и сноровку.

Все время, исключая период размножения, который бывает дважды в году, самцы и самки живут в одиночестве. А встретившись, быстро расстаются. Один-два детеныша рождаются в ноябре—декабре и еще раз в апреле—мае. Мать долго, больше года, носит вцепившегося в шерсть на брюхе детеныша. Если его отнять, она быстро о нем забывает и обратно не принимает. Правда, одна самка усыновила чужого детеныша, когда к ней его подсадили. Но родной, который был постарше, все теснил и теснил приемыша, пока вскоре не столкнул со своей мамки.

Иное дело толстые лори. Живут в верном супружестве, парами, а когда малыши подрастут, отцы носят их на своих животах.

Толстый лори пушистее, на 10 сантиметров крупнее, массивнее, вдвое-вчетверо увесистее и медлительнее тонкого.

«Когда лори ползет, его позвоночник слегка извивается. Это движение и еще потерянное, чудаковатое выражение широко открытых глаз и цветовой маски на морде породили его имя, которое происходит от голландского loeris, что значит «клоун» (Д е с м о н д М о р р и с).

По хребту у толстого лори, от ушей до корня хвоста, тянется темная полоса, и когда он, плавно из-

Толстый лори массивнее и крупнее тонкого, но так же медлителен и так же разбойничает ночами. У тонкого самцы и знать не хотят детенышей, а у толстого заботливы и часто носят их на себе, путешествуя по ночному лесу в паре с подругой.

виваясь, лениво перебирая короткими лапами, карабкается по веткам, то кажется, особенно в темноте, будто удав ползет! Подобие поразительное (посмотрите хотя бы в фильме «Тропою джунглей»). Беззащитному животному это «опасное сходство» все равно что охранная грамота.

Хватка у толстого лори еще мощнее, чем у тонкого: его лапы смыкаются вокруг ветки почти так же «автоматически», как у птиц. В этом помогают особые мышцы и сухожилия, а чудесная сеть кровенос-

ных сосудов обеспечивает их обильным питанием и кислородом. Оттого лори способны часами висеть вниз головой, уцепившись лишь одной ногой за сук.

Толстые лори маркируют границы своего ревира или клетку, в которой живут, иначе, чем тонкие: рук и ног не марают, а просто, проползая, прыскают мочой, где считают нужным. Они более общительны, мирно уживаются компаниями, чего про тонких сказать нельзя. В обычае у них взаимные услуги: причесывают они друг друга, как обезьяны.

«У этого животного очень длинные шейные позвонки, на седьмом позвонке торчит шиповидный остистый отросток, выступающий на спине как спрятанный в шерсти рог. Лори, угрожая, прижимает голову к животу и выставляет противнику свою роговую шпору» (Жан-Жак Петтер).

Другие авторы о таком вооружении толстого лори умалчивают, утверждая, что им обладает только потто.

Тонкий лори обитает в Южной Индии и на Цейлоне, толстый — в Восточной Индии, Бирме, Индокитае, Южном Китае, Индонезии (но не восточнее Калимантана), на Филиппинах (по другим данным, на Филиппинах лори нет). Малый толстый лори, который похож на большого, но ростом с тонкого, встречается только в Индокитае.

Ареалы африканских лориобразных: ангвантибо — Камерун и Южная Нигерия; потто — тропические леса Западной Африки от Берега Слоновой Кости до Конго, на восток до Уганды; разные виды галаго — в лесах, саваннах и кустарниках почти всей Африки к югу от Сахары, к северу от Оранжевой и некоторых ближайших островов, например Занзибара и Фернандо-По.

Повадками и внешне ангвантибо похож на толстого лори, но поменьше его, с небольшую кошку. Почти бесхвостый, круглоухий, пушистый, буроватый, с золотистым оттенком. Зверек очень редкий: около дюжины его шкурок хранится в Британском музее, и до Даррелла лишь однажды он жил у натуралистов в неволе. Джеральд Даррелл после второй мировой войны поймал в лесах Камеруна нескольких ангвантибо и привез их в Англию.

Поведением это лори. Правда, с некоторыми чертами индивидуальности. Большую часть жизни ангвантибо проводит вниз головой, повиснув на ветке на одной или двух задних лапах. Даже ест в этой позиции и спит иногда. Тогда лапы его коченеют, их температура значительно понижается, а чувствительность падает. Окоченевшие лапки кололи иголками, зверек не чувствовал уколов, не пробуждался.

Ходит, передвигается, ползает — как лучше сказать?— ангвантибо нередко спиной вниз, подобно ле-

нивцу. И, проделывая все это, демонстрирует чисто акробатические трюки: шествуя по ветке спиной вниз, вдруг остановится, извернется, протиснет передние ноги и голову между задними и, опять перебирая руками, движется по тому же суку назад. Затем новый акробатический разворот, и вот уже зверек ползет обратно.

Потто похож на ангвантибо, но крупнее, с хвостом 5—10 сантиметров, мордочка покороче, а главное — вооружен колючками.

Это его экстраординарное вооружение (пожалуй, единственный в мире образец), остистые, направленные вверх отростки последних шейных и двух первых грудных позвонков длинны и остры настолько, что пронзают насквозь кожу и торчат поверх нее острыми шипами (покрытыми сверху роговыми чехлами). Обороняясь, зверек пригибает голову к груди и пытается уколоть врага своими шейными иглами в глаза и нос.

Но, увы, эффект от такой обороны незначителен: главный истребитель потто — виверра нандиния, умеет ловко обойти его, медлительного, с фланга или тыла.

Полагают, что первоначальное назначение шейных шипов потто — фиксировать его во время сна. А спит потто обычно, уцепившись всеми четырьмя лапами за сук и спрятав голову между ними. Тогда шипы на шее впиваются в кору и образуют крепкий упор о дерево.

Ангвантибо поселяются на верхних ветвях исполинских деревьев, которыми изобилуют тропики. Потто — на нижних. Лишь негромкое, почти кошачье мурлыканье и шипение слышал Даррелл, наблюдая за ангвантибо. Но потто вопят громогласно. Дважды в году, как и лори, потто размножаются. Детеныша мать носит на брюхе, но как долго — неизвестно.

От других африканских лемуров галаго отличить легко: они не переползают, а прыгают по веткам несоразмерно большими трех-пятиметровыми скачками. По земле скачут, как кенгуру, на задних ногах. У галаго длинный хвост и большие уши. Засыпая (в гуще кустов, дуплах, гнездах птиц и белок), галаго сгибают свои уши, прижимая их концы к голове. Уши тончайшие, в жару подсыхают, галаго страдают от сухости ушей и потому постоянно увлажняют их мочой. Шея у галаго подвижна, как у ленивца или совы, он способен повернуть голову на 180 градусов.

Галаго селятся не только в густых и сырых тропических лесах, как ангвантибо, потто, лори и многие другие лемуры. Напротив, предпочитают сухие перелески, саванны, кустарники в степи. Второе их имя — бушбэби, «кустарниковый бэби». «Бэби» — потому, что ночные вопли галаго созвучны с плачем капризного и крикливого младенца.

Карликовый галаго. Его росту хищность и агрессивность отнюдь не пропорциональны.

Нелегко увидеть галаго, призраками скачущих в ночи. Только глаза их желтыми опалами горят во мраке и громкие звонкие крики будоражат лес. Кричат обычно в испуге. Все необычное их пугает: заме-

тят змею или кошку на весьма безопасном расстоянии, сейчас же вся компания бушбэби вопит без удержу. Соседи тут же вторят им.

Самые крошечные галаго уместятся на ладони, самые большие с кролика. Гигантский, или комба (почти черный, многие другие серебристо-серые), агрессивен, больно кусается и не скоро привыкает к людям. Толстохвостый тоже агрессивен и предпочитает жить в одиночестве.

Сенегальские галаго, напротив, любят сообщество, самцы, самки, детеныши часто спят вместе. По вечерам, проснувшись, уважительно чистят друг друга нижними резцами и языком. Эти и к людям привыкают легко, и очень привязчивы.

Саранча, другие насекомые, улитки, древесные лягушки, ящерицы, птицы, мыши — словом, все мелкое и живое, а также цветы, плоды, листья — пища галаго. Правда, галаго Аллена, самый превосходный в своей родне прыгун, кормится, по-видимому, в основном продуктами растительного происхождения, ест даже смолу акаций, но и насекомыми не брезгует.

Размножаются дважды в году. Детенышей один-два, редко три. Матери галаго оставляют детей в гнездах, когда сами уходят в ночь: прыгать с лишним весом на животе совсем не просто. Если случается переносить детеныша, то берут его обычно в зубы за загривок или за спину, реже малыш виснет на брюхе у матери. Кормят молоком недолго: от полутора до четырех месяцев (лори — больше года). Двухнедельный детеныш уже неплохо прыгает, месячный ест сам. Четырехмесячный — вполне взрослый.

МАДАГАСКАРСКИЕ ЛЕМУРЫ

На Мадагаскаре нет обезьян, копытных (кроме кистеухой свиньи, вымерших уже ныне бегемотов и одичавших быков), нет носорогов, слонов, хищников (кроме нескольких видов виверр), зайцеобразных, настоящих крыс и мышей, некоторых рептилий (например, агам и варанов), многих африканских птиц.

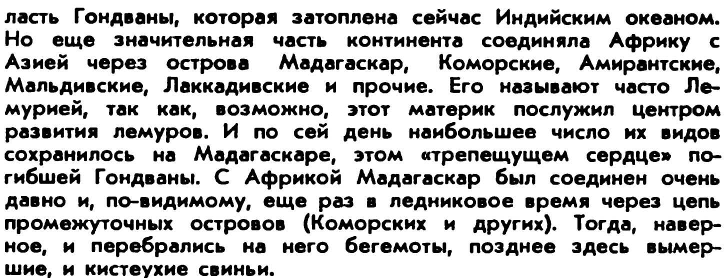
Зато есть свои местные, нигде больше не обитающие, как говорят, эндемики. Прежде всего (помимо хамелеонов, которых тут 35 видов!) это лемуры: две пятых всех мадагаскарских млекопитающих. Остальные, почти три пятых, — танреки. Золотые летучие мыши — один вид, представляющий особое семейство, тоже только мадагаскарские. Итого: пять эндемичных звериных семейств — три полуобезьян, одно танреков и одно золотых летучих мышей. Четыре эндемичных семейства птиц, два подсемейства лягушек, одно питонов и два рода игуан, которые, как известно, обитают только в Южной Америке, кроме еще одного рода на островах Фиджи.

Сходство с фауной отдаленных континентов демонстрируют не только эти огромные ящерицы, игуаны, но и лягушки, типичные для Индо-Малайской области, грызуны, родственные американским, танреки — «кузены» антильских щелезубов, и, наконец, сами лемуры, которые, кроме Африки, встречаются еще в весьма удаленных южноазиатских странах.

Как мог собраться на Мадагаскаре такой зоологический коктейль?

Самое вероятное объяснение: когда-то все эти далекие ныне острова и материки соединяла суша. Этот предполагаемый гигантский континент, 150 миллионов лет назад совмещавший в себе Африку с Мадагаскаром, Южную Америку, Австралию, Южную Азию и, возможно, Антарктиду, называют Гондваной или Гондванией. Он раскололся, образовав современные континенты и острова. Первой уплыла на юго-восток Австралия и по-видимому, Антарктида. Море стало наступать на ту об-

ласть Гондваны, которая затоплена сейчас Индийским океаном. Но еще значительная часть континента соединяла Африку с Азией через острова Мадагаскар, Коморские, Амирантские, Мальдивские, Лаккадивские и прочие. Его называют часто Лемурией, так как, возможно, этот материк послужил центром развития лемуров. И по сей день наибольшее число их видов сохранилось на Мадагаскаре, этом «трепещущем сердце» погибшей Гондваны. С Африкой Мадагаскар был соединен очень давно и, по-видимому, еще раз в ледниковое время через цепь промежуточных островов (Коморских и других). Тогда, наверное, и перебрались на него бегемоты, позднее здесь вымершие, и кистеухие свиньи.

Все мадагаскарские полуобезьяны — из инфраотряда лемурообразных. Три семейства: настоящие лемуры (16 видов, из них 6 карликовых лемуров), индри (4 вида), руконожки (1 вид).

У всех настоящих лемуров пышные, длинные одноцветные хвосты. Лишь у катта хвост исчерчен поперечными черно-белыми кольцами. В роде настоящих лемуров еще пять видов, все живут на деревьях, а катта — на земле и вообще лесов и деревьев избегает, предпочтя им скалистые районы Южного Мадагаскара. Образ жизни его преимущественно дневной, как, впрочем, и у других представителей его рода, кроме лемура вари, который, кажется, также единственный из них, кто строит гнезда.

Хвост у катта — главный информационный орган: точно черно-белый полосатый флаг, задранный вверх, он приводит в возбуждение сотоварищей катта. Когда катта направляет свой «флаг» в их сторону, те мурлычут, мяукают удовлетворенно. Но обычно началу «собеседования» предшествует ароматизация хвоста. Подогнув его под себя и пропустив под брюхом между всеми четырьмя лапами, катта прижимает конец хвоста к внутренним сторонам правого и левого предплечья. Трет о железы, отмеченные роговыми шипами. Надушив хвост, поднимает его сначала над головой и, помахивая им, словно развевая по ветру приобретенную хвостом отдушку, попискивает, мурлычет, жалобно мяукает.

Затем следуют довольно загадочные манипуляции, смысл которых еще не совсем ясен.

Встав на задние лапки, катта выносит хвост вперед и, пригибая к нему то правую, то левую переднюю руку, опять натирает ими хвост. Подбирает с земли листья, кусочки коры и, прижав их к тем же железам, натирает резкими движениями. Потом трется о ветки железами предплечий, подмышек и анальными, которые у катта тоже есть.

Очевидно, так он маркирует границы своего ревира. Но натирание хвоста менее объяснимо. Если это «косметика», смазка шерсти, то почему только шерсти хвоста?

По земле катта шествует, элегантно изогнув над спиной свой шикарный хвост. Дикие бананы и фиги ест аккуратно, чтобы не запачкать шерстку. Взяв в лапки, сдирает зубами кожуру, а затем, запрокинув

голову, чтобы сок тек прямо в рот и не пачкал мех, ест очищенный фрукт. Любит греться, «загорать» на солнце, усевшись на камень и раскинув широко в стороны четыре конечности и хвост. Прыжки зверька изящны и превосходны: на три метра вверх он скачет, как резиновый мяч, без труда.

Все лемуры так или иначе метят границы своих владений. Одни делают это, как галаго и тупайи, другие — иначе. Например, черный лемур. На ладонях и запястьях у него много потовых желез, и он усердно натирает лапками ветки деревьев.

У каждой стаи черных лемуров свои кормовые территории. Если соседи их нарушают, все законные владельцы сейчас же кидаются на защиту своих границ. Шум, вопли, грызня обычны в таких пограничных конфликтах. Но места ночевок, всегда на одном определенном месте, у многих таких групп, днем враждовавших между собой, общие. Каждая стая приходит туда своей дорогой, по пути оглашая леса дикими криками, а на заре той же дорогой уходит. Впереди идет белоусая самка старшего ранга, за ней гуськом все другие. Темп движения колонны то убыстряется, то замедляется; отставшие, а такие всегда найдутся, сердито кричат, требуя подождать их. Отстают обычно малыши. А с малышами все в стае нежны и заботливы. Свои ли они, чужие ли — их ласкают, лижут, причесывают.

Из-за белоусых самок случилось зоологическое недоразумение. Самцы у этих лемуров буро-черные, а самки рыжие с белыми усами, точнее бакенбардами. Поначалу решили, что и те и другие — животные разных видов.

По деревьям черные, или макаковые, лемуры скачут восьмиметровыми прыжками и носятся в листве, словно птицы! Когда ж их самих преследуют хищные птицы, черные лемуры спасаются, как мотыльки, уходящие от эхопеленга летучих мышей: падают с высоты дерева вниз, молнией проносятся сквозь нижние ветви и подлесок, затем — по земле через гущу кустов к отдаленному дереву и дальше по вершинам.

Девять десятых лесов Мадагаскара уничтожено лесоразработками. Это грозит гибелью многим видам лемуров. Карликовый мохноногий лемур уже, кажется, вымер. Такая же судьба ждет, по-видимому, в скором времени и лемура вари.

А лемур интересный. У него пышные баки и густой воротник на шее. И шерсть удивительно густая для жителя тропиков, так плотна, что ливневые потоки не пробивают ее. Окрашен очень красиво: у одних рас пегий, черно-белый мех, у других — рыже-черный. Живет в высокоствольных лесах на севере острова.

Вари — единственный ночной зверек в роде насто-

Лемур катта. Единственный лемур с черно-бело-полосатым хвостом.

ящих лемуров. И единственный, кто строит гнезда. Самка, перед тем как родятся детеныши, рвет шерсть у себя на боках и выстилает ею гнездо. Малыша мать носит, как пояс, поперек живота, позднее на спине.

Он долго не расстается с ней. Но двухмесячный уже прыгает и играет с отцом.

Вари, как и катта, мурлычет, мяукает, когда душевный покой его не нарушен. Но, возбужденный или испуганный, исторгает такие жуткие и оглушительные вопли, что мороз по коже пробирает даже дальнего слушателя. Когда вари вздумают кричать в зоопарках, с нервными посетителями случаются неприятности. В диких горных лесах усиленные многократно эхом хоровые вопли вари звучат особенно жутко.

За эти душераздирающие крики и манеру греться на утреннем солнце с раскинутыми руками и мордой, обращенной к солнцу (в молитвенной позе), мальгаши прежде считали эту полуобезьяну священным солнцепоклонником. Боялись и не обижали вари. И те привыкли не пугаться людей. Ныне цивилизация и образование освободили многих от старых суеверий, и вари лишились вековой «охранной грамоты». Так странно и по-разному зависит благополучие или гибель животных от древней веры человека в сверхъестественное.

Пока речь шла о мадагаскарских полуобезьянах из подсемейства настоящих лемуров. В последнем, кроме родов лемуров и гаполемуров, есть еще один или два вида «резвых» лемуров из рода лепилемуров. Интересны резвые лемуры тем, что по деревьям скачут стоя, солдатиком. Отталкиваясь от ветвей лишь выпрямленными задними ногами и балансируя раскинутыми в стороны руками и хвостом (так же, скажу забегая вперед, прыгают и индри). Подобной акробатикой лепилемуры занимаются по ночам, так что и увидеть эти цирковые номера невозможно. Но недавно на Мадагаскаре провели большое исследование лемуров и рассмотрели все это в телескоп в инфракрасном свете.

Новорожденный детеныш лепилемура так слаб, что первые дни сам держаться за мать не может, и она носит его во рту.

В семействе настоящих лемуров, но в подсемействе карликовых, еще шесть видов, и среди них самый крохотный из приматов — мышиный лемур.

Он с крупную мышь. Серый сверху, беленький снизу, на мордочке вдоль по переносице белая полоса. Ночной зверек, кормится насекомыми, немного фруктами. Днем спит в дуплах, выстлав их листьями. Нередко строит в развилках деревьев гнезда из прутиков, похожие на птичьи, и выстилает их шерстью.

И еще: мышиный лемур запасает жир и в жаркий сухой сезон года, с июля по сентябрь, спит, не пробуждаясь ни днем, ни ночью.

Новорожденные детишки (два-три в одном помете) такие крохотные — в тысячу раз меньше, чем у человека. Мать носит малышей, ухватив зубами за шкурку на боку, и они никогда не виснут на ней ни снизу, ни на спине.

Семейство индриевых особое. В нем четыре вида: индри, диадемный сифака, сифака Верро и аваги.

Самый большой — индри, когда стоит на задних ногах — 93 сантиметра. Но хвостик у него крохотный. У всех мадагаскарских лемуров хвосты длинные. Длинные и у всех других индриевых (правда, почти без мышц и потому вроде бы бес-

полезны). Встречаются и черные индри, и почти белые, но обычно сочетание тонов как у сиамской кошки: беж с темно-коричневым. Морда безволосая, черная. С гортанью соединен горловой мешок. Очевидно, это резонатор; голос у индри мощный, «с жалобными интонациями и гармоничными модуляциями». В его криках слышатся и человеческие вопли муки и ужаса, и что-то собачье, потому и прозвали его «лесным псом». А «индри» — по недоразумению: от мальгашского «индри изю» («вот так так»). Восклицание, к делу не относящееся, и было принято за местное название животного.

Прозвище индри «амбоанала» («лесной пес») старая легенда объясняет еще и так: в прежние времена приручали будто бы индри для охоты на птиц. Много легенд о нем на Мадагаскаре: и то, что он родной брат человека, и то, что на него опасно охотиться. Во-первых, потому, что индри брошенное копье хватает на лету и тут же метко кидает в охотника. Во-вторых, он солнцепоклонник. На восходе, утренними часами, индри и сифака, повернувшись к востоку и воздев руки к небу, греются в лучах солнца. Поза на человеческий взгляд молитвенная, отсюда и суеверный страх перед мнимыми жрецами солнца.

У сифаки морда удлиненная и безволосая, как у индри, но хвост длинный и ушки маленькие, спрятанные в шерсти. Окраска изменчива, с желтыми, рыжими, белыми тонами. У сифаки лучше, чем у всех индриевых, развит так называемый патагиум: удлиненная кожа по бокам рук вплоть до подмышек и груди. Это зачаток парашюта, который в совершенной форме мы наблюдаем у белок-летяг и других зверей-планеристов.

Аваги в общем-то похож на сифаку, но меньше, морда округлая и поросла шерстью, будто аваги, единственный в своем семействе, всегда небрит. Буровато-серый с рыжим хвостом. Ночной зверь, прочие индриевые — дневные.

Все четверо вегетарианцы. Все прыгают по деревьям, подобно лепилемурам, вертикально, отталкиваясь и цепляясь после прыжка лишь задними ногами с такой силой, что сифаки, например, нередко пролетают десять метров. Лазают, спокойно перебирая лапами. По земле скачут на задних ногах, вытянув руки перед собой. Прыжки великолепны — четырехметровые!

На северо-востоке и кое-где на северо-западе, в уцелевших густых лесах и бамбуковых джунглях Мадагаскара, живет ай-ай. По-русски называют его еще руконожкой, хотя «рукоделец» подошло бы больше.

Вот он проснулся на закате. Вылез из дупла и первым делом, как заведено у лемуров, причесывается. Чистит старательно свою черную шерстку, и уши, и глаза, и нос. Пальцы у него длинные до удивления, а третий особенно тонок, точно усох, кажется, одни лишь длинные-длинные косточки остались в нем. Третьим пальцем руконожка и наводит чистоту.

Покончив с этим делом, скачет по деревьям. Найдет старое дерево, изъеденное личинками жуков, и сухоньким пальчиком постукивает по коре, словно дя-

Мышиный лемур — лилипут среди приматов. Самый крошечный из наших родичей: вес 45—85 граммов, длина с хвостом четверть метра.

тел клювом. Стучит и, приложив большие чуткие уши к стволу, слушает: не обнаружится ли где пустота под корой, не выдаст ли себя глупая жирная личинка трусливой возней?

Как только такое случится, ай-ай сейчас же вводит в действие свои удивительные зубы. Они у него как у белки: клыков нет, а резцов сверху и снизу лишь по два. И резцы ну прямо как у грызуна: без корней, растут всю жизнь. Эмаль только спереди, сзади ее нет, и потому зубы самозатачиваются. Из-за них и считали прежде, что ай-ай ближе к грызунам, чем к приматам. Учредили для него одного особый отряд. Но знаменитый английский биолог Ричард Оуэн, изучив молочные зубы руконожки, установил, что по всем признакам это зубы примата. С возрастом они очень изменяются. А изменяются потому, что руконожка хоть и не грызун, но зубы нужны ему, чтобы грызть.

Так вот, установив точную дислокацию разветвленных ходов короедов, ай-ай грызет кору. Прокусив в ней дырку, сует в отверстие длинный третий палец и извлекает личинку.

Ест ай-ай сахарный тростник, грызет прочную скорлупу кокосовых орехов, плоды мангров. А дайте ему яйцо, так он прогрызет в нем аккуратненькую дырочку, затем все тем же своим незаменимым пальцем,

не поломав скорлупы, извлечет по частям желто-белое содержимое и съест.

А знаете, как пьет ай-ай? Пальцем. Быстро-быстро макает его в воду: обмакнет и обсосет, обмакнет и обсосет.

Искусные, похожие на беличьи, шары-гнезда (полметра в диаметре) ай-ай плетет из листьев весьма известной пальмы «Дерево путешественников» и укрепляет сухими ветками.

Ай-ай молчалив. Редко слышат его голос, похожий на звук трущихся друг о друга кусков металла. Но в страхе он кричит: «Ррон-тзит!», а не «ай-ай», как думали вначале.

Людей не очень-то боится и нередко, вместо того чтобы бежать, царапается и кусается. Веками охраняли его людские суеверия. Убить руконожку, утверждало старое поверье, значит подписать себе смертный приговор, который войдет в силу не позже чем через полгода. Если уснет человек в лесу, а руконожка его увидит, то соорудит ему подушку из веток. Если, проснувшись, человек найдет подушку у себя под головой — быть ему богачом. Если под ногами — скоро погибнет, несчастный.

Но многое изменилось на Мадагаскаре, и, главное, леса, в которых жили руконожки, вырубаются. Зверьки очень редки, вымирают. Правда, правительство Мальгашской Республики решило спасти руконожек. Для их жительства отведен небольшой островок у северо-восточного побережья Мадагаскара.

«До 1966 года переселили туда девять руконожек. Это, конечно, только первые мероприятия, которые должны обеспечить спасение вида» (доктор Курт Коллар).

ДОЛГОПЯТЫ

Глаза у долгопята, диаметр их 16 миллиметров, лишь вдесятеро меньше самого зверька (такое рекордное соотношение лишь у каракатицы!). Зрачки от крохотной точки в одно мгновение расширяются во весь глаз, если свет вдруг померкнет. Долгопят ночной зверь, и подобная адаптация к мраку ему очень полезна.

Долгопятов три вида: зондский (Калимантан, Суматра), целебесский (Сулавеси) и филиппинский (Филиппины).

Триста лет назад один иезуит-миссионер описал долгопята. Линней поместил его в своей знаменитой системе животного мира сначала среди обезьян, потом — опоссумов. Бюффон полагал, что он тушканчик. До сих пор дискуссии о долгопятах продолжаются среди ученых. Правда, их мнения не расходятся так далеко. Одни специалисты учредили для долгопятов особый отряд. Другие отвели им менее значительный ранг в зоологической классификации, поместили в инфраотряд полуобезьян. Некоторые доказывают, что долгопяты должны числиться среди настоящих обезьян и даже где-то рядом с человекообразными, усмотрев в морфологии и физиологии долгопятов черты, близкие предкам человекообразных обезьян.

Вся длина 40 сантиметров, больше половины — тонкий «крысиный» хвост, глаза совиные, на пальцах присоски... Странные зверьки. И происхождением древние, однако есть у них черты человекообразных обезьян и полуобезьян. Некоторые исследователи доказывают, что в зоологической классификации место долгопятов в особом отряде. Вопрос этот еще окончательно не решен.

«Голову может поворачивать на все 180 градусов, обратив лицо прямо назад» (Ганс фон Беттихер).

«Долгопят может поворачивать свою голову почти на 360 градусов» (Эрнест Уолкер).

Умение цепляться после прыжка за отвесную и гладкую поверхность тоже не в наших возможностях. А долгопят его демонстрирует: достаточно одному пальцу с присоской «прилипнуть» к стеклу, и зверек уже висит, не падает. Зверюшка с цыпленка, 80—150 граммов, а прыгает двухметровыми скачками.

Увидит ящерицу, кузнечика, лягушку, упрет в нее немигающий взор, затем — прыжок, и хватает добычу руками! Быстро-быстро кусает ее острыми зубами (закрыв глаза, наверное, чтобы в схватке не повредить их).

Охотятся долгопяты и за крабами, рыбами и потому любят селиться в лесах по берегам рек и озер. По ночам промыш-

ляют парами, реже втроем-вчетвером. Гнезд не строят, в дуплах тоже, по-видимому, не спят, а прицепятся к тонким вертикальным веткам и подопрут себя снизу хвостом.

У самки две, а то и три пары сосков, но детеныш всегда один. Уже в первый день умеет лазить по веткам, но прыгает лишь через месяц. Он висит на животе у матери: сначала на обезьяний манер — вдоль живота, потом поперек, как принято у лемуров. Мать часто хватает его ртом и переносит туда, где безопаснее.

Миллионы лет назад подобные долгопятам животные обитали даже в Европе и Северной Америке. Из ныне живущих зверей, по-видимому, ближе всех к долгопятам лемуры, с одной стороны, а с другой — американские, или широконосые, обезьяны, о которых сейчас и пойдет речь.

АМЕРИКАНСКИЕ, ИЛИ ШИРОКОНОСЫЕ, ОБЕЗЬЯНЫ

В ранний третичный период, в эоцене, жили обезьяны в Европе и Северной Америке. Тогда климат там был более им подходящий. Теперь населяют лишь Центральную и Южную Америку, Африку и Южную Азию.

У разделенных ныне океанами обезьян много общего. У всех уши округлые, человеческого типа. Голое или немного волосатое лицо. Череп относительно велик, даже в сравнении с лемурами. Например, карликовый галаго и когтистая обезьянка одинаково малы, но мозг у первого почти втрое меньше!

А эти знаменитые линии «жизни», «сердца» и «ума», бугры «Юпитера», «Меркурия», «Аполлона», равнины «Марса» и прочие «мистические» знаки на ладонях рук, по рисунку которых хироманты предсказывают судьбу, богатство и прочие штуки! Если они правы, то, значит, и каждой обезьяне уготовлены судьбой те же самые удачи и неудачи в жизни. Ведь их безволосые ладони и стопы ног исчерчены таким же сугубо индивидуальным рисунком линий и борозд, как у человека. Настолько индивидуальным и неповторимым, что у обезьян, как и у людей, судебная экспертиза может брать отпечатки пальцев.

Больше того, даже голые хватающие и осязательные «подошвы» снизу у конца хвоста исчерчены так же.

Заговорив о хватающих хвостах, мы подошли к тем морфологическим пунктам, которые разделяют обезьян Старого и Нового Света. Ибо хвосты, превращенные эволюцией в пятую руку, есть только у обезьян американских. Но не у всех: у четырех родов и примерно 14 видов — ревунов, паукообразных и шерстистых обезьян. Обезьяны-капуцины тоже могут, схватив хвостом, подтянуть к себе или тащить за собой разные предметы (например, миску с едой!). Но голой «подошвы» снизу у конца хвоста у капуцинов нет.

Одна из цепкохвостых обезьян — шерстистая

Среди обезьян Старого Света только молодые гвеноны и взрослые мангабеи могут повиснуть, обхватив хвостом сук.

Американских обезьян многие зоологи называют широконосыми, а обезьян Старого Света — узконосыми. У первых ноздри разделены широкой перегородкой и смотрят немного в стороны. У вторых — носовая перегородка узка, ноздри сближены и направлены вперед. Но разделение это недостаточно четкое, потому что есть виды с промежуточным устройством ноздрей: например, дурукули — широконосая по зоологическому рангу обезьяна, тем не менее узконоса, а гиббоны достаточно широконосы.

У американских обезьян никогда не бывает седалищных

мозолей, которые так безобразят «тылы» павианов, мартышек, макак и гиббонов. Нет у них и защечных мешков, которые хорошо развиты у павианов, мартышек, макак и недоразвиты у тонкотелых обезьян.

Американские обезьяны в основном вегетарианцы, но едят насекомых и мелких позвоночных. Ревуны — исключительно листоеды. И этим напоминают колобовых обезьян Старого Света, а среди лемуров — индри.

Большие пальцы на руках, но не на ногах, американских обезьян (за исключением немногих видов, например саки и уакари) не способны так широко оттопыриваться, как у обезьян Старого Света, противопоставляя себя другим пальцам и образуя прочно хватающие «клещи».

Широконосые обезьяны, кроме когтистых, более зубасты. У них 36 зубов, у узконосых — 32 зуба. У первых беременность — шесть месяцев, а у вторых — шесть-восемь, у человекообразных — 230—290 дней.

В надсемействе широконосых обезьян два семейства: капуцинообразные (с шестью подсемействами):

миракины и тити — 9 видов,
саки и уакари — 7 видов,
ревуны — 6 видов,
капуцины и саймири — 6 видов,
коаты и шерстистые обезьяны — 8 видов,
прыгающие тамарины — 1 вид;

когтистые, или игрунковые, обезьяны (мармозетки, игрунки, тамарины) — 33 вида.

Мирикина, или дурукули,— единственная в мире обезьяна, которая уподобила свой образ жизни совиному: ночами терроризирует сонных птиц, лягушек, ящериц, пауков, насекомых. И фрукты ест, и сосет нектар. Видит во тьме превосходно, а ее ночные атаки так безошибочны, что она хватает в акробатическом прыжке даже пролетающих мимо насекомых.

Охотятся мирикины парами, самец и самка, и вместе спят днем. Ночами и особенно в утренних сумерках джунгли Амазонки и Ориноко оглашают разноголосые концерты мирикин. В них слышится и собачий лай, и кошачье мяуканье, и даже рев ягуара, а иногда тихое, мелодичное щебетанье и чириканье. Более пятидесяти звуков разного тона и характера насчитали исследователи в голосе этих обезьян, акустическая мощь которого совсем не пропорциональна силе и росту животного: вес дурукули 500—1000 граммов, длина без хвоста — 24—37 сантиметров.

Причина в резонаторах — расширенной трахее и воздушном мешке под подбородком у дурукули. Кроме того, обезьянка складывает губы рупором, когда кричит.

Родичи дурукули — обезьяны тити кричат по утрам так же громко.

Тити — четыре, восемь или даже десять видов, по мнению разных авторитетов. Сколько в действительности, установить трудно, так как южноамериканские леса еще плохо исследованы, а внутривидовая изменчивость многих обезьян слиш-

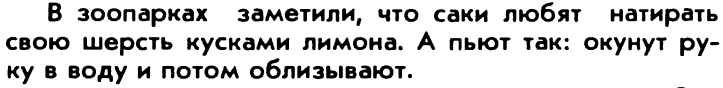

Дурукули, или мирикина, днем спит, ночью промышляет.

ком велика. Ногти у тити удлинены когтеобразно, как у когтистых обезьян, но все другие черты и образ жизни (но дневной) — как у дурукули.

У тити интересная манера караулить добычу: сидят поперек сука, ноги и руки подобрав вместе, а длинный хвост опустив вниз. Из этого неудобного, казалось бы, для атаки положения в молниеносном броске хватают пробегающую или пролетающую добычу.

Саки — обитатели сырых крупноствольных лесов внутренних областей Южной Америки. Многие места, где они живут, на долгое время заливают воды разлившихся великих рек Амазонии. А ведь обезьяны сырость не любят. Поэтому большая часть их жизненного пространства ограничена вершинами леса. И поэтому жизнь заставила их научиться прыгать так далеко и ловко, как не всякая обезьяна умеет. Но если случается спуститься на землю, а спускаются они всегда хвостами вперед, осторожно и без лишней торопливости, то саки обычно ходят на задних ногах, балансируя передними, которые поднимают вверх.

В зоопарках заметили, что саки любят натирать свою шерсть кусками лимона. А пьют так: окунут руку в воду и потом облизывают.

Уакари из того же подсемейства, что и саки. Это самые короткохвостые американские обезьяны. Лишь у большого уакари, а их три вида, хвост длиннее одной трети тела. У других он сантиметров 9—15. Уакари и самые «человекоподобные» из всех американских обезьян. Печальным, потерянным выражением голого, апоплексически-красного лица и лысым лбом они напоминают рано состарившегося и потерявшего все надежды ипохондрика.

Однако нрав уакари живой и веселый. Внешность, как нередко бывает, и здесь вводит в заблуждение. Они совсем не апатичны, часто приходят в ярость и тогда энергично и сильно трясут сук, на котором сидят, а угрожая, громко чмокают губами.

Даже громоподобный львиный рык не так громогласен, как крик ревуна — обезьяны, хотя и самой крупной в Америке, но сравнительно небольшой. Длина ее тела без хвоста — метр, а вес — в лучшем случае 8 килограммов. Обычно «запевает» старый самец, затем второй по рангу. Тут вдруг вся стая начинает исторгать такие вопли, что, и заткнув уши, рискуешь оглохнуть. Ближайшая стая немедленно вторит соседям, и дикий концерт звучит порой часами. В нем слышится и львиный рев, и рык тигра, и крики «а-хю, а-хю», и до восьми иных менее громких вокальных «фраз». Кричат ревуны обычно по утрам и вечерам, а также днем и даже ночью, так как нередко не спят и ночами.

В гуще леса за два километра слышны крики ревунов, а на открытом месте и за пять!

Конечно, у них мощные голосовые связки, но этого мало, нужен еще рупор и резонатор. Рупор — гибкие губы обезьян, которые ревуны складывают воронкой. Вот вам и мегафон. А резонатор — вздутая, полая... подъязычная кость: совсем необычная модель среди всех резонаторов, изобретенных природой за миллионы лет.

Разные виды ревунов обитают от Южной Мексики до Парагвая. Цвет шерсти сильно варьирует, но обычно преобладают три типа: черный, желтовато-бурый и ярко-рыжий. Цепкий хвост так силен, что ревун, ухватившись им за ветку, без помощи рук и ног может перескочить на ближайший сук.

Прыгать они не любят, а бегают и лазают по веткам, но так быстро, что человек, по земле преследуя их, не угонится, отстанет.

Один молодой ревун, который жил у воспитавшего его человека, очень любил морковь. Забавно было наблюдать, что он вытворял, когда ему показы-

Уакари — самые короткохвостые из американских обезьян: хвост 9—15 сантиметров. Они часто лысы, и вид у них (но не нрав!) мрачных ипохондриков.

вали разные ботанические книги с иллюстрациями. Многие неаппетитные, на его взгляд, овощи и фрукты он игнорировал, но стоило ему увидеть морковь, как сразу пытался выхватить ее рукой из книги. Это, естественно, не удавалось, тогда он тянулся к ней ртом. Лизал рисунок и в этом находил, как видно, какое-то удовлетворение.

«Из всех американских обезьян капуцины внешне и поведением напоминают мартышек Старого Света. У них нет особых образований, как, например, огромных глаз ночных обезьян, лохматой шерсти саки, когтей тамаринов, чрезмерно длинных конечностей паукообразных обезьян и голой хватающей «подошвы» на конце хвоста или мощных усиливающих крик приспособлений ревунов. Капуцины в известной степени «совершенно нормальные обезьяны в усредненном понимании этого слова» (Дитрих Хайнеманн).

Капуцины — самые «интеллигентные» из американских обезьян, которые в этом смысле очень уступают обезьянам Старого Света. Живут капуцины, их четыре вида, от Гондураса до Северной Аргентины.

Не все даже человекообразные обезьяны умеют, как капуцины, взяв в руку камень, колоть им орехи. У капуцинов врожденная повадка бить твердыми предметами по всему. Если нет под рукой твердых орехов, колотят камнями по решетке, по стеклам вольер.

Капуцины, подобно панголинам и многим птицам, натирают свою шерсть муравьями и, подобно ежу, смазывают ее слюной. Их привлекают пахучие вещества. Луком, апельсинами, лимонами и даже одеколоном, если доберутся до него, натираются усердно.

Немного похоже на капюшоны монахов-капуцинов топорщится шерсть на голове у некоторых видов капуцинов, образуя «прически» в виде хохлов, чепчиков, рогов и гребней. Капуцины с «прической» обычно бурые, без каких-либо ярких пятен. Без «причесок» — с белой отделкой вокруг морды или на плечах, горле и сверху на руках, например белоплечий капуцин. Впрочем, у разных подвидов, рас, возрастов окраска сильно изменчива, что часто ставит систематиков в большое затруднение.

Ревун, пожалуй, самое громогласное создание на свете. Резонатор, усилитель крика, у ревуна совсем необычный: два полых окостенения, образованных — передний — из подъязычной кости, задний — из щитовидного хряща. Черные ревуны обычны в Центральной Америке и Парагвае, медно-красные — в лесах Амазонки.

Дальних странствий капуцины избегают: владения стаи ограничены всего несколькими сотнями метров и сильно «надушены» маркировочными запахами. Придя на место, богатое плодами или насекомыми, члены стаи часто разбредаются кто куда и довольно далеко. Но звукового контакта друг с другом не теряют, постоянно выкрикивая им одним понятные сигналы и сообщения. Среди дня — время отдыха, и тогда они опять собираются вместе. Старые дремлют, но молодежь обычно веселится и скачет вокруг, так что старшим нередко приходится громкими окриками призывать ее к порядку.

Из обезьян Нового Света к капуцинам ближе всех саймири.

Окрашены они ярко. У саймири-белки на морде белый рисунок, несколько похожий на то жуткое изображение черепа, которое мы видим нередко на столбах линий электропередачи и прочих местах, где необходимо предупреждение о смертельной опасности. Поэтому и называют порой эту обезьянку «мертвоголовой».

Густые леса по берегам рек — излюбленные места поселения саймири. Как и капуцины, они редко ходят по земле. Как и капуцины, натирают себя пахучими соками и, прежде чем съесть какой-нибудь фрукт, мнут его, давят, зажав между листьями, или колотят по нему хвостом. На разные выдумки, забавы, игры саймири горазды. Резвы и очень любопытны.

«Веселые, разбитные, болтливые малыши ворвались вдруг в палатки, открыли все ящики и коробки, перевернули каждый предмет, прошмыгнули в кухню, вытащили свежеиспеченный хлеб из горячей еще формы. Хотя пять мужчин пытались метлами и прочим неопасным оружием прогнать их, они стащили все съедобное. Они не боялись. Они не обращали внимания на людей, конечно, лишь потому, что еще не знали двуногих» (Айвен Сэндерсон).

Так саймири разграбили лагерь исследователя. В одиночку эти обезьяны не ходят, всегда десятками, сотнями. Сэндерсон насчитал как-то в Гвиане 550 саймири, которые одна за другой в нескончаемом ряду скакали через узкую просеку леса.

Крик саймири звучит почти как флейта. Но когда ссорится вся стая, особенно по вечерам за центральные места на деревьях, где они спят (никто не хочет оставаться с краю!), то поднимают такой шум, что издали кажется, будто волны прибоя плещут о берег.

У самцов саймири странная и, на наш взгляд, непристойная манера угрожать противнику: они, поднимаясь на ногах, выставляют напоказ то, что люди, даже на картинах, обычно прячут хоть под фиговым листком.

Саймири во многом похожи на капуцинов. Так же смазывают себя мочой, но предпочитают «ароматизировать» не руки,

«Мертвоголовая» саймири — обезьяна удивительная! Даже не странным рисунком на лице, который наводит на некоторые мрачные сравнения, не хвостом, который хоть и не хватающего типа, но способен, однако, обвивать ветки, а феноменом более загадочным для науки. В одной стае, в одной семье у этих обезьян порой вместе с обычными маленькими родятся самцы-великаны: они вдвое крупнее своих братьев, а весят во много раз больше. Самцы плодовиты, но потомство у них мелкое, обычное. Подобный феномен замечен также у некоторых землероек-белозубок.

а тело, и особенно конец хвоста, который у них по этой причине всегда мокрый. Как и капуцины, они заинтересовали зоопсихологов. Только вот содержать в неволе их трудно (капуцины переносят ее легко).

Мозг у саймири относительно еще более крупный, чем у капуцинов. Это самые «мозговитые» из приматов и, пожалуй, вообще из всех живых существ, включая человека. Вес их мозга — $^1/_{17}$ веса обезьяны, у человека — только $^1/_{35}$!

«Обезьяны сделали живой мост... одна свесила хвост с ветки вниз и обхватила им голову другой, и таким же образом пять последующих обезьян образовали висячую цепь. Затем раскачали эту цепь вперед и назад, пока нижняя обезьяна, перекинутая, как на качелях, через лесной прогал до другого дерева, не ухватилась за него. Другие обезьяны, включая двух

самок с малышами на шеях, прошли по мосту. Тогда первая обезьяна, составлявшая мост, отпустила сук, живая цепь устремилась через прогал к новому дереву. Там, расцепившись, обезьяны последовали своим прежним курсом. На все им потребовалось меньше времени, чем мне, чтобы описать это» (Карл Ловелас).

Давно уже, со времен Аристотеля, рассказывают люди такие неправдоподобные, как считалось да и считается, истории про обезьяньи мосты.

Скорее всего, если подобное вообще возможно, сооружают живые мосты паукообразные обезьяны, или коаты.

Паукообразные! Часто черные, хотя есть и серые, бурые, а панамская — рыжая, ноги и руки тонкие и длинные, тело тощее, несоразмерное с длиной «паучьих» конечностей и особенно хвоста, который относительно длиннее, чем у любой обезьяны вообще. Он такой сильный и цепкий, что легко держит да еще, раскачав, бросает почти полупудовую обезьяну с сука на сук.

Хвост у коаты в буквальном смысле пятая рука. Выпрашивая и принимая лакомство в зоопарке, его, а не руку, протягивает она из-за решетки.

Ухватив за ручку, открывают хвостом двери. Просясь обратно в дом, хвостом нажимают кнопку звонка! Это ручные.

А дикие? Дикие, увидев с дерева человека, ягуара или другого врага, рвут хвостом (и руками тоже) ветки потяжелее и бросают вниз. Такие «бомбы» весят порой килограммов пять!

Четыре вида коат рода ателес обитают от Южной Мексики до Парагвая. Еще два рода и четыре вида близких к коатам, так называемых шерстистых обезьян — главным образом в Амазонии. Они многим похожи на коат, но не так ловки в прыжках, и не так проворен в разных проделках их цепкий хвост. У них густой, плотный, богатый подшерстком мех. У коат шерсть грубая, без подшерстка.

В 1904 году директор одного музея в Белене (Бразилия) получил в подарок странного вида маленькую черную обезьянку. Когда она умерла, ее шкуру послали в Британский музей. Так был открыт новый вид обезьян — прыгающий тамарин. Но поскольку шкуру в Лондон прислали без черепа, британские специалисты сначала зачислили прыгающего тамарина в одно семейство с когтистыми, или игрунковыми, обезьянами. Только в 1911 и 1914 годах еще пару таких обезьянок привезли на пароходе с верховьев Амазонки в портовый город Белен. Там их изучила Миранда Рибейро и доказала, что если решать вопрос о родственных связях прыгающих тамаринов лишь по шкуре (и коготкам на пальцах!), то они действительно близки к когтистым обезьянам. Но, исследовав череп

Коата, паукообразная обезьяна, хвостом владеет так же ловко, как и руками.

и зубы, Миранда Рибейро нашла в них много черт, обычных для обезьян из семейства капуцинообразных. Прыгающие тамарины — промежуточная форма, связующее звено между теми и другими.

Прежде, до открытия прыгающих тамаринов, в зоологии преобладало мнение, что игрунковые — древнейшие из обезьян не только Америки, но и всего мира. Теперь, когда найдено связующее звено, вопрос решился иначе: когтистые обезьяны лишь боковая специализированная ветвь широконосых обезьян, и ветвь скорее молодая, чем древняя.

Прыгающий тамарин — обезьяна, которой долго удавалось сохранять свое инкогнито в сырых лесах Верхней Амазонки. Открытие прыгающих тамаринов помогло зоологам пересмотреть гипотезы о происхождении некоторых групп американских обезьян.

Чичико чуть крупнее мышиного лемура. Однако весит впятеро больше. Самец и самка носят своих малышей на себе почти до полного их возмужания, которое случится через год с небольшим после рождения.

Специализированная, то есть приспособившаяся к жизни в самом сердце «леса лесов» — амазонской сельвы. В листве гигантских деревьев, увитых лианами, поросших орхидеями, в сырости, в полумраке, среди обилия муравьев, пауков, зреющих круглый год фруктов и орехов нашли они себе пристанище и пропитание. На землю когтистые обезьяны почти никогда не спускаются.

Они крохотные — с крысу, белку, редко больше. Лилипут среди обезьян, карликовая когтистая обезьянка чичико весит всего 85 граммов! Она чуть крупнее мышиного лемура. Вид у многих презабавный: у одних длинные «седые» усы, как у кайзера Вильгельма, у других прически, как у Бабетты, которая ходила на войну, у многих гривы на шее и плечах, а уши с пышной оторочкой из длинных белых волос. Жабо, да и только, но не на шее, а на ушах. Окраска

яркая, многоцветная. Мех мягкий, шелковистый. И у всех только 32 зуба! Как у «старосветских» обезьян.

Тех, у кого нижние клыки равны или чуть больше резцов, называют обычно мармозетками. У тамаринов, наоборот, нижние клыки много длиннее резцов.

Обезьянки игривые, красивые и, если так можно выразиться, экстравагантные. Даже безжалостным конкистадорам эти «мартышки» полюбились. Шелковистых обезьянок давно привезли в Европу. Дамы высшего света, особенно в эпоху мадам Помпадур и последних Людовиков, променяв ручных ласок, мода на которых ушла вместе с Возрождением, на когтистых обезьянок, держали их в своих салонах, как в наши дни болонок и сиамских кошек.

МАРТЫШКИ, МАНГАБЕИ, МАКАКИ И ПАВИАНЫ

Приматов Старого Света систематики разделили на три семейства:

мартышкообразные с двумя подсемействами:

мартышковые (мартышки, мангабеи, макаки, павианы — 37 видов),

тонкотелые и толстотелые обезьяны, или колобовые (лангуры, хульманы, носатые обезьяны, толстотелы, гверецы — 21 вид);

человекообразные с двумя подсемействами:

гиббоны (7 видов) и настоящие человекообразные (4 вида), гоминиды (1 вид, человек).

Мартышки — небольшие обезьяны весом до 10 килограммов, стройные, легкие, длиннохвостые, короткомордые, череп округлый, без сильно развитых надбровных дуг, задние ноги заметно длиннее передних, седалищные мозоли небольшие, окраска яркая, черных, рыжих, белых, даже зеленых тонов. Живут почти исключительно на деревьях, обычно в тропических лесах, реже встречаются в саваннах, вблизи рек. Обитают только в Африке, к югу от Сахары.

Макаки более массивны, их вес до 13 килограммов, приземисты, с сильными ногами и руками, морды удлинены на собачий манер, с более мощными, чем у мартышек, челюстями и зубами, хвосты короткие. Живут на земле, на деревьях, в лесах, на голых скалах, в мангровых зарослях. И все, кроме одного вида, в Южной Азии (от Западного Пакистана до Японии, Тайваня, Филиппин и Сулавеси). Единственный североафриканский (Марокко, Алжир) и европейский (Гибралтар) вид — бесхвостый магот.

Павианы — еще более собакоголовые, клыкастые, массивные, чем макаки (мандрилл весит 54 килограмма). Живут почти исключительно на земле, в сухих саваннах, на скалистых плато, но некоторые и в лесах. У павианов большие ярко-красные седалищные мозоли. Хвосты очень короткие или средней длины. Все

Талапуэны, или карликовые мартышки, из рода миопитекус. Они немного больше белки и обитают в лесах по берегам рек и озер Западной и Центральной Африки.

кроме гамадрила, обитающего и в Аравии, африканские.

Итак, настоящие мартышки, род церкопитекус. Сколько их — девять, двенадцать, больше или меньше видов? Трудно решить. Очень изменчивы и географически, и индивидуально, и в разных возрастах.

Живут мартышки стаями, семейными группами, иногда в компании с мангабеями, колобами, но никогда с павианами и шимпанзе, бродят днем по лесам в поисках фруктов, орехов, насекомых, улиток, пауков, мелких птиц, ящериц, лягушек, что попадется съедобного. Правда, у некоторых вкусы более определенные, но в общем они всеядны.

У некоторых видов, например у голуболицых гвенонов, замечена такая же иерархия в стаях, как у павианов и макак, о которых речь будет дальше. Но многие, по-видимому, живут более «демократично», без строгого разделения на ранги. Одни охраняют свою территорию и кочуют лишь в ее пределах (голуболицые и большие белоносые гвеноны), другие таких правил не придерживаются.

Большинство мартышек — жители густых тро-

Белоносый гвенон. Нос этой мартышки украшает белое пятно в форме сердца.

пических лесов, одни предпочитают вершины, другие держатся ниже, третьи, покинув густые дебри лесов, перебрались в сухие саванны, степи и кустарники. Это зеленые мартышки, которые, подобно макакам, много бродят по земле.

Еще больший любитель открытых пространств, богатых травой, но бедных деревьями, — гусар, или патас. Его тоже часто называют мартышкой, но он

из другого рода, чем настоящие гвеноны. Имя гусара получил, вероятно, из-за красновато-рыжего цвета своей шерсти. Есть два подвида гусаров: черноносый, или патас (от Сенегала до Эфиопии, на юг — до Танганьики и Конго), и белоносый, или ниснас (Восточный Судан, Нубия, Сомали). Это одна из первых обезьян, которых описали древние авторы, в частности Элиан.

Ни одна из мартышек не любит так много и охотно бродить по земле, как гусар. Взрослого гусара редко можно увидеть днем на дереве. Больше того, спасаясь от врагов, он часто не спешит к дереву, как другие обезьяны, чтобы забраться повыше, а удирает по земле резвым галопом со скоростью 50 километров в час. По плохой дороге ни один автомобиль не угонится за гусаром! Это, пожалуй, самая быстроногая из обезьян.

Живут гусары стаями. У каждой индивидуальная территория около 20 квадратных миль. Днем кочуют по степи, в ее пределах проходят от нескольких сот метров до 12 километров. Ночуют обычно на деревьях. В стае 7—12 самок и молодых обезьян и всегда только один взрослый самец, который ростом и весом (25 килограммов) вдвое больше любой самки. Он очень чуткий дозорный и охранитель своего гарема и совсем не так деспотичен в обращении с женами, как самцы павианов. Среди самок заметили строгое разделение на ранги: высшие в иерархии всегда сидят ближе к самцу, а с ними и их детеныши. За эти центральные места — вечные склоки.

Еще два вида обезьян особых родов (не церкопитекус) дополняют группу гвенонов: карликовая мартышка (самая крохотная из обезьян Старого Света — длина без хвоста 35 сантиметров) и черно-зеленая, или болотная, мартышка. Первая обитает в заболоченных лесах и манграх в устье Конго, в Северной Анголе и на две тысячи миль восточнее, на склонах гор Рувензори. Вторая была открыта только в 1907 году в Конго. Внешне она похожа на мартышку, хотя ряд морфологических признаков сближает ее с мангабеями. По-видимому, это переходная форма между ними и мартышками, а через мангабеев она замыкает родственные связи гвенонов с макаками и павианами.

Мартышки довольно легко переносят неволю, и многие долго живут в зоопарках (рекорд — 26 лет!). Их так же, как резусов, держат в лабораториях для разных медицинских и биологических экспериментов.

«Только из Кении для этих целей вывезли в 1962 году 25 тысяч мартышек» (доктор Вальтер Фидлер).

Мангабей похож на мартышку, но морда подлиннее, типа макаки. И зубы тоже как у макак: третий нижний коренной с пятью бугорками (у мартышек

Голуболицая мартышка

с четырьмя). У самцов седалищные мозоли тоже скорее типа макаки, чем мартышки, а верхние веки «подкрашены» белым, как у павиана гелады.

Эти белые пятна как бы подчеркивают напряженный взгляд вожака, которым он угрожает сопернику или низшему рангом. Когда два самца вознамерятся напугать друг друга, они поднимают надбровья, чтобы яснее обозначились белые пятна на веках, и долго стоят нос к носу, словно их увлекла детская игра в «гляделки». Потом еще начнут мигать белыми веками, вытянут нижнюю губу, шлепают губами, «болтают», дразнят друг друга, то высовывая язык, то пряча.

Название «мангабей» происходит от мадагаскарского города Мангаба, откуда впервые привезли этих обезьян в Европу. Но родина их тропическая Африка: сырые, болотистые леса и мангры от Либерии до Анголы, а на восток до Кении. Здесь, почти не слезая с деревьев, обитают четыре вида мангабеев: воротничковый (серо-бурый с белым воротником вокруг шеи и нередко с красной «шапкой»), черный или хохлатый (с длинным, устремленным вверх в виде косицы пучком волос на темени), гривистый (с небольшой гривой на шее и плечах) и резвый (буро-оливковый с пышным «чепчиком» волос на голове).

Много лет подряд японские биологи изучали жизнь макак, которые местами еще уцелели на их островах. Одна стая макак жила на горе Такасакияма, «отрезанной от мира с трех сторон морем, а с четвертой — горными хребтами». Сидели и ходили по ней обезьяны не как попало, а в строгом порядке и в зависимости от «чина» каждой обезьяны. В центре всегда были самцы и самки самого высокого ранга. Только малышам разрешалось здесь резвиться. На Такасакияме жило шестнадцать взрослых самцов, но лишь шестеро из них обладали столь высокими прерогативами, что могли гулять «по центру». Всем другим вход был воспрещен. Они, тоже строго по чину, располагались с краю вокруг привилегированного центра. Порядок был такой: первую круговую орбиту, ближайшую к вожакам, занимали самки более низкого ранга. А вторую за ней — молодые и слабые самцы. Только совсем молоденьким обезьянкам разрешалось переходить как угодно границы всех рангов.

Большой белоносый гвенон

Вечером обезьяны шли спать. В авангарде дозор молодых самцов, затем самцы-вожаки, с ними самки высшего разряда с детенышами. Когда они покидали свою центральную резиденцию на холме, туда уже без страха приходили подчиненные им самцы и уводили самок чином пониже. Процессию замыкала молодежь, которая обычно задерживалась, чтобы

порезвиться у «трона» вождей. Ее сопровождал отряд взрослых самцов.

Утром обезьяний караван возвращается на гору и располагается строго по сферам влияния.

В Японии зоологи зарегистрировали сейчас около тридцати подобных обезьяньих сообществ, которые объединяют 4300 макак разных возрастов. У каждой стаи своя территория от 2 до 15 квадратных километров, в пределах которой обезьяны кочуют днем в поисках фруктов, съедобных листьев и прочего провианта. В стае от 4—5 до 600 макак. Но обычно от 30 до 150. Ночуют обезьяны в густых лесах или на отвесных скалах, на деревьях.

Ранг самцов определяется возрастом и силой, но у самок иной порядок. Возраст сам по себе не играет особой роли, больше значит личное влияние на самцов высшего ранга и симпатии, которые те к ним проявляют. Поэтому среди самок происходят постоянные перемещения, что не обходится без ссор и драк. Дочери и даже племянницы самки высшего ранга «автоматически» включены в центральный круг, так как мать всех их защищает и опекает. Иное дело сыновья. Как только исполнится полтора-два года, они уходят во внешний круг и собственными силами борются за ранг и влияние в стае. Среди семидесяти макак, которые живут на небольшом островке Кошима, самая влиятельная семейная группа старой обезьяны, у которой больше, чем у других, потомков женского пола!

Когда приходит пора размножения (в ноябре — декабре), вожаки претендуют отнюдь не на всех самок в стае, а только на избранных. Взрослые самцы низшего ранга тоже находят самок, но из своего «внешнего» круга.

«Осенью 1953 года полуторагодовалая самка, которую мы назвали Имо, нашла однажды в песке батат (сладкий картофель). Она окунула его в воду — наверное, совершенно случайно — и смыла лапками песок» (М. Каваи).

Так малышка Имо положила начало необычной традиции, которой знамениты теперь обезьяны острова Кошима.

Через месяц подруга Имо увидела ее манипуляции с бататом и водой и тут же «собезьянничала» культурные манеры. Через четыре месяца мать Имо делала то же. Постепенно сестры и подруги переняли открытый Имо способ, и через четыре года уже 15 обезьян мыли бататы. Почти всем им было от года до трех. Некоторые взрослые пяти-семилетние самки научились от молодежи новой повадке. Но из самцов никто! И не потому, что они менее сообразительны, а просто были в иных рангах, чем группа,

Макак-резус с малышом, которому полтора года. Этой обезьяне человечество обязано разгадкой тайны резус-фактора и спасением жизни многих детей, которые умирали от несовместимости крови родителей.

окружавшая Имо, и поэтому мало соприкасались с сообразительной обезьянкой, ее семьей и подругами.

Постепенно матери переняли у своих детей привычку мыть бататы, а затем сами научили более молодых своих потомков, рожденных после того, как этот способ был изобретен. В 1962 году уже 42 из 59 обезьян стаи, в которой жила Имо, мыли бататы перед едой. Только старые самцы и самки, которые в 1953 году (год изобретения!) были уже достаточно взрослыми и не общались с проказливой молодежью, не усвоили новую повадку. Но молодые самки, повзрослев, из поколения в поколение обучали своих детей с первых дней их жизни мыть бататы.

«Позднее обезьяны научились мыть бататы не только в пресной воде рек, но и в море. Возможно, подсоленные, они были вкуснее? Я наблюдал также начало еще одной традиции, намеренно научив этому некоторых обезьян, но другие и без моей помощи ее переняли. Я заманил нескольких обезьян земляными орехами в воду, и через три года у всех детенышей и молодых обезьян стало в обычае регулярно купаться, плавать и даже нырять в море. Они научились также мыть в воде специально для них рассыпанные в песке пшеничные зерна. Сначала терпеливо выуживали каждое зерно из песка. Позднее, набрав полную горсть песка с зернами, окунали ее в воду. Песок опускался на дно, а легкие зерна всплывали. Оставалось только собрать зерна с поверхности воды и съесть. Между прочим, и этот способ открыла Имо. Как видно, способностями наделены обезьяны очень разно. Среди ближайших родственников изобретательной Имо почти все научились этой повадке, но из детей обезьяны Нами только немногие» (М. Каваи).

Наконец, заметили, что макаки стали ходить на задних ногах! Иногда метров тридцать несут в руках пищу, чтобы помыть ее. Шимпанзе тоже вынуждены идти на двух ногах, когда что-нибудь несут в руках. В этой повадке мы замечаем новые доказательства той известной теории, что именно труд вывел обезьяну в люди. Чтобы освободить руки для простейшей деятельности, приходилось вставать на ноги и так ходить. Умение это, в свою очередь, давало простор и лучшие возможности «рукоделию». А оно развивало сообразительность и мозг, который изобретал новые идеи для приложения рук и труда. Так совершенствовался род предлюдей.

Одна из самых обычных обезьян зоопарков, ее человек первой послал в космос, — макак-резус. Он частый гость и в исследовательских лабораториях. Человечество обязано ему открытием особого резус-фактора, определяющего несовместимость крови некоторых супругов и губившего прежде многих детей.

Резус, как и все макаки, короткохвост, крепкого, коренастого сложения. Житель лесов и скалистых холмов от Афгани-

стана до Индокитая и Южного Китая. В Индии это священная обезьяна.

Еще два близких вида (из подрода резус): ассамская макака, или горный резус, и короткохвостый тайванский резус — обитают соответственно в Ассаме и на Тайване.

Резусы отважные обезьяны, самцы много крупнее и сильнее самок, справляются с собаками и атакуют нередко даже гималайского медведя, если тот забредет во владения макак и слишком приблизится к самкам с детенышами. Не раз нападали они и на невооруженных людей, пытаясь напугать и прогнать их наскоками, оскаленными зубами, быстрыми укусами, стремительным отступлением и новой атакой.

Силена англичане называют львиным макаком: его хвост увенчан небольшой кисточкой, а серые бакенбарды очень пышны. Сам он темно-бурый или черный. Живет в гористых лесах на крайнем юго-западе Индии. Ближайший родич силена — свиной макак, или лапундер, внешне на него похож мало. Нет у него пышных баков, а хвост короткий и не пропорционально тонкий, прямо поросячий. Сходство дополняет манера носить хвост всегда изогнутым. Бирманский подвид лапундера с небольшой кистью на конце хвоста, и немцы именно его (а не силена, как англичане) называют львиным макаком (или макакой — в русском языке употребляются оба рода).

Обитают лапундеры в Восточной Индии, Бирме, Индокитае и Индонезии. Кое-где их приучают собирать с пальм кокосовые орехи. Дрессируют обычно самок и молодых лапундеров, так как взрослые самцы, самые крупные из макак вообще, слишком сильны и опасны.

Обезьянка лезет на пальму и тут из 10—40 орехов должна по своему соображению выбрать только зрелые. Если сбросит вниз неспелые, ей за это попадает. Силенок у нее немного, а орехи-то большие и стебельки у них прочные. Лапками порвать их она не может, а потому быстро крутит орех туда-сюда, пока не лопнут почти все волокна стебля. Оставшиеся подгрызает зубами. Немало приходится ей повозиться, прежде чем орех упадет на землю. За первым следует второй, третий — сколько нужно. Обычно пускают ее на дерево на привязи, и, слезая, она сама следит за тем, чтобы веревка, которая опоясывает ее поперек живота, не запуталась в ветвях. Некоторые обезьянки собирают за день пятьсот орехов!

Еще пять видов рода макак обитают в Азии. Тибетский, или медвежий, макак (Тибет, Китай, Индокитай) — бурый, почти бесхвостый, краснолицый, когда тепло, и голуболицый на холоде. Холод переносит легко и нередко бродит даже по снегу. Макак Боннета интересен тем, что в Южной Индии, где резусов нет, он как бы замещает их, занимая ту же, как говорят специалисты, экологическую нишу. Но нравом на резуса непохож: пуглив и удирает даже от шакала. Когда в обрубленных стволах бамбука собирается дождевая вода, эти

Магот — европейская обезьяна!

макаки пьют ее, запуская руку внутрь ствола и облизывая. Близкий вид обитает на Цейлоне. А в Индокитае, Индонезии (но не на Сулавеси) и на Филиппинах — яванский макак, или крабоед. В манграх на морских побережьях и в зарослях около рек и озер яванские макаки охотятся на рыб, крабов и раков. Хорошо плавают и ныряют. На Бали их почитают как священных и выносят для них на опушку леса вареный рис и другие продукты.

На Сулавеси два макака: черный, или болотный, который внешне похож на магота, и хохлатый, которого тоже называют черным. Хохлатый не настоящий макак, он иного рода. Длинной мордой, крутыми надбровными дугами напоминает павианов и, по-видимому, переходная форма к ним. Таким образом, добрались мы наконец и до павианов, но, прежде чем рассказать о них, познакомимся с маготом.

Когда появились маготы на скалах Гибралтара — неизвестно. То ли это остатки последних европейских стай (ископаемые кости маготов найдены в разных местах Европы), то ли их завезли сюда финикийцы либо римляне?

В начале VIII века арабский полководец Тарик ибн Сияд застал уже на Гибралтаре этих обезьян. В 1856 году, когда Гибралтар перешел во владения англичан, там жило 130 маготов. Британский губерна-

тор особым указом повелел охранять их. Потом какая-то болезнь погубила всех обезьян, кроме трех. Опять губернатор издал приказ: привезти маготов из Северной Африки и поселить их в Гибралтаре. Дело в том, что старое предание утверждает: как только все обезьяны исчезнут с Гибралтара, англичане потеряют эту твердыню!

Вскоре обезьяны так расплодились и обнаглели, что целыми бандами спускались с гор, опустошали городские сады, воровали все в домах, курам сворачивали шеи, избивали и кусали детей и женщин.

«Когда затем одна обезьяна стащила во время праздника украшенный пером шлем губернатора и, усевшись с ним на зубце крепости перед большой толпой зевак, пародировала его превосходительство, чаша терпения переполнилась. Все обезьяны из округи города были выселены и изгнаны на уединенные скалы. Однако приказ об их охране остался в силе» (Вальтер Фидлер).

Обезьяны подчинены военному министерству. Особый офицер, «ответственный за обезьян», на канонерке охраняет скалы, где живут маготы. Каждой обезьяне, а их больше двухсот, выделено содержание: четыре пенни в день.

Как только по той или иной причине число обезьян в Гибралтаре сокращается, сейчас же англичане, не жалея средств, привозят новых из Северной Африки. В 1942 году, например, сам Черчилль телеграфировал командующему британскими войсками в Африке: «Немедленно поймайте несколько обезьян для Гибралтара!» И генерал послал отряд солдат ловить обезьян.

Две стаи маготов на Гибралтаре: одна живет высоко на недоступных скалах — эти довольно дики. Но обезьяны другой стаи, обосновавшиеся на полпути от вершины скалы до порта, совсем потеряли и страх и уважение к людям. Быстро вскочив в открытые окна автомобиля, они тащат из карманов туристов платки, кошельки и прочие вещи и стрелой удирают прочь. Краденое рвут, если оно несъедобно, и бросают. Угнаться за ними совершенно невозможно, да и небезопасно. Стоит схватить одного магота, как он поднимает такой крик, что вся банда тут же спешит на помощь и без страха нападает на людей. Приходится удирать, так как по закону обижать обезьян не разрешается.

После полудня «обезьяний канонир» привозит маготам ежедневный паек: фрукты, хлеб. Он уже шестнадцать лет служит в этой должности и знает каждую обезьяну по имени. Только к этому человеку гибралтарские маготы относятся уважительно.

Зимние холода Средней Европы маготы переносят неплохо. Они однажды двадцать лет жили

Гелада. Он и павиан и вроде бы не павиан...

и плодились в Германии. История такова. В 1763 году граф Шлиффен привез из Северной Африки несколько маготов и поселил их в парке своего имения близ Касселя, на севере Гессена. Для укрытия от стужи обезьянам построили хижины и гроты. Двадцать лет жили и плодились они довольно мирно. Как верные псы, всей стаей провожали графа до границ имения, когда он уезжал в Кассель, и ждали тут его возвра-

щения. Но потом стали безобразничать. У соседа, другого графа, украли кассу с деньгами и спрятали ее на крыше, в желобе. Потом один магот унес из люльки трехнедельного ребенка управляющего имением и залез с ним на фронтон дома. С большим риском повар графа, француз, забрался на фронтон и, приманивая обезьяну инжиром, спас ребенка.

Но когда вожак стаи напал на девочку, разодрал платье и вырвал волосы, граф с тяжелой душой приказал перестрелять всех обезьян, а было их уже шестьдесят. По другим сведениям, причиной их буйства и гибели было бешенство, которое занесла в стаю покусавшая обезьян собака. На могиле «германских» маготов поставили памятник, который существует и поныне.

Север Африки, откуда англичане привозят маготов на Гибралтар, — это Атласские горы Марокко и Алжира. Но в Сахаре и южнее макаки не водятся. Там живут павианы. Их восемь видов.

Два почти бесхвостых и лесных:

мандрилл (Нигерия, Северный Камерун) — самым странным образом раскрашенная обезьяна: на голой морде переносица, ноздри, губы ярко-красные, бороздчатые вздутия на боках переносья голубые. Огромные голые седалищные мозоли тоже ярко-красные с голубизной по краям. Это у самцов. У самок красного на морде нет, а только голубые вздутия;

дрилл (Южный Камерун, Габон, Конго (Браззавиль) — очень похож на мандрилла, но поменьше и не так ярок: без голубого и красного на черной морде, лишь нижняя губа и подбородок с красным оттенком.

Хвостатые павианы — жители открытых пространств: саванн, степей, кустарников, скал:

гелада (горы Эфиопии) — почти черный с гривой на плечах, с продольными бороздами на переносице, как у дрилла, щеки странно впалые, нос укороченный, спереди на груди голые красные пятна. У самок соски так сближены, что детеныш сосет их, взяв оба в рот;

гамадрил (скалистые холмы Восточной Эфиопии, Сомали, прибрежные скалы Южной Аравии, а по другим данным — также и Восточный Судан), самцы с пышной серебристо-серой гривой на плечах и спине и с большими красными седалищными мозолями.

Четыре вида очень похожих друг на друга бабуинов:

бурый гвинейский (степи и кустарники Сенегала и Гвинеи);

зеленый, или анубис (такие же ландшафты, но восточнее — от Нигера до Эфиопии);

желтый бабуин — саванны, степи, кустарники Восточной Африки, Родезии, Анголы;

чакма — те же ландшафты, но южнее, до самого Кейптауна.

После человека и человекообразных обезьян павианы — самые крупные из приматов (самцы мандриллов весом до полцентнера). А когда-то, еще сравнительно недавно, в ледниковое время, в Южной Африке жили павианы-гиганты, ростом почти с гориллу.

Из всех обезьян павианы самые собакоголовые и самые недревесные. Большую часть жизни проводят

Мандрилл. Лесной бесхвостый павиан с мордой, раскрашенной весьма цветисто.

на земле, ищут разные коренья, ворошат листья, переворачивают камни: улиток, насекомых, найденных здесь, тоже едят. Только на ночь, чтобы выспаться в безопасности и спасаясь от врагов, залезают на деревья.

А врагов, которых они боятся, немного. Это прежде всего вооруженный человек, невооруженный их не пугает, лев и леопард. Слонам и носорогам они уступают дорогу лишь в последнюю минуту. С другими копытными и хищными обитателями саванны живут в мире или нейтралитете. Среди буйволов, зебр, жираф, антилоп ходят спокойно. Шакалов, гиен игнори-

руют. Гиеновых собак опасаются. Десяток или два взрослых самцов сейчас же заслоном выступают навстречу их стаям, оберегая самок с молодежью.

На марше построение у них такое же, как у японских макак: впереди молодые самцы, в центре самки с детенышами и вожаки высшего ранга, в арьергарде опять молодежь под предводительством нескольких взрослых самцов. С флангов обычно идут дозорные отряды самцов. С какой бы стороны ни объявился враг, его встречают самые сильные в стае.

Павианы часто поселяются рядом с человеком и грабят посевы и плантации. В Южной Африке в 1925 году давали премии за каждого убитого павиана. За два года перестреляли 200 тысяч, не считая погибших от ран и ядов. Но число бабуинов сократилось ненамного.

Полагают, что причина их изобилия в уменьшении числа леопардов. Тех перестреляли еще раньше и ради шкур, которые стали модны, и просто как хищников. А леопарды — главные враги павианов. Так было нарушено вековое равновесие природы, и павианы, лишившись самых опасных своих врагов, расплодились как никогда.

Каждая стая павианов (30—40 голов, самое большее 100—200) кочует в своих владениях, протяженность которых 5—15 километров. На водопои — места общего пользования! — мирно сходятся соседствующие стаи павианов. На некоторых водопоях собирается до четырехсот обезьян. Молодежь разных стай, пользуясь случаем, затевает игры, но, когда уходят старики, за ними спешат и молодые — каждый в свою стаю.

Сначала, как у всех обезьян, молодые павианы висят у матери на животе, вцепившись в шерсть, потом перебираются на спину. В возрасте нескольких месяцев павиана принимают в какую-нибудь группу молодых обезьян. Он играет с однолетками и с некоторыми заводит прочную дружбу, обычно на всю жизнь. Они кочуют вместе, даже если обзаведутся семьями, и часто сообща дают отпор сильному и высшему в ранге самцу.

Если малыши слишком расшалятся, кого-нибудь больно укусят и тот закричит, сейчас же один из взрослых павианов направляется к ним и, наградив кого следует шлепками, прекращает игру. Один молодой павиан как-то неудачно прыгнул с дерева и упал в реку, старый павиан тотчас же бросился в воду и спас его. Вожак не терпит драк между взрослыми. Он сейчас же устремляет на драчунов свой пристальный взгляд — первое предупреждение. Второго обычно не требуется. Этот взгляд обладает какой-то те-

лепатической силой: обезьяны, даже в свалке и гвалте, сразу чувствуют его и смиренно прекращают возню.

У степных павианов — бабуинов — настоящих семей, так же как и строго разделенных гаремов, нет. Самки в известной мере «общие». Но у жителей скал и нагорий — гамадрилов — семьи, в которых обычно лишь один сильный самец. Днем бродят семейными группами, но на ночь собираются в большую стаю на отвесных скалах. Так же, по-видимому, ведут себя их соседи — гелады. Некоторые исследователи считают их даже не павианами, а особой ветвью макак. Замечены у гелад и некоторые морфологические черты мартышек. Так что родственные связи гелад с обезьянами своего подсемейства еще не вполне ясны.

Павианы нередко нападают на дуккеров, молодых антилоп и свиней, на домашних овец и ягнят. У ягнят, прокусив желудок, любят пить его содержимое (молоко). Тем удивительнее случай, описанный зоологом доктором Хёшем. Одна фермерша в Южной Африке решила приучить молодого бабуина чакму по кличке Ала пасти коз. Сначала Ала жила в загоне с козами и очень к ним привязалась. Когда козы шли на пастбище, и она уходила с ними. Охраняла, отгоняла от чужих стад, собирала в гурт, если они слишком разбредались, а вечером пригоняла домой. В общем, вела себя как лучшая пастушья собака. Даже больше! Она знала каждую козу и каждого козленка. Однажды с криком прибежала с пастбища домой. Оказалось, что двух козлят забыли выгнать из загона. И Ала это заметила, хотя в стаде было восемьдесят коз!

Когда маленькие козлята уставали идти, она брала их и несла, а затем отдавала блеющей матери, подсовывая под самое вымя. Если козленок был слишком мал, она приподнимала его и поддерживала, пока тот сосал. Ала никогда не путала, чей козленок, чужой козе не отдавала. Если рождалась тройня и козленка забирали, чтобы подсадить его к козе с одним сосунком, Ала распоряжалась по-своему и опять возвращала его матери.

Она следила даже за тем, чтобы молоко у коз не перегорало, если козленок всего не отсасывал. Пощупав набухшее вымя, сосала молоко сама. Такую высокую ответственность в выполнении порученного им дела замечали и у других обезьян. Некоторые шимпанзе, если поставленная перед ними задача оказывалась не по силам, даже страдали нервными расстройствами, впадая в глубокую депрессию.

В зоопарках наблюдали, как без всякого кровопролития решают павианы вопрос о первенстве в стае.

Клыки у гамадрила, как у леопарда. Чем они острее и больше, тем выше в ранге самец. Демонстрация клыков — заявка на первенство, которая обычно удовлетворяется без боя.

Один сильный гамадрил долго был вожаком, постарел, облысел, его пышная грива вытерлась, поредела. Однажды молодой гривастый павиан занял его место, и старик мирно уступил, ушел, так сказать, на второй план и больше не претендовал на первое место. Но молодежь и самки низшего ранга по-прежнему уважали старика, любовно причесывали, ухаживали за его шерстью, как принято у обезьян.

Другому самцу, который был стар и зубы его притупились, зоолог Хайнеманн решил показать нарисованную в натуральную величину картину — оскаленную пасть гамадрила с огромными клыками.

Как только старик через стекло увидел эти зубы, он сейчас же отпрянул назад и забился в самый дальний угол клетки, словно говоря: «Не тронь меня, с такими клыками первое место — твое по закону!»

ЛАНГУРЫ, НОСАЧИ И КОЛОБЫ

Подсемейство колобовых (или даже семейство, по мнению других систематиков) включает обезьян трех групп: похожих на мартышек длиннохвостых лангуров (13—14 видов), носатых обезьян (три рода с 4—6 видами) и собственно колобовых: 2 вида толстотелов, 1—2 вида гверец.

Часто их разделяют и так: тонкотелые обезьяны (лангуры и носатые) и толстотелые (толстотелы, или колобы, и гверецы). Первые — все южноазиатские, вторые — африканские. Но поскольку носатых обезьян тонкотелыми назвать можно, лишь помня об их родстве с действительно стройными лангурами (на самом же деле они более «толстотелы», чем африканские колобы), логичнее принять разделение на три группы.

От мартышковых отличают колобовых обезьян коренные зубы, приспособленные для перетирания листьев, недоразвитые защечные мешки и тоже недоразвитый большой палец на руках, если он вообще есть. Но главное — желудок! Очень вместительный — втрое больше, чем у других обезьян сходного размера, и многокамерный, похоже, как у жвачных. В нем под действием бактерий бродят и перевариваются листья, почки, цветы и фрукты. Колобовые обезьяны — вегетарианцы. Не всеядны, как мартышковые. И не так подвижны и резвы: переваривание «силоса» требует известного покоя и «созерцательной» жизни.

«Когда хульманы при восходе и закате спокойно сидят и греются в лучах солнца, вид у них такой, будто они погружены в молитву. Возможно, также поэтому индусы объявили их священными» (В. Фидлер и Г. Вендт).

Хульман — самый крупный из лангуров и самый обычный на Цейлоне и в Индии (от Гималайских гор до южной оконечности полуострова Индостан). Хульманы живут часто в храмах и в парках, без страха заходят в селения и города. Порой тащат съедобное со столов и разоряют сады: обижать хульманов индусам не позволено, и в Индии строго следят за тем, чтобы чужеземцы тоже не обижали священных обезьян. Но вред от хульманов небольшой.

Основное свое пропитание они находят в лесах. Живут стаями по 20—30 обезьян, территория стаи — примерно 8 квадратных километров. Иерархия у них — как у макак и павианов, но с той разницей, что самцы меньше заботятся о малышах, а самка, если у нее родится детеныш, тотчас оказывается в центре внимания всей стаи. Ее окружают старые, высшего ранга самки, они принимают самое деятельное участие в воспитании и охране малыша.

Повзрослев, на четвертом году жизни самцы уходят во «внешний круг», но самочки остаются с матерью, чтобы помогать ей воспитывать маленьких

сестер, братьев и кузенов. Это их главная обязанность в юные годы.

Десятиметровые прыжки хульманов великолепны. По земле, куда они спускаются чаще других лангуров, бегают тоже резво, 35 километров в час!

На юге Индии водится еще один лангур — красномордый, или нильгири-лангур. У него золотисто-рыжая голова и баки. На Цейлоне другой красномордый лангур — белобородый (тоже с рыжеватой головой, но белыми баками и бородой). В Восточной Индии, в Индокитае и в Индонезии обитают хохлатые лангуры, но большинство видов живет в лесах и манграх восточнее ареала хульмана (Индокитай, Южный Китай, Индонезия, но не Сулавеси). Многие из них так же пестро и ярко окрашены, как мартышки: золотистых, красно-рыжих, зеленых, черных тонов, многие с «прическами» — хохлами, баками, зачесами и пр.

Носатых обезьян три рода: китайские (ринопитекус), ментавайские (симиас) и калимантанские (назалис).

Китайских два, возможно, четыре вида. Один из них — золотая носатая обезьяна, или рокселана, с блестящей золотисто-рыжей густой шерстью на брюхе, горле, вокруг «фиолетовой» морды и на внутренних сторонах рук и ног. Сверху она темная, серо-бурая. Уже больше четырех тысяч лет на древних китайских вазах красовались странные хвостатые, с золотыми животами и вздернутыми носами человекоподобные существа. Только в 1871 году, когда первая такая обезьяна попала в руки зоологов, европейцы убедились, что изображения на старых вазах не мифические, а натуралистические.

Живут золотые носатые обезьяны в горных лесах и бамбуковых джунглях. Редко кто видел их на воле. Удивительно, что многие места, где обитают эти обезьяны, зимой заносят глубокие снега. Очень плотная и густая шерсть спасает обезьян от холодов.

Ментавайские носатые обезьяны ныне сохранились только на некоторых островах архипелага Ментавай, к западу от Явы. У них вздернутый, «курносый» носик, как у рокселан, но хвост короткий, тонкий, как у лапундера. Это единственная обезьяна с коротким хвостом среди подсемейства колобовых и, кажется, единственная, которая, кроме листьев и плодов, ловит и ест крабов и других мелких водных животных в лесных болотах, где и живет.

Но вот у кого на носу «сооружение» поистине грандиозное — у калимантанской носатой обезьяны, по-местному «кахау»! Вислый огурец длиной до десяти сантиметров! Это у старых самцов. У молодых и самок носик вздернутый, чуть подлиннее, чем у носатых обезьян. Но у самцов лет примерно с семи нос быстро начинает расти. И чем старше самец, тем длиннее у него нос — висит, закрывая рот, и, чтобы есть, носачу приходится рукой отодвигать в сторону нескладный знак своего мужского достоинства. Чем больше у кахау нос, тем громче звучит его крик «хонк-кихонк», как контрабас! У самок с их

Самец калимантанской носатой обезьяны. Он еще молод. Когда повзрослеет, нос подрастет и будет вислый, как огурец.

короткими носами и звуки получаются негромкие, похожие немного на гусиный гогот. Нос самца — резонатор. Поэтому чем он больше, тем громче крик и тем выше ранг крикуна. Самцы, начиная спор за лидерство или за место на дереве, усаживаются нос к носу и орут. Кто кого перекричит, тот и побе-

дитель. Тогда посрамленный противник вмиг слетает с дерева.

Старые самцы массивны, весят 24 килограмма, самки только 8 килограммов. Любимые места носачей — мангровые деревья, особенно по топким берегам реки Сангей-Рандау. Листья мангров они едят, но особенно любят листья зоннераций, на которых обычно и устраиваются ночевать. Но прежде чем уснуть, все едят и едят, не слезая с «постели», пока могут дотянуться хоть до какого-нибудь листа. Поэтому к утру все голо вокруг ветвей, на которых они спали, и поэтому каждую ночь носачи спят на новом дереве.

Вильям Биб видел носача, который переплывал широкую реку. Когда лодка приблизилась, обезьяна нырнула и, пробыв под водой 28 секунд, поплыла дальше.

«Плавательные перепонки на лапах носачей, видимо, вводят в заблуждение многих исследователей, считающих, что носатые обезьяны — отличные пловцы и плавают ради собственного удовольствия. Это не совсем так. Пловцы они действительно отличные, но в воде лишь спасаются от слепней. Причем, глядя на их физиономии, нельзя заметить и тени удовольствия. Если им все-таки нужно пересечь реку, они стараются по ветвям, нависающим над водой, добраться как можно дальше, пока ветки выдерживают их вес, после чего, преодолев часть пути по воздуху, шлепаются в воду и плывут до другого берега» (Джеймс Керн).

Африканские толстотелы, или колобы, красная и зеленая (тропические леса Западной Африки — от Сенегала до Конго и Анголы и остров Занзибар), внешне, абрисом тела, похожи на мартышек и лангуров. Особенно ничем не примечательны, и о их жизни мало что известно. (Зеленая колоба переносит новорожденного детеныша во рту, что для обезьян совершенно необычно!)

Но гверецы (один или два вида, живущие в лесах Эфиопии, Западной, Центральной и Восточной Африки) выглядят необычно. В общем они черные, хотя раскраска разных подвидов и индивидуальная сильно варьирует, с белым пышным шлейфом волос по бокам тела и на хвосте. У некоторых подвидов белый хвост пышнее, чем у лисы.

Каково назначение этой опушки? Возможно, белый хвост, перекинутый через тело, маскирует обезьяну, когда она спит: так называемый «расчленяющий» метод камуфляжа, нарушающий привычные глазу очертания животного. Возможно также, хвост — хорошо заметный сигнал, необходимый для лучшей ориентировки членов стаи в зеленой гуще листвы. Но скорее всего, главная роль — стабилизация и рулевое управление в двадцатиметровых прыжках с дерева на дерево. Оторочка из длинной белой шерсти по бокам тела тоже парусит и помогает обезьяне в планирующем полете.

Когда зоологи впервые увидели гверец, их пора-

Занзибарская колоба Кирка, островной подвид, животное редкое. На своей родине, на Занзибаре, эти обезьяны, истребляемые людьми, вымирают. Обратите внимание: больших пальцев на руках у колоб нет от рождения.

зило, что больших пальцев на руках у них нет. Вначале решили, что к ним попали обезьяны с отрубленными пальцами, потому и назвали их «колобус», что значит «изуродованный». Но больших пальцев нет у них от рождения. Гверецы, как гиббоны, коаты, орангутан, шимпанзе и гориллы, передвигаются по ветвям «брахиоторным» способом: в основном на руках. У ног лишь вспомогательная роль.

Гверецы — единственные обезьяны, за мехом которых охотились специально и много. Перед первой мировой войной обезьяний мех, именно гверец, вошел в моду. С 1892 года на мировых рынках были

Гвереца. Мех ее когда-то был моден. Сотни тысяч гверец истребили, чтобы одеть модниц.

проданы шкуры 175 тысяч гверец. Наверное, погибло столько же или вдвое больше подранков. Поэтому во многих местах прежнего обитания гверецы теперь истреблены.

У новорожденных гверец шерсть белая. Детеныша мать носит на брюхе, придерживая одной рукой, голова малыша покоится у нее на груди.

У гверец строгой иерархии внутри стай, как у макак и павианов, не наблюдали. Но заметили некое подобие иерархии между ними и другими животными, которые живут рядом. Главенствуют здесь павианы. Потом... птицы-носороги! Затем — гверецы, еще ниже в ранге — мартышки.

Такую «биологическую иерархию», которую в отличие от внутривидовой называют «социальной», наблюдали и среди других животных. Например, в смешанных стаях синиц. Здесь все большие синицы

рангом выше лазоревок, а те — черноголовых гаичек.

Гверецы, подобно маготам, золотым носатым обезьянам и хульманам, легко переносят резкое похолодание: в некоторых горах, где они живут, температура воздуха падает от 40 градусов тепла днем до 3 — ночью.

ГИББОНЫ

Гиббоны — и человекообразные и не совсем человекообразные. Древние гиббоны, которые в середине третичного периода жили также в Африке и Европе, возможно, даже были хвостаты. По-видимому, от них-то и произошли древние обезьяны, которые от мартышкообразного типа совершили эволюционный переход к человекообразным.

Нынешние гиббоны, бесспорно, группа, уклонившаяся с пути, который ведет к человеку. Уклонившаяся в сторону специализации, приспособления к жизни в вершинах леса. Их необыкновенно длинные руки, большие пальцы на которых едва способны противостоять четырем другим, слишком плоские, без всякого свода подошвы ног, малопригодные для длительного передвижения по земле, сравнительно небольшой мозг, круглый, без костных гребней череп, более широкая, чем у других обезьян Старого Света, носовая перегородка, направленные в стороны большие ноздри, слишком длинные клыки, седалищные мозоли (хоть и небольшие) и, наконец, повадка ночевать просто сидя на суках, а не строить «гнезда» — все это отдаляет гиббонов от настоящих человекообразных обезьян. Поэтому современные систематики рассматривают гиббонов как особое семейство, правда, в надсемействе человекообразных, либо как подсемейство в семействе человекообразных.

Есть разногласия и в родовом делении гиббонов: одни систематики полагают, что род один с семью видами, другие выделяют два рода — сиаманги и настоящие гиббоны.

Сиаманги, самые крупные из гиббонов, всегда черные, у них нет черепного гребня, который у настоящих гиббонов иногда бывает, а горловой мешок у самок и самцов сиамангов всегда голый. У настоящих гиббонов, кроме самцов хохлатого, горлового мешка нет.

Сиаманг живет в лесах Малайского полуострова и Суматры, а карликовый сиаманг (вид или подвид — вопрос не решен) на островах Ментавай. Повадками и образом жизни сиаманг похож на других гиббонов, только кричит и «поет» громче, его слышно за три-четыре километра, и умеет плавать. Другие гиббоны, как и человекообразные обезьяны, обычно не плавают. Правда, в зоопарках некоторые молодые шимпанзе и гиббоны любят купаться и умеют немного плавать. Но у старых гиббонов густая шерсть быстро намокает и тянет их на дно.

У настоящих гиббонов окраска очень изменчива, молодые иной масти, чем взрослые, а самки долго сохраняют детский наряд.

А вот и сиаманг с раздутым горловым мешком-резонатором.

Черные гиббоны:

хулок — самцы всегда черные, самки бывают бурые и серые, надбровья белые, мех очень густой и длинный, из-за него не видны седалищные мозоли (Восточная Индия, Бирма, Южный Китай, Индокитай);

хохлатый — самцы обычно черные с белыми бакенбардами, самки бывают бурые, рыже-желтые. На темени хохол, особенно заметный у самцов (Индокитай и остров Хайнань);

лар, или белорукий гиббон, — нередко черный, но бывает и бурый, желто-серый. Руки, ноги и «оторочка» вокруг лица белые (Южная Бирма, Малайя, Суматра).

Нечерные гиббоны:

унгка — темно-бурый, рыжий, светло-желтый, лицо иногда окаймлено белым, как у лара (Малайский полуостров и Суматра);

вау-вау, или серебристый гиббон, — обычно серебристо-серый с черным лицом (Ява и Калимантан).

Хохлатый гиббон. Как у сиаманга и орангутана, у него голый горловой мешок-резонатор — усилитель криков и песнопений, которыми знамениты гиббоны. Живет хохлатый гиббон в континентальной Юго-Восточной Азии и на Тайване.

Прыжками гиббонов можно любоваться долго. Зрелище захватывающее и красивое. Отталкиваясь и хватаясь в конце прыжка только руками, они буквально летают между деревьями. Прыжки то плавны и грациозны, то стремительны. Настолько точны и быстры, что нередко в полете гиббоны рвут плоды с ближайших веток и даже ловят птиц. В вершинах леса это, пожалуй, самые быстрые из обезьян. А на земле, пожалуй, единственные, которые ходят главным образом на задних ногах, приподняв согнутые в кистях руки вверх и балансируя ими. И другие обезьяны могут так ходить, но все-таки больше предпочитают бегать на четвереньках. А гиббоны даже по горизонтальным сукам, на головокружительной высоте, бегают на двух ногах. Порой падают, и, наверное, нередко: одно обследование костей гиббонов показало, что у 70 гиббонов из 100 (в другом случае у 33) были сросшиеся переломы рук и ног.

В руках у гиббона сила удивительная! Уцепившись одной рукой за решетку, второй он может по гладкому полу подтащить к себе взрослого человека! А ведь весу в гиббоне всего пять-восемь килограммов, только сиаманг вдвое-втрое тяжелее.

Пьет гиббон, повиснув на ветке над водой и окуная руку в воду, а затем облизывая ее. Реже пьют они прямо ртом, но не с берега, а опять-таки с ветки.

Живут семьями: один взрослый самец, одна, реже две, взрослые самки и их дети. Вполне взрослых самцов и самок из семьи изгоняют. Но бывает, что мать и молодая ее дочь, которая тоже стала матерью, долго не расстаются. Тогда одной семьей живут и 8 и даже 14 гиббонов. На местах, особенно богатых плодами деревьев, иногда встречаются и мирно кормятся разные семьи. Но обычно территория семьи (от 12 до 40 гектаров) строго охраняется. Драки случаются редко, зато криков, возмущенных и злых, много.

Лишь только первые лучи со́лнца коснутся вершин леса, гиббоны начинают свои песнопения.

«Все гиббоны от мала до велика, от писклявых детских взвизгиваний и до низких голосов самцов, пели одну и ту же песню. Это была настоящая мелодия, начинавшаяся с ноты ми и возраставшая на полноту октавы, после чего голоса гибко выводили трели. Звуки постепенно снижались, каждый раз на четверть тона...

Гиббоны... способны петь чистыми тонами, они единственные по-настоящему поющие звери» (С. Керригер).

И на воле и в неволе молодые гиббоны любят много и весело играть. В некоторых зоопарках они

жили по 30 лет. Холода переносят легко, даже при морозе в 15 градусов часами резвятся под открытым небом: хорошо согревает густая шерсть. Гиббоны (и некоторые молодые лангуры) нередко играют в «кошки-мышки»: бродят по клетке с закрытыми глазами, ловят удирающих товарищей и лишь тогда откроют глаза, когда кого-нибудь поймают. Легко заводят дружбу с другими зверями.

ЧЕЛОВЕКООБРАЗНЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ

Человекообразные обезьяны (орангутан, шимпанзе и горилла) — кровные наши родственники в буквальном смысле слова. Еще недавно кровь этих обезьян не умели отличить от человеческой. Здесь те же группы крови, почти те же белки плазмы. Орангутан несколько раньше уклонился в своем развитии от наших общих с человекообразными обезьянами предков. В последнее время установили, что ближе всего нам по крови гориллы и шимпанзе, а из них — карликовый шимпанзе, или бонобо. Его кровь можно переливать человеку (с соответствующей группой) без всякой предварительной обработки. Кровь других шимпанзе и гориллы — только после удаления некоторых антител.

Британский исследователь Артур Кейт, выбрав для сравнения 1065 разных анатомических признаков, подсчитал, что общих с человеком их больше всего у гориллы — 385, у шимпанзе — 369, у орангутана — 359, у гиббонов — 117, у других обезьян в среднем — 113. Чисто человеческих — 312.

Все человекообразные обезьяны (и гиббоны тоже) бесхвосты, как и человек. Мозг большой и развитый, но в среднем вдвое менее объемистый, чем у человека: 685 кубических сантиметров (у человека — 1200—1500). Но у наших недавних предков мозг был меньше: 450—900 «кубиков».

Бесспорно, человекообразные обезьяны самые умные из животных. Они легко дрессируются, и обучить их можно очень многому. Отпирать и запирать двери ключом, складывать пирамидой ящики, чтобы достать лакомые фрукты под потолком, работать рубанком и пилой, рисовать карандашом и красками, приносить предметы, названные человеком, различать монеты разного достоинства и опускать их в автомат, чтобы получить нужное: скажем, за одну монету автомат выдает банан, за другую — виноград. И обезьяны не путают жетоны и деньги, когда хотят получить желаемое лакомство. Даже управлять трактором их можно научить!

Некоторые слова шимпанзе произносят отчетливо и со смыслом. Но не все звуки человеческой речи даются им легко. Возможно, трудность в обучении обезьян человеческой речи в том, что мы говорим

Наш новый родственник бонобо. Из всех человекообразных обезьян, по-видимому, ближе всех по крови (и буквально и в переносном смысле!) к человеку. Карликовая разновидность шимпанзе, которую исследователи считают особым видом, а некоторые и даже новым родом человекообразных обезьян.

выдыхая, а обезьяны норовят произносить слова при вдохе, как разные «уханья» и другие звуки собственного «языка».

«Орангутан» — малайское слово... Его принято писать через черточку, оно составлено из двух малайских слов: оранг — что означает «человек» и утан — «лесной». Широко распространенное неверное написание «органгутанг» отдает не столько невежеством, сколько невежливостью, ведь это слово означает по-малайски «должник». Но даже самый бессовестный бухгалтер от современной биологии не смог бы доказать, что орангутаны перед кем-то в долгу (Барбара Харриссон).

Орангутаны живут только в тропических лесах Калимантана и Суматры. Как полагают супруги Харриссон, немногие из тех (если не единственные!), кто изучал жизнь орангутанов на воле, в 1961 году на

«Лесной человек» — орангутан. Он не молод, но еще и не стар. Усы и борода почти человеческие, но «бакенбарды» не так велики, как у стариков орангутанов.

Калимантане и Суматре осталось лишь около пяти тысяч этих обезьян. Теперь, пожалуй, вдвое меньше. В Сараваке, например (в британских владениях на севере Калимантана), на 8 тысячах квадратных километров

живет меньше тысячи орангутанов. Зоопарки платят большие деньги за орангутанов. Несмотря на запрет властей на бесконтрольный лов и вывоз этих обезьян, торговля идет в основном через контрабандистов. Ловят молодых орангутанов, но, чтобы поймать их, надо убить мать.

Если не будут приняты срочные меры, вольные орангутаны, так толком и не исследованные, не доживут до конца нашего века.

Что мы знаем о них?

Рыжая или бурая обезьяна. Шерсть длинная, на плечах до полуметра. У старых самцов почти человеческого образца борода и усы, а также «бакенбарды», но не из волос, а кожные (укрепленные изнутри соединительной тканью полукруглые валики на щеках: до 10 сантиметров шириной и до 20 длиной). Горловой мешок, усиливающий крик резонатор, особенно велик у самцов и вмещает несколько литров воздуха. Руки длинные, способны обхватить пространство в два метра с четвертью. Ноги относительно короче, чем у других человекообразных обезьян. Вес самок около 40 килограммов, самцов — до 100. Но в неволе некоторые орангутаны сильно жиреют, грузны и тяжелы от неподвижности. Такие весят 150 килограммов, рекорд — 188!

Живут в вершинах леса, почти не спускаясь на землю. Передвигаются по ветвям силой мощных рук. Едят плоды, листья, мелких птиц, их яйца, улиток. Пьют, обсасывая мох, орхидеи или свою руку, предварительно опущенную в воду, либо сосут смешанные с нектаром дождевые капли, наполнившие большие чашевидные цветы. Днем бродят семьями, в одиночку или в компаниях молодых сверстников. Ночуют на деревьях, соорудив из веток платформу-постель. Если ночь дождливая, укрывают себя большими листьями.

Не видели, чтобы самцы дрались из-за самок. Но боевые шрамы от укусов, замеченные у многих орангутанов, говорят о том, что драки бывают.

Самец начинает свои ухаживания с пения серенады: сначала негромкий вибрирующий рев, затем усиленный на полную мощь горловым резонатором крик. Заканчивает «песню» басистое ворчание.

После восьми-девятимесячной беременности самка рождает совершенно беспомощного детеныша, весом около полутора килограммов. Он сейчас же всеми четырьмя лапами цепляется за шерсть на ее груди. Она кормит его сначала молоком из сосков, которые у нее почти под мышками. Потом основательно пережеванной зеленью: оттопырив губы, из своего рта отдает пюре в его рот. Прохладными ночами она согревает свое дитя, в жаркие дни чистит и причесывает его, даже купает под теплым дождиком!

Она учит его многому. Прежде всего лазить по

деревьям. В зоопарках видели, что уже на десятый день после рождения мать стала приучать своего ребеночка цепляться ручонками не только за ее шерсть, с которой он ни за что не хотел расставаться. Она отрывала от себя его руки и ноги и пыталась заставить схватить прутья решетки. Но и в три месяца он не умел делать это как следует. Тогда она изменила метод обучения: положила дитя на пол клетки, а сама забралась повыше. Он раскричался, однако попытался кое-как ползти. Тогда она спустилась, подала ему палец, в который он тут же вцепился. Так, на пальце, протащила его немного по полу клетки.

Обучают и так: оторвав от себя, держат детеныша в одной руке и лезут на дерево. Малыш, пытаясь обрести более устойчивое положение, волей-неволей вынужден хвататься за все, что под рукой, за ветки в первую очередь.

Не все матери заботливо и умело ухаживают за детьми. Некоторые, особенно молодые, не знают, что с ними делать, потерянно таскают по клетке из угла в угол, даже, похоже, боятся их, как чего-то непонятно откуда взявшегося и чужого. Одна такая неопытная в делах материнства орангутаниха испуганно вздрагивала, когда детеныш цеплялся за ее шерсть, и пыталась разжать его пальчики. Решив наконец от него избавиться, она протянула дитя отцу-орангутану, но тот, тоже молодой, с криком отпрянул, бросился на решетку, пытаясь бежать из клетки.

В стае на воле и в зоопарке, если есть рядом другие кормящие опытные матери, отвергнутый детеныш не пропадет: его усыновит другая самка. Но если ее не будет, дитя нерадивой матери погибнет.

Но порой, наблюдая за обезьянами, видели просто чудеса материнства!

В американском институте по изучению человекообразных обезьян однажды засняли на пленку поразительный эпизод. Новорожденный детеныш шимпанзе не дышал. Тогда мать положила его на землю, раскрыла ему губы и вытянула пальцами язык. Потом прижалась ртом к его рту и стала вдыхать в него воздух. Вдыхала долго, и детеныш ожил!

У человекообразных обезьян этот метод искусственного дыхания, который нередко применяют и врачи, по-видимому, давно в обиходе. Несколько лет назад в Дрезденском зоопарке самец-орангутан таким же способом спас жизнь своему новорожденному сынишке. Акушерству обезьяны, конечно, нигде не учились и поступали так скорее всего безотчетно, инстинктивно, а не сознательно. Ведь они не понимают, что дышат воздухом и что воздух насыщает кровь кислородом именно в легких. Этого еще совсем недавно и люди не знали.

Старый орангутан по кличке «Мариус» в Мюнхенском зоопарке завел особый порядок соблюдения чистоты в клетке. Стальной солдатский шлем использовал с целями весьма мирными и бытовыми — как ночной горшок. Усевшись на шлем и сделав свои дела, осторожно нес к решетке и выливал содержимое через прутья в водосток! Мариус вообще был очень чистоплотен: если, обедая, насорит в клетке, сейчас все выметет прочь под решетку в тот же водосток. Служителям почти не приходилось за ним убирать.

Растут молодые орангутаны медленно. До четырех лет они еще живут с матерью, потом — самостоятельно, обычно в небольшой компании с одногодками, где тоже учатся друг от друга многому. Некоторые исследователи полагают, что обучение, жизненный опыт значат в их жизни больше, чем врожденные инстинкты.

Вполне взрослыми орангутаны становятся только к десяти годам, а живут на воле лет до тридцати. Поэтому, полагают Барбара и Том Харриссоны, только четырех или пятерых детенышей рождает орангутаниха за всю жизнь. А так как почти половина из них погибает еще в молодости или детстве, то в среднем потомство каждой самки, доживающее до зрелого возраста, — всего лишь два-три орангутана.

Орангутан — единственная азиатская человекообразная обезьяна. Все другие — африканские. Сколько их — два, три, четыре вида? Вопрос этот не решен окончательно. Считалось, что горилл два вида, с карликовой гориллой — даже три. Сейчас полагают, что вид скорее всего один, но подвида два — береговая и горная гориллы. Шимпанзе — один вид с несколькими подвидами. Но в последнее время многие специалисты выделяют карликового шимпанзе в отдельный вид, а некоторые — даже в особый род бонобо.

Большие шимпанзе, не карликовые, в числе трех-четырех подвидов обитают севернее реки Конго. Но тоже в основном в зоне тропических лесов — от Гвинеи и Камеруна до Конго и Уганды на востоке. Окраска и внешность шимпанзе даже одной и той же популяции очень изменчивы. Рядом живут и бурые и черные, и очень крупные и помельче, бородатые и безбородые, с «бакенбардами» и без них. В последние годы исследователи, наблюдая за шимпанзе в природе, пришли к выводу, что прежнее представление, будто эти обезьяны почти исключительно древесные, неверно. Много времени проводят шимпанзе и на земле. Некоторые их стаи, поселившиеся на окраинах леса, обычно лишь спят на деревьях.

Заметили также, что в зависимости от местожительства повадки и способности владеть орудиями (палками и камнями) у шимпанзе неодинаковые.

Доктор Адриан Кортландт из Амстердамского университета со своими сотрудниками много раз и в разных местах проделал интересные опыты. Чучело леопарда с особым электрическим устройством, которое заставляло «зверя» вертеть головой и хвостом, выносили в лес и в саванны, чтобы посмотреть, как

С таким вооружением в пасти и палка не нужна! Однако шимпанзе умеют и палками дубасить леопардов.

будут реагировать на него шимпанзе. В некоторых опытах в лапах леопарда лежала кукла — подделка под детеныша шимпанзе,— и тогда обезьяны вели себя особенно смело и агрессивно.

Лесные шимпанзе с воплями, уханьем наступали на «леопарда». Трясли деревья, ломали сучья, вырывали с корнем небольшие стволы и, размахивая

ими как дубинами, всеми способами пытались напугать зверя. Окружили чучело полукругом. Некоторые залезли на деревья, чтобы лучше видеть. Казалось, «леопард» представлял для них большую проблему. Человек, решая сложную задачу, в задумчивости почесывает голову: так и обезьянами овладел внезапный зуд. Они энергично стали чесаться, но скребли не голову, а все тело. Беспокоила их, наверное, судьба детенышей. Самых маленьких шимпанзе, нападая, несли на груди или спине. Молодежь постарше держалась сзади. Матери то возвращались к ним и брали на руки, то, оставив, вновь шли в атаку.

Между приступами агрессии, когда обезьяны дружно штурмовали врага, были паузы относительного покоя и отдыха. Тогда они сидели, безмятежно посматривая на вертящее головой чучело, и ели бананы. Через полчаса после первой атаки пришло время заката, и шимпанзе удалились в кусты, оставив на поле сражения «двенадцать сломанных и вырванных деревьев папайи».

Годом позже там же зоологи наблюдали такую интересную сцену. «Леопард» с куклой в лапах заранее был выставлен на тропе шимпанзе. Когда обезьяны его увидели, они дружно ринулись в нападение. Прежняя сцена повторилась с той только разницей, что одна старая самка подошла совсем близко к «зверю» и обнюхала с достаточно безопасной дистанции куклу, потом вернулась к другим обезьянам, которые ждали в стороне, и несколько раз «отрицательно» покачала головой, словно говоря: «Детеныш не наш», или, возможно: «Он уже мертв». И все шимпанзе молча удалились.

Ни в одном из подобных опытов с лесными шимпанзе Конго и Гвинеи «леопард» не был как следует побит палками. Это был не настоящий бой, а только демонстрация устрашения.

Иное дело шимпанзе саванны. Эти ополчались на «леопарда» всерьез, дубины вырывали здоровенные, длиной до двух метров и больше. Подходили в упор (даже самки с детенышами на спинах!) и били с размаху с такой силой, что вполне могли переломить хребет живому леопарду. Скорость ударяющей дубины, как показал расчет на кинопленке, 90 километров в час!

Наконец вожак схватил избитого «зверя» за хвост, рванул к себе и оторвал туловище от головы. Все — враг мертв! И обезьяны уже без страха подошли к «дохлому леопарду», и даже детеныши потрогали его.

Лесные шимпанзе, по наблюдениям Кортландта, мясного не едят — только фрукты, листья, цветы,

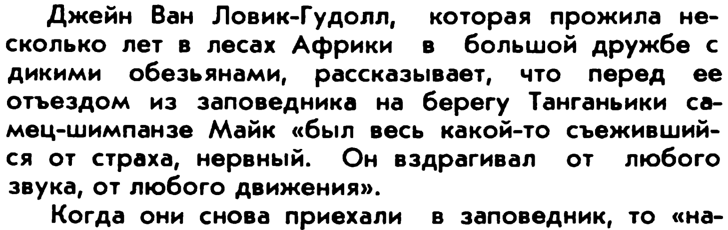
почки, насекомых, улиток. Мертвые обезьянки и карликовые антилопы не возбуждали у них никаких признаков аппетита, только отвращение и даже страх. Птичьи яйца едят немногие. Но шимпанзе саванн, как Танзании, так и Гвинеи, — большие любители яиц. Вкус к мясу и хищнические наклонности замечали у них многие исследователи. Ловят шимпанзе дуккеров и мелких свиней и, убив, едят. Один молодой шимпанзе ухитрился схватить красную колобу. Шесть взрослых тут же присоединились к его «каннибальской» трапезе и съели своего собрата.

Термитов добывают так: прочный стебелек или ветку, предварительно очищенную от листьев, суют в отверстия в термитнике. Когда солдаты-термиты вцепятся в ветку, шимпанзе быстро выдергивает ее и слизывает термитов. Если конец «удилища» согнется и в дыру не лезет, прутик обламывают и снова суют в термитник (еще и полижут, чтобы насекомые лучше прилипали!). Иногда такие заранее заготовленные ветки за версту несут к ближайшему термитнику.

Так же, соломинками и веточками, добывают мед из пчелиных гнезд, а в зоопарках ловят, высунув свое орудие из-за прутьев, проползающих за решеткой муравьев. Умеют приманивать цыплят или воробьев поближе к клетке, рассыпая зерна или крошки хлеба. Птицы, не подозревая засады, их клюют, а обезьяны, изловчившись, хватают свою добычу. Так же, впрочем, подманивают птиц орангутаны и даже малайские медведи.

Шесть-восемь часов в сутки уходит у шимпанзе на поиски пропитания. Поскольку в основном это сочные фрукты, пьют они мало. Лишь однажды, рассказывает Рейнольдс, он видел, как пил шимпанзе. Нашел дупло, полное воды, окунул в него руку и, запрокинув голову, глотал капли, стекавшие с ладони. На ночь шимпанзе строят гнезда на деревьях, реже на земле. В гнездах у них всегда чисто: не то что у горилл, которые нередко спят на собственном помете. Сильному уступают и дорогу в лесу при случайной встрече, и лучшие куски при дележе добычи. Высшим в ранге самцам, по-видимому, принадлежит привилегия громко барабанить по стволам деревьев. Чем громче удары, тем сильнее барабанщик и тем меньше желающих приблизиться к его резиденции и рвать плоды на выбранных им деревьях.

Но не только физическая сила определяет положение шимпанзе в иерархии окружающих его собратьев. Иногда безудержная агрессивность или какая-нибудь случайно изобретенная «хитрость» побеждают силу.

Джейн Ван Ловик-Гудолл, которая прожила несколько лет в лесах Африки в большой дружбе с дикими обезьянами, рассказывает, что перед ее отъездом из заповедника на берегу Танганьики самец-шимпанзе Майк «был весь какой-то съежившийся от страха, нервный. Он вздрагивал от любого звука, от любого движения».

Когда они снова приехали в заповедник, то «нашли Майка совершенно другим. Он внушал страх всем шимпанзе». Причина его неожиданного возвышения заключалась в... пустых бидонах из-под керосина, которые экспедиция оставила в лагере. Майк научился извлекать из них оглушительный грохот.

Он «мог устраивать представление сразу с тремя бидонами, кидая их один за другим. Шимпанзе не любят громких звуков — исключение делается для их собственных воплей. Поэтому Майк просто-напросто запугал всех сородичей своим необыкновенным развлечением».

Джейн Ван Ловик-Гудолл наблюдала удивительные сцены.

«Шимпанзе, как и люди, обычно приветствуют друг друга после разлуки. Некоторые их приветствия до изумления сходны с нашими. Когда приближается великий Майк, все спешат ему навстречу, чтобы отдать дань уважения, кланяясь или протягивая руки. Майк или небрежно прикасается к ним, или просто сидит и таращит глаза. Приветственный «поцелуй» мы впервые увидели, когда Фиган еще подростком возвратился к матери после дневной отлучки. Он подошел к Фло с обычной для него самоуверенностью и прикоснулся губами к ее лицу. Как это походило на тот небрежный поцелуй в щеку, которым часто одаривают матерей повзрослевшие сыновья!

Пожалуй, самое эффектное из приветствий — это объятия двух шимпанзе. Гуго и я наблюдали однажды классическую встречу, продемонстрированную Давидом и Голиафом.

Голиаф сидел, когда появился Давид. Он устало брел по тропе. Увидев друг друга, приятели побежали навстречу один к другому. Они постояли лицом к лицу, слегка переминаясь с ноги на ногу, а затем обнялись, тихонько вскрикивая от удовольствия. Это было восхитительное зрелище!»

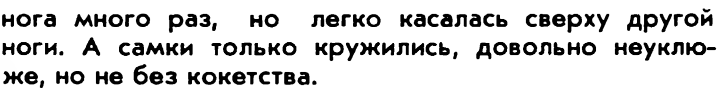

Дважды Джейн Гудолл видела так называемый «танец дождя», который полчаса под проливным дождем в бешеном темпе, срывая суки и размахивая ими, взбираясь на деревья и прыгая вниз, исполняли самцы-шимпанзе. А самки и молодежь сидели вокруг и смотрели, не отрываясь, на это представление.

Странные, почти человеческие по манере танцы шимпанзе видел и описал доктор Инго Крумбигель. Этими танцами прославилась одна группа обезьян на научной станции в Тенерифе. Когда их привезли в Европу, они некоторое время танцевали и там. Самцы становились в круг и, ударяя в ладоши, более или менее ритмично топали ногами. При этом одна

нога много раз, но легко касалась сверху другой ноги. А самки только кружились, довольно неуклюже, но не без кокетства.

Похоже, говорит Крумбигель, танцуют иногда и гориллы. Но чаще развлекают они себя ритуалом «биения в грудь». Георг Шаллер, который 20 месяцев жил бок о бок с дикими гориллами в лесах Африки и 314 раз встречался с ними лицом к лицу, заметил в их танце девять разных «па», которые исполняются по отдельности или в различных комбинациях.

И молодые гориллы, прожив на свете лишь три-четыре месяца, уже пробуют по частям изучить этот ритуал, но привилегия на его полное исполнение принадлежит старым, матерым самцам с седыми спинами. Представление разыгрывается обычно при встрече с другим самцом или с человеком и начинается отрывистыми криками. Потом танцор срывает с дерева ветку, сжимает ее между губами, встает на ноги, в исступлении рвет листья и бросает их вокруг. И вот кульминация «танца»: горилла, сгибая руки в локтях, попеременно то одной рукой, то другой бьет себя ладонями в грудь. Одна нога обычно приподнята, а ярость, может быть, и театральная, этого страшного на вид, черного, лохматого, огромного зверя, кажется, не знает предела. Затем горилла быстро отскакивает в сторону, на бегу рвет листья, ломает сучья. И в финале колотит ладонями по земле.

Думают, что это «танец» угрозы, но впечатляющие сцены «биения в грудь» разыгрываются в диких лесах и в мирное время, когда врагов и близко нет. Может быть, это репетиция? Или просто развлечение? Когда горилл узнают получше, тогда и вопрос этот решится. Пока можно только гадать.

Обычно гориллы угрожают пристальным взглядом, сурово сдвинув брови и сжав губы. Если вы его выдержали и глаз не отвели, значит приняли вызов. И тогда — о ужас! — горилла бросается на вас. Черная, взъерошенная, страшная, как дьявол, быстрая, как ветер, и сильная, как лев! Бежит, ломая сучья, и вдруг... не добежав трех метров, останавливается, в бешенстве колотя себя в грудь. Либо, пыхтя и сопя, горилла проносится мимо. Ведь это только угроза, а не нападение, которого обычно не бывает. Храбрые охотники на горилл, цепенея от страха, не выдерживали демонстрации силы лохматого гиганта и метко стреляли в «нападающую» гориллу. А потом в выражениях, леденящих кровь, расписывали пережитые «опасности».

Но гориллы, которых гнев их вожака совсем не развлекает, не подвергают свои нервы таким испы-

таниям. Они под пристальным взглядом высшего в ранге покорно отводят в сторону глаза. И даже голову поворачивают вбок, чтобы уж никаких сомнений не было, что ему в глаза они не смотрят, драться не хотят и подчиняются. Если этого мало, кивают головой. Кивок вообще дружелюбное приветствие у горилл.

Когда горилла низкого ранга хочет выразить «высокопоставленной» горилле полную свою подчиненность, она падает перед ней на живот и лежит на земле, поджав под живот руки и ноги, а совсем юные гориллы одной рукой прикрывают еще и затылок. Такая сверхпокорность сразу ликвидирует ярость вожака, и он великодушно прощает провинившемуся его слабости.

Если поза покорности выражена недостаточно ясно или когда более слабый противник долго не отводит взгляда и терпение старого самца иссякает, он бросается на наглеца. Бежит за ним (галопом!) и кусает за ноги, руки, спину — за места наименее уязвимые. Укусы никогда не бывают смертельными и даже серьезными.

Живут гориллы семейными группами — в каждой от пяти до двадцати разновозрастных животных. Если в такой группе несколько взрослых самцов, то в высшем ранге те из них, у которых спина уже серебрится «сединой». Это не настоящая седина, а особый возрастной «знак», который появляется у самцов горилл после десяти лет жизни, а живут они, во всяком случае в зоопарках, до 35 лет. Второй ранг занимают самки и в первую очередь те, у которых есть дети, и чем меньше детеныш, тем выше в ранге самка. «Подростки»-самцы — на третьем месте, после самок, а в самом низу иерархии юные гориллы обоих полов, которые уже не живут с матерью, но еще и полувзрослыми не стали.

Георг Шаллер наблюдал, например, сцену, которая хорошо иллюстрирует порядок соподчинения в семьях горилл.

Шел дождь, и один молодой самец, выбрав сухое место под деревом, уселся там, прижавшись к стволу. Как только к нему подошла самка, он тотчас встал, уступил ей место и ушел под дождь. Едва горилла-мадам устроилась на сухом месте, как явился самец с серебристой спиной и уселся с ней рядом. Потом лениво, не грубо, но настойчиво стал толкать ее рукой и вытолкнул из укрытия, заняв все сухое место.

А дождь гориллы не любят. Сидят, выбрав место посуше, сгорбившись, опустив головы и скрестив руки на груди, ладонями прикрывая плечи. Матери прячут детей под грудью. Апатичны и ни на что не реагируют. Георг Шаллер однажды прошел прямо через

группу скорчившихся под дождем горилл, и те не обратили на него внимания.

Но солнцу очень рады. Часами лежат на солнцепеке, греются самозабвенно, как курортники на пляжах, так что даже пот выступает на мордах. И всегда, отдыхая днем, выбирают местечко солнечное, если только оно есть в гуще дикого леса. Сумрачных, высокоствольных лесов избегают, предпочитают бродить в долинах, вдоль рек, у дорог, вокруг деревень.

Где живут гориллы и много ли их осталось?

Подсчитать трудно, но полагают, что не меньше 5 и не больше 15 тысяч. Береговая горилла живет в тропических лесах Западной Африки: Камеруна, Габона, Конго (Браззавиль) — в общем, в междуречье Нигера и Конго. Хотя и называется этот подвид береговым, однако обычно ближе 50 километров от побережья гориллы не селятся. А в глубь континента ареал их простирается местами на 500 километров. Второй подвид — горная горилла обитает в тысяче миль восточнее: в Западной Уганде и пограничных с ней районах Конго, тоже в тропических лесах, на высоте двух-трех тысяч метров (в районе гор Микено и Кариссимби, Високе — около озер Киву, Эдуарда и северо-западного берега Танганьики). Но больше всего «горных» горилл в низинном тропическом лесу, западнее упомянутых гор и озер.

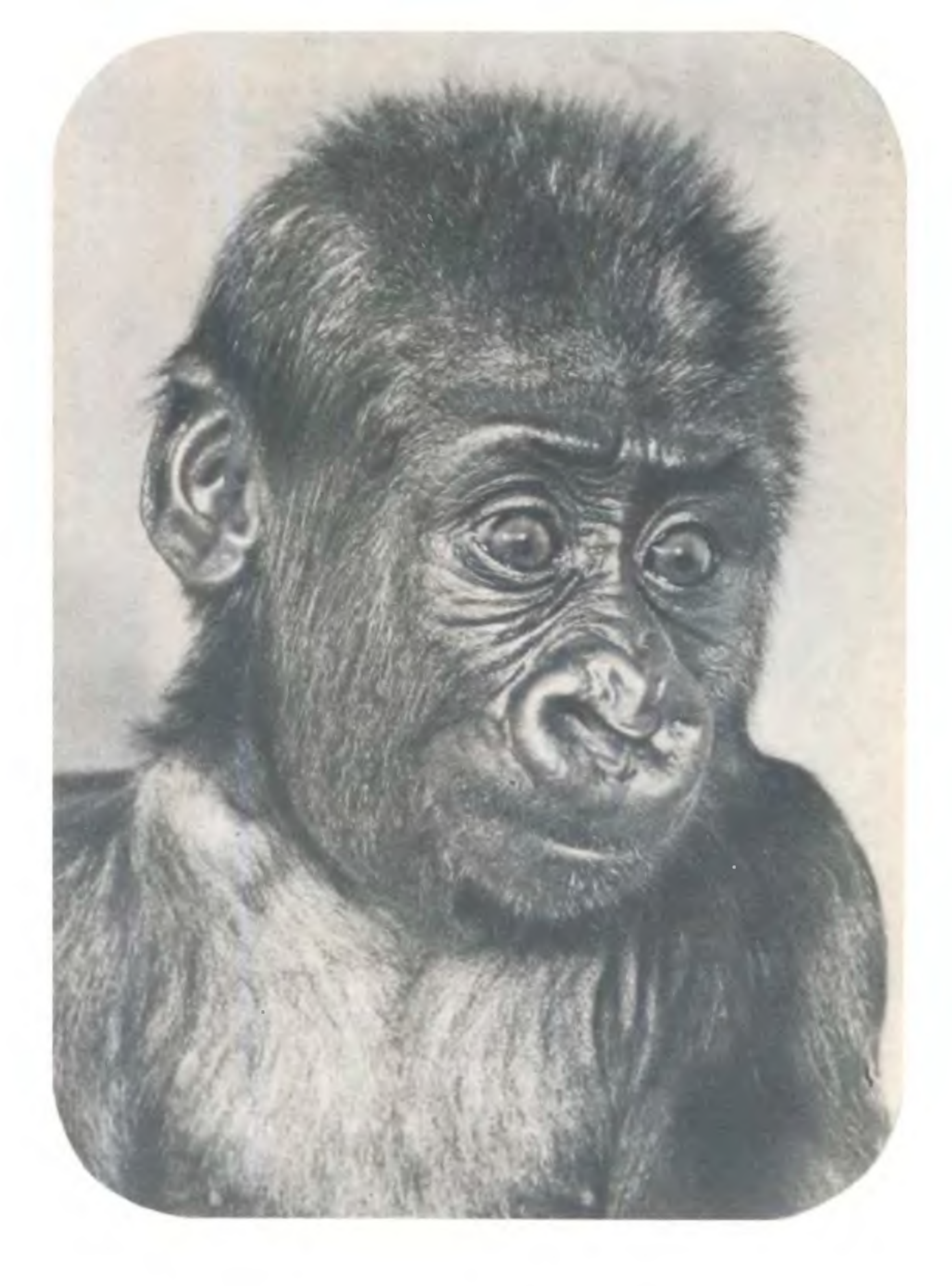
Жизнь горилл покойная, мирная, вегетарианская: сон да ленивые поиски всякой съедобной зелени. Гориллы, как однажды довольно удачно определил их Петр Петрович Смолин, это «коровы» среди приматов.

Едят они только зелень, в основном листья и молодые побеги (а не плоды, как шимпанзе). Почти всякое растение, которое попадается им на пути, если оно сочное и свежее, гориллы попробуют. Более ста видов растений насчитал Георг Шаллер в их меню. Но ни разу не видел, чтобы гориллы ели насекомых и вообще любых других животных. Не видел, чтобы они когда-нибудь пили воду: соков растений вполне хватает для утоления жажды. И в воду, даже в небольшой бочажок или неглубокий ручей, никогда не заходят: либо перепрыгнут, либо, повалив дерево, как по мосту, переходят по нему.

После восхода солнца, проспав тринадцать часов, пробуждаются и часа два едят свою зелень. Часов в девять-десять завтрак кончается и начинается полуденный сон и отдых. Группа располагается в непринужденных позах: кто лежит на спине, кто на животе, на боку, иные сидят, прислонившись спиной к дереву, или лежат на суках. Некоторые и для дневного сна строят гнезда, сгибая ветви кустов или деревьев снаружи внутрь, получается пружинистая постель. Но днем такое строительство редкость.

Не все дремлют или спят: иные чистят и вылизы-

Молодая горилла — «лесное чудовище». Молва несправедливо оклеветала это миролюбивое создание.

вают своих детей, лениво жуют листья. Обычное у других обезьян взаимное расчесывание шерсти у горилл не очень-то принято. Пока взрослые часа три сибаритствуют, переваривая в полуденной сиесте свой малокалорийный завтрак, молодежь играет и резвится вокруг. Игры у них, — как и у наших детей: догонялки, катание с «горок» — стволов деревьев, борьба за пригорок или куст и «поезд»: положив руки друг другу на плечи, малыши бегают цепочкой.

Потом вожак, главный «папа», встает, и все идут кормиться. Бредут не спеша по лесу — три-пять километров в час, едят, дремлют, греясь на солнце, опять едят. За день проходят то метров сто, то пять километров, как душе угодно или смотря по тому, насколько местность удовлетворяет их аппетиты. У каждой семейной группы владения от 25 до 40 квадратных километров. Но границы их часто нарушаются соседними семьями. Если встретятся, расходятся без драк. Правда, самцы-предводители обязательно разыгрывают друг перед другом уже известные нам пантомимы с бросанием ветвей и биением в грудь. Иногда сходятся и смотрят с угрозой в глаза друг другу. Потом опять поедят, посидят и снова, угрожающе скрестив взгляды, сойдутся в бескровном поединке. Кто первым не выдержит войны нервов, тот обычно и удаляется, а семья следует за ним.

С наступлением сумерек (в тропиках это случается сразу после захода солнца, обычно часов в шесть или в пять, если небо облачное) все гориллы собираются вокруг вожака, и он начинает сминать и сгибать в один центр ветки какого-нибудь куста. Тут все, словно подана команда, которой нельзя не подчиниться, строят гнезда для ночлега. Самцы обычно на земле, реже на дереве, самки и молодежь — на деревьях. И спят до рассвета.

С детьми гориллы нежны, заботливы и многотерпимы. Даже украшенные «сединами» самцы самого высокого ранга разрешают им прыгать и лазить по себе и вокруг. Если неопытная мать боится своего первенца, что у горилл тоже бывает, другая, старая самка обязательно его усыновит: кормит и заботится о нем, как о своем собственном.

Беременность у горилл восемь месяцев. Двойни очень редки. Новорожденный весит два килограмма с небольшим. Развивается он примерно вдвое быстрее человеческого младенца. В два с половиной месяца уже ест растения. В шесть — лазает по веткам, в год — весит 16 килограммов. Самки половозрелы в шесть-семь лет, самцы — в девять-десять. Годам к двадцати-тридцати весят первые килограммов 100—140, вторые 200—275, а в зоопарках, разжирев от неподвижности, так даже и 350! Росту в такой горилле, когда она стоит, метр и три четверти, а если измерить ее от темени до пят, разогнув в коленях ноги, то и два метра тридцать сантиметров.

Никто не видел, чтобы дикие гориллы, как шимпанзе, с какой-либо особой целью — в драке или добывая пищу — брали в руки палки, камни или другие предметы. В неволе они этому легко обучаются! Не видели и драк из-за самок. Вообще гориллы почти никогда не дерутся ни между собой, ни с другими животными. Шимпанзе, например, спокойно вторгаются в их владения, не вызывая ни гнева горилл, ни протестов. Со всяким зверем и птицей гориллы живут в мире. Только леопарды иногда нарушают ночами их покой, нападая на малых и слабых.

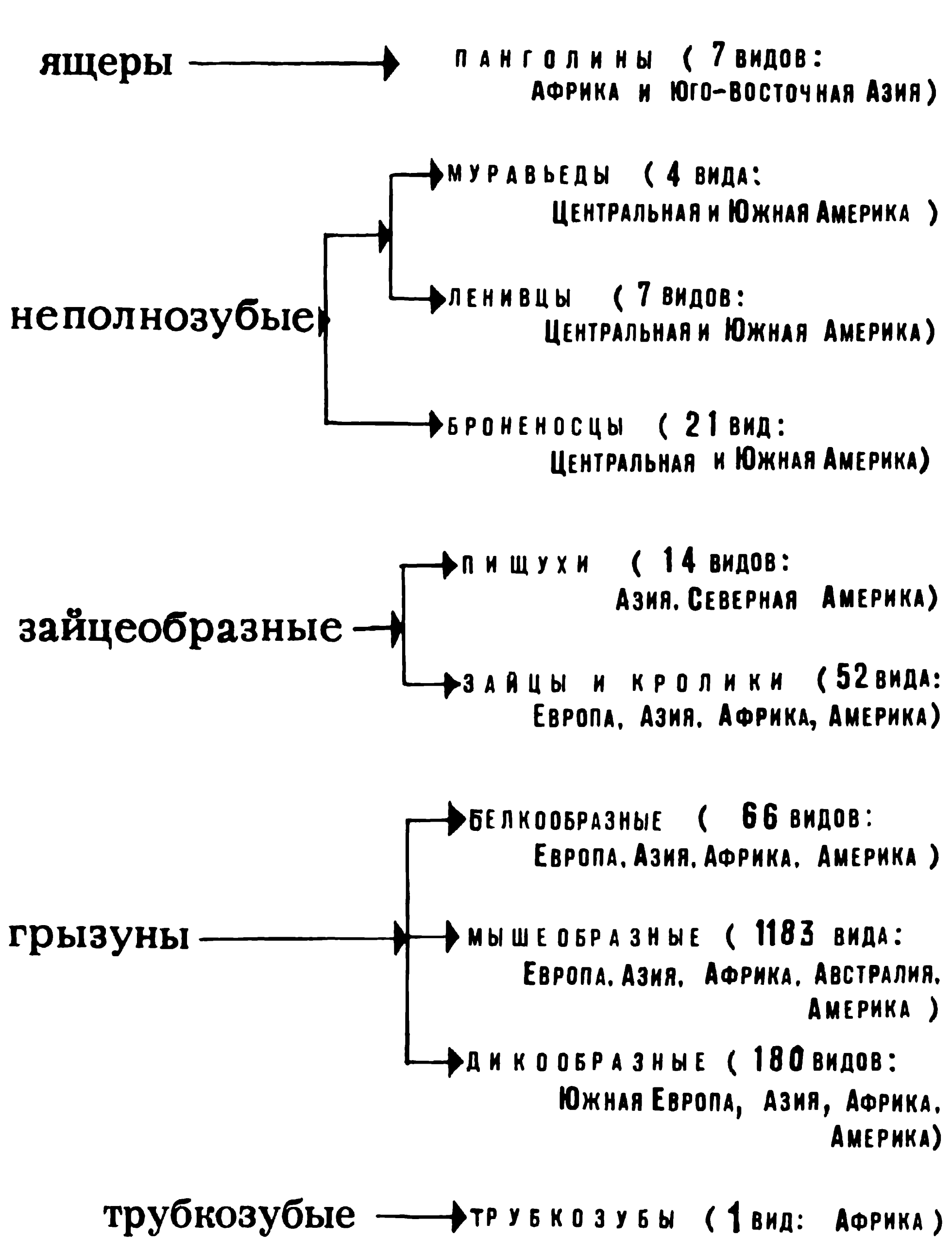
Даже людей гориллы никогда сами не трогают. Хотя местами они ночуют буквально в 30—70 метрах от человеческих поселений, пострадавших от горилл очень мало. Обычно это неопасные укусы в ноги, руки, ягодицы, нанесенные тем людям, которые ранили гориллу, а потом пытались убежать. В Камеруне считают за стыд признаться, что кого-то укусила горилла, потому что здесь все знают: эти обезьяны кусают только тех, кто, испугавшись, удирает.

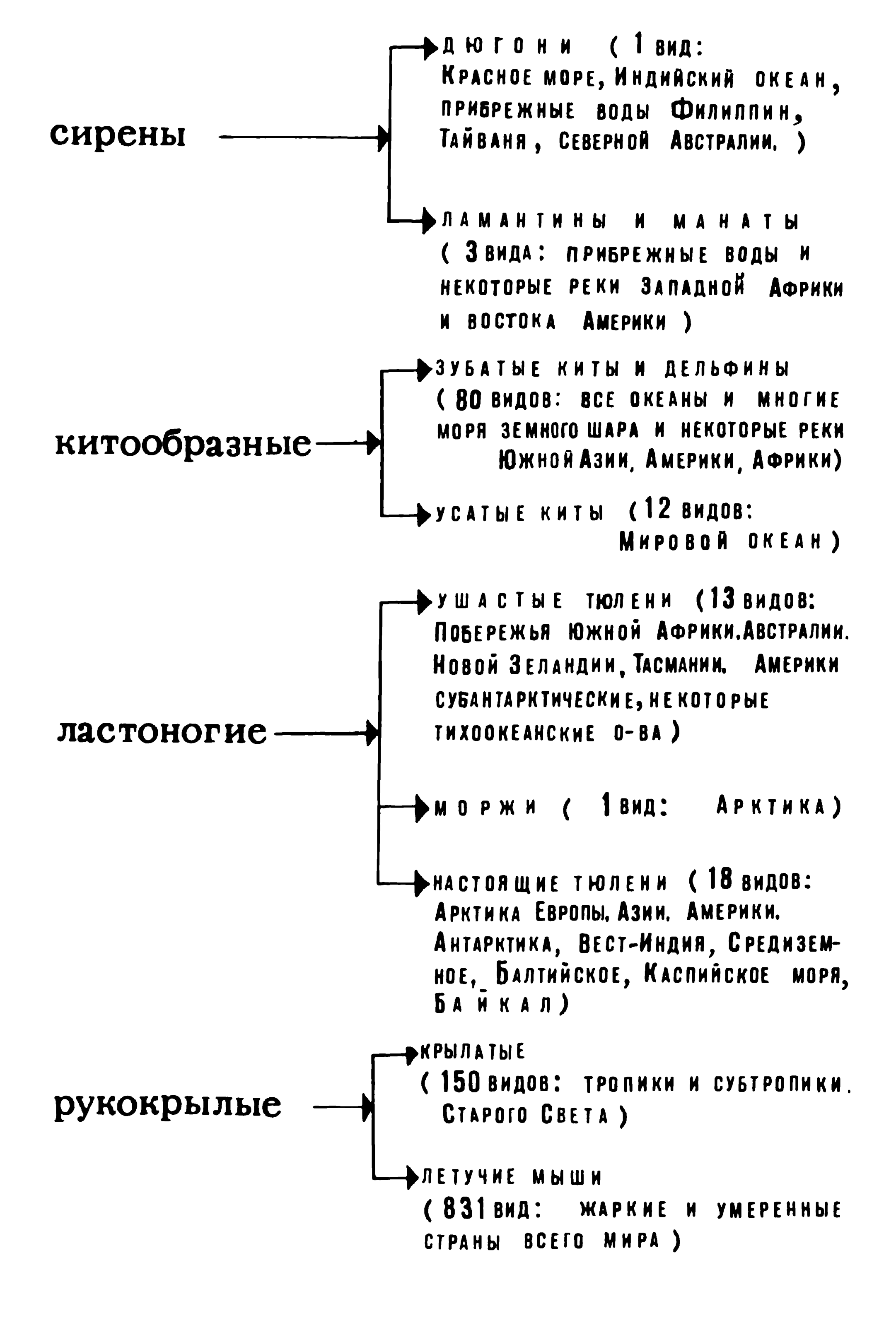
Когда гориллы повадятся разорять банановые рощи, люди окружают их, загоняют в сети, бьют дубинами и колют копьями «все, что движется в этих сетях».

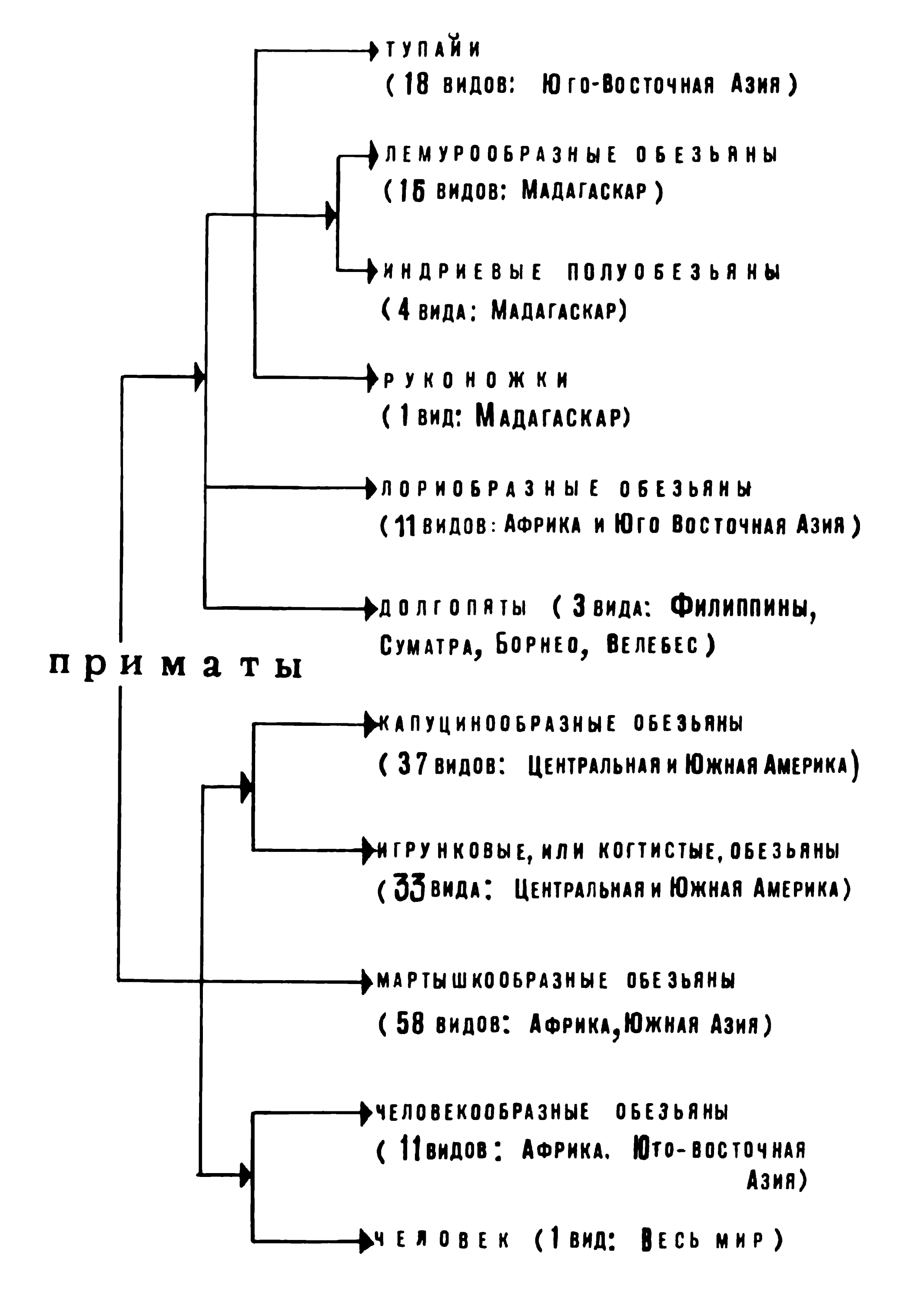
«Я видел, как туземные охотники, убив «старика», окружают самок и бьют их по головам палками. Самки даже не пытаются убежать, и невыносимо жалко смотреть, как они закрывают голову руками, чтобы защититься от ударов. Они даже не пробуют обороняться» (Фред Мерфильд).

Старые, но еще недавно распространяемые в печати рассказы о лохматом и свирепом «лесном демоне», глаза которого «буквально излучают пламя», не больше как миф и клевета на мирного вегетарианца.

«Возможно, и мы, люди, жили бы друг с другом более мирно и дружно, если бы были в более близком родстве с гориллой, а не шимпанзе» (Бернгард Гржимек).

ящеры
ПАНГОЛИНЫ (7 видов: Африка и Юго-Восточная Азия)
неполнозубые
МУРАВЬЕДЫ (4 вида: Центральная и Южная Америка)
ЛЕНИВЦЫ (7 видов: Центральная и Южная Америка)
БРОНЕНОСЦЫ (21 вид: Центральная и Южная Америка)
зайцеобразные
ПИЩУХИ (14 видов: Азия, Северная Америка)
ЗАЙЦЫ И КРОЛИКИ (52 вида: Европа, Азия, Африка, Америка)
грызуны
БЕЛКООБРАЗНЫЕ (66 видов: Европа, Азия, Африка, Америка)
МЫШЕОБРАЗНЫЕ (1183 вида: Европа, Азия, Африка, Австралия, Америка)
ДИКООБРАЗНЫЕ (180 видов: Южная Европа, Азия, Африка, Америка)
трубкозубые
ТРУБКОЗУБЫ (1 вид: Африка)
даманы
ДАМАНЫ (6 видов: Африка и Юго-Восточная Азия)
хоботные
СЛОНЫ (2 вида: Африка, Южная Азия)

сирены
дюгони (1 вид: Красное море, Индийский океан, прибрежные воды Филиппин, Тайваня, Северной Австралии.)
ламантины и манаты (3 вида: прибрежные воды и некоторые реки Западной Африки и востока Америки)
китообразные
зубатые киты и дельфины (80 видов: все океаны и многие моря земного шара и некоторые реки Южной Азии, Америки, Африки)
усатые киты (12 видов: Мировой океан)
ластоногие
ушастые тюлени (13 видов: Побережья Южной Африки, Австралии. Новой Зеландии, Тасмании. Америки субантарктические, некоторые тихоокеанские о-ва)
моржи (1 вид: Арктика)
настоящие тюлени (18 видов: Арктика Европы, Азии. Америки. Антарктика, Вест-Индия, Средиземное, Балтийское, Каспийское моря, Байкал)
рукокрылые
крылатые (150 видов: тропики и субтропики. Старого Света)
летучие мыши (831 вид: жаркие и умеренные страны всего мира)

тупайи
(18 видов: Юго-Восточная Азия)
лемурообразные обезьяны
(15 видов: Мадагаскар)
индриевые полуобезьяны
(4 вида: Мадагаскар)
руконожки
(1 вид: Мадагаскар)
лориобразные обезьяны
(11 видов: Африка и Юго Восточная Азия)
долгопяты (3 вида: Филиппины, Суматра, Борнео, Велебес)
приматы
капуцинообразные обезьяны
(37 видов: Центральная и Южная Америка)
игрунковые, или когтистые, обезьяны
(33 вида: Центральная и Южная Америка)
мартышкообразные обезьяны
(58 видов: Африка, Южная Азия)
человекообразные обезьяны
(11 видов: Африка. Юто-восточная Азия)
человек (1 вид: Весь мир)

Акимушкин Игорь Иванович

МИР ЖИВОТНЫХ. М., «Молодая гвардия», 1971.
304 стр., с илл. («Эврика»).

59

Редактор
Л. Антонюк

Художественный редактор
Б. Федотов

Технический редактор
В. Лубкова

Корректоры
З. Харитонова, Т. Пескова

Сдано в набор 14/XII 1970 г. Подписано к печати 28/X 1971 г. А08248. Формат 70×100[1]/16. Бумага № 1. Печ. л. 19 (усл. 24,7). Уч.-изд. л. 24,7. Тираж 200 000 экз. Цена 1 р. 82 к. Т. П. 1971 г., № 116. Заказ 2608.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.